

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 5 (66)
2020

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Адаптация методологии мониторинга
экономической безопасности России
к реализации национальных проектов
и государственных программ

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Образовательная политика
и управление качеством высшего образования:
понимание и особенности оценки

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Издержки подчинения закону
в управлении персоналом

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Комплексная оценка реализации
региональных стратегий
на основе статистического анализа

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 5 (66) 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталья Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Балынская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталья Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробагацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минъюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Юдина Оксана Леонидовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Oksana L. Yudina – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
- на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
- в ЭБС «Лань»
- в библиотеке «ЛитРес»

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес:

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Егорышев С.В.

Экономическая преступность как фактор снижения уровня управляемости обществом

6

Трошин Д.В.

Адаптация методологии мониторинга экономической безопасности России к реализации национальных проектов и государственных программ

16

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Шимановская Я.В.

Самосохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19

29

Кауфман Н.Ю.

Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект

36

Дуран Т.В., Костина Н.Б.

Образовательная политика и управление качеством высшего образования: понимание и особенности оценки

46

Заглодина Т.А., Чевтаева Н.Г.

Роль копинг-стратегий в профессиональной деятельности специалиста по социальной работе

58

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Мустаев И.З., Максимова Н.К.,

Мустаев Т.И.

Управление проектами создания технически сложных изделий, базирующееся на использовании социофизических моделей

71

Мортиков В.В.

Издержки подчинения закону в управлении персоналом

87

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Egoryshev S.V.

Economic crime as a factor in reducing the level of social governability

Troshin D.V.

Adaptation of the methodology for monitoring Russia's economic security to the implementation of national projects and state-run programs

SOCIAL MANAGEMENT

Shimanovskaya Ya.V.

Self-preservation behavior of Moscow residents during the COVID-19 pandemic

Kaufman N.Yu.

Problems of poverty in Russia: economic and social aspect

Duran T.V., Kostina N.B.

Educational policy and quality control of higher education: understanding and evaluation features

Zaglodina T.A., Chevtaeva N.G.

The role of coping strategies in the professional activity of a social work expert

CORPORATE MANAGEMENT

Mustaev I.Z., Maksimova N.K., Mustaev T.I.

Project management for creating technically complex products based on the use of socio-physical models

Mortikov V.V.

Costs of compliance with the law in personnel management

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е.

Институционализация и реализация государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом

**Большаков С.Н., Большакова Ю.М.,
Пritула О.Д.**

Ивентменеджмент как инструмент формирования региональной идентичности и его роль в продвижении имиджа региона

Резер Т.М., Григоренко Я.А.

Институт семьи как социальная ценность государства в условиях демографического кризиса

**Акулов А.О., Мухачёва А.В.,
Нестеров А.Ю.**

Комплексная оценка реализации региональных стратегий на основе статистического анализа

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Vasileva E.I., Zerchaninova T.E.

99 Institutionalization and implementation of public policy towards compatriots living abroad

**Bolshakov S.N., Bolshakova Yu.M.,
Pritula O.D.**

112 Event management as a tool for regional identity development and its role in promoting the image of the region

Rezer T.M., Grigorenko Ya.A.

121 The institution of the family as a social value of the state within the context of the demographic crisis

**Akulov A.O., Mukhachyova A.V.,
Nesterov A.Yu.**

132 Comprehensive assessment of the implementation of regional strategies based on statistical analysis

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ ОБЩЕСТВОМ

С.В. Егорышев^{1а}

«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена рассмотрению деструктивного характера и последствий влияния преступлений экономической направленности, прежде всего коррупции, на управление современным общественным развитием. Анализ проблемы осуществлен в сопоставлении общероссийского и регионального уровней. Региональный уровень представлен Республикой Башкортостан как одним из ведущих субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ позволил установить, что объем вреда, наносимый экономическими преступлениями управлению общественным развитием, огромен и темпы прироста этого вреда заметно выше уровня восходящей динамики этих преступлений как в стране, так и в регионе.

Не решает проблему деструктивных последствий экономической преступности правоохранительная деятельность. Несмотря на сравнительно высокий процент раскрываемости экономических преступлений в целом (более 70 %) и коррупционных в том числе (более 90 %), по причине их высокой латентности, трудностей выявления, расследования и последующего судебного преследования добиться существенного снижения их уровня не удастся. В статье отмечается активная роль представителей управленческого аппарата в расширении экономической преступности, прежде всего коррупции. В этой связи в статье решается задача проанализировать состояние, динамику и особенности экономической преступности, факторы, её детерминирующие, и последствия влияния на управленческую деятельность. Анализ материала проведен и использованием межпредметной методологии (социологические и юридические науки) на основе статистического материала с 2012 по 2019 годы.

Отраженные в тексте результаты послужат дополнением теоретических и эмпирических основ социологии управления, социологии права, социологии девиантного поведения, криминологии, а также будут интересны специалистам в данной предметной области и практикам из правоохранительных органов. Выделенные в статье последствия влияния экономических и коррупционных преступлений на управление обществом позволило поставить вопрос о разработке на межпредметном уровне проблемы содержания понятий «социально терпимый уровень» данного вида преступности и «социально одобренный уровень» их минимизации, а также определения критериев измерения этих уровней, включая социальные. Это позволит переосмыслить имеющиеся и предложить новые меры, направленные на существенное снижение давления экономической преступности на управляемость обществом на разных уровнях его организации.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья содержит результаты исследования, проведенного в соответствии с государственным заданием УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 год.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление обществом, экономическая преступность, коррупция, специфика проявления, страна и регион, факторы детерминации, деструктивное влияние, направление противодействия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Егорышев С.В. (2020). Экономическая преступность как фактор снижения уровня управляемости обществом // Вопросы управления. № 5. С. 6–15.

¹ AuthorID РИНЦ: 317567

В настоящее время на всех уровнях организации российского социума много говорится и пишется об экономической преступности, включая ее коррупционную составляющую, и о существенном её влиянии на управляемость как российского общества в целом, так и его региональных сегментов. Средства массовой информации, сеть «Интернет» ежедневно сообщают о разоблаченных коррупционерах, о хищениях бюджетных денежных средств и вывозе их за рубеж.

Исследователи, представляющие различные отрасли социально-гуманитарных наук, еще в начале 90-х годов прошлого века сделали неутешительный вывод о том, что преступность, в том числе в сфере экономики, стала не только очевидной опасностью по отношению к социально-экономическому развитию государства, существенно замедляя динамику этого развития, но и угрозой национальной безопасности страны.

Подобная угроза в настоящее время не только сохраняется, но и существенно усиливается. При этом эту угрозу в большей мере несут преступления экономической направленности, которые в статистической отчетности правоохранительных органов представлены 48 разновидностями, из которых приносят наибольший вред и вызывают широкий общественный резонанс преступления коррупционного характера. Эти преступления в Республике Башкортостан, например, в 2018 году составили четверть от всех зарегистрированных экономических преступлений. На уровне всей страны имеет место примерно такое же соотношение (22,3 % в 2019 году).

Коррупция в общественном сознании зачастую воспринимается как естественная норма межличностных деловых отношений, а государственная и муниципальная служба оценивается как разновидность бизнеса. В результате в обществе формируется отчасти безразличное, отчасти терпимое отношение к проявлениям коррупционного поведения, а среди управленцев, особенно верхних звеньев пирамиды управления государством, соблазн воспользоваться своими должностными возможностями с целью получения для себя дополнительных благ приобрел характер непреодолимой силы, невзирая на требования правовых

и профессиональных норм. В социологии это вслед за Э. Дюркгеймом называют «нарушением коллективного порядка» или «социальной дезорганизацией», т. е. аномией [1, с. 237].

Вследствие этого аппарат управления в лице бюрократии из имманентно необходимого обществу институту, что, например, подчеркивал Г. Гегель [2, с. 335–336], все больше и чаще превращается в «вещь в себе» и для себя.

В этой связи можно вспомнить К. Маркса, который отмечал: «Бюрократия образует особую корпорацию, замкнутое общество в государстве. Поэтому, по сущности, бюрократия есть государственный формализм, государство как формализм, мнимое государство наряду с реальным государством. Бюрократия должна... защищать мнимую всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти мнимую особенность всеобщего интереса, свой собственный дух» [3, с. 270].

В таких условиях, естественно, эффективность управленческой деятельности снижается, и все чаще высшая власть вынуждена прибегать к так называемому «ручному управлению», решать социальные и экономические проблемы, входящие в компетенцию нижестоящих субъектов в управлении. А это, в свою очередь, усиливает авторитарность управления, что является благоприятной средой для его бюрократизации.

Н. Смелзер, задавая вопрос, «станет ли общественная жизнь настолько сложной, что возникнет необходимость уничтожить бюрократию, а не совершенствовать ее на основе создания новых бюрократий», ответил, что «конца бюрократии пока не предвидится», и образно пояснил почему: «Отношения между современным обществом и бюрократией в какой-то мере напоминают отношения между супругами-неврастениками. Любовь пополам с ненавистью, но мы в такой зависимости, что не можем решиться на развод» [4, с. 194].

В настоящей статье не ставится цель рассмотрения феномена бюрократии, которому посвящено много глубоких и интересных публикаций [5; 6].

В контексте исследуемой проблемы необходимо подчеркнуть, что бюрократизм как «форма превратного понимания и осуществления социальной власти», «как искаженная

форма управления» [7, с. 415], являясь сам по себе социальным отклонением делинквентного характера, тесно связан с другими видами девиантного поведения, детерминируя их. Проявления бюрократизма как управленческой патологии и социальной девиации многоаспектны и многогранны – от чрезмерного «служебного рвения» до групповой организованной преступности [8, с. 326].

Если говорить о преступности, то бюрократизм паразитирует, прежде всего, на преступлениях в экономической сфере, способствуя коррупции, которые, в свою очередь, способствуют повсеместному распространению бюрократизма.

В силу своей высокой, даже особой опасности коррупция давно является предметом пристального внимания законодателей, политиков, правоохранительных структур, исследователей и широкой общественности. Поэтому в литературе, содержащей анализ природы этого явления, присутствует большое число определений понятия коррупции. Это связано еще и с многообразием проявления коррупции: от нравственных отклонений до коррупционных преступлений; от коррупционных проявлений в сфере государственного и муниципального управления до так называемой благодарности в межличностном общении [9; 10; 11].

По причине выраженной социальной значимости проблемы совершенствования управляемости российским обществом в целом и конкретными сферами его жизнедеятельности, а также недостаточности изучения деструктивного влияния различных факторов, включая социальную девиацию, на социально-экономическое развитие социума и управление этим процессом, прежде всего на уровне регионов [12; 13], данная проблематика должна исследоваться на междисциплинарном уровне, что значимо не только для получения интересных теоретических умозаключений, но и для последующего решения практических задач.

В этой связи в статье ставится цель проанализировать в динамике на основе статистического материала за 2012–2019 годы последствия деструктивного влияния экономической преступности на управляемость обще-

ством в сравнении федерального и регионального (Республика Башкортостан) уровней.

Рассматривая коррупцию как фактор снижения эффективности государственного и муниципального управления, наряду с имеющимися в литературе дефинициями, на наш взгляд, целесообразно пользоваться определением, содержащимся в законодательстве: «коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [14].

Преступления коррупционной направленности отличаются выраженной латентностью, поэтому статистические оценки этого явления настолько условны, что не позволяют в полном объеме представить действительное состояние преступности в стране.

О латентности коррупции говорит, например, тот факт, что по исследованиям специалистов в конце 90-х годов прошлого века на один выявленный факт взяточничества приходилось 22 тысячи не выявленных [15, с. 277]. Уголовная статистика в силу ряда не только объективных причин фиксирует снижение в целом по стране и региону общего уровня преступности, включая экономическую (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что в сравнении с 2012 годом в России, также как и в Республике Башкортостан, наблюдается снижение уровня преступлений экономической направленности.

В объеме всех преступлений экономические преступления в стране и регионе составляли соответственно в 2012 году – 7,5 и 10,8 %; в 2016 году – 5,0 и 3,3 %; в 2017 году – 5,1 и 3,6 %; в 2018 году – 5,5 и 3,6 %; в 2019 году в России – 5,2 %.

Для сравнения: в Свердловской области в 2012, 2016, 2017 и 2019 годах соответственно имели место следующие показатели: 7,7; 4,4; 3,2 и 3,9 % [16; 20; 21; 22].

Таблица 1 – Состояние преступности в экономической сфере России и Республики Башкортостан в 2012-2019 годах [16; 20–24; 27–29]

Table 1 – The state of crime in the economic sphere of Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012-2019 [16; 20–24; 27–29]

Виды преступлений	Российская Федерация					Республика Башкортостан				
	2012	2016	2017	2018	2019	2012	2016	2017	2018	2019
Всего экономической направленности, в том числе:	172 975	108 754	105 087	109 463	104 927	7 038	2 179	2 212	2 456	—
тяжкие и особо тяжкие	99 227	65 134	—	64 736	63 285	4 070	1 278	1 165	1 203	—
против собственности	72 004	34 673	—	33 873	32 596	3 480	653	683	698	—
в сфере экономической деятельности	34 405	28 967	—	36 543	37 788	1 094	514	460	625	—
связанные с потребительским рынком	30 066	9 882	—	10 182	8 566	1 354	109	44	60	—
в финансово-кредитной сфере	51 433	28 884	—	29 833	29 779	1 064	599	459	460	—
в сфере внешне-экономической деятельности	1 863	971	—	950	1 112	57	3	5	12	—
связанные с недвижимостью	11 093	6 362	—	7 372	7 340	619	198	619	681	—

Вместе с тем высока доля тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности. В 2012 году их доля составляла в России 57,4 %, а в Республике Башкортостан – 51,9 %, в 2016 году – 59,9 и 58,7 %, в 2018 году – 59,1 и 49,0 % соответственно.

В 2019 году по стране в целом эта доля составила 60,3 %, в Республике Башкортостан – 56,7 %. Для сравнения: в Свердловской области эта доля была ниже – 41,1 %. Доля тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности в Свердловской области в 2012 году составляла 63,7 %; в 2016 году – 67,1 %; в 2017 году – 53,2 % и в 2019 году – 46,0 % [16; 20; 23].

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют, что по сравнению с 2012 годом уровень экономической преступности заметно стал ниже. Однако, в последние годы проявилась тенденция роста преступлений в сфере экономической деятельности. Экономическая преступность сама по себе свидетельствует о проявлении дисфункции в механизме управления обществом и, прежде всего, его экономической сферой. Это касается ослабления возможностей регулятивной и контрольной функций управления. Во много этим вызвана необходимость готовящейся реформы контрольно-надзорной деятельности [30, с. 2].

Экономическая преступность сужает материально-финансовую базу управления, нанося ей существенный материальный ущерб. В

2012 году такой ущерб составил по стране в целом 144,8 млрд руб., в Республике Башкортостан – 4,0 млрд руб.; в 2016 году соответственно 398,0 млрд руб. и 2,9 млрд руб.; в 2018 году соответственно 403,8 млрд руб. и 3,5 млрд руб. В 2019 году материальный ущерб от преступлений экономической направленности был равен 44,7 млрд руб., а это более 70 % от объема материального ущерба, причиненного всеми совершенными в стране преступлениями в 2019 году (627,7 млрд руб.) [16; 20–24; 27; 29].

Среди преступлений экономической направленности, деструктивно влияющих на снижение уровня и эффективности управления обществом и государством, особо следует указать на коррупционные преступления.

Статистика (табл. 2) не отражает устойчивую тенденцию снижения уровня регистрируемых преступлений коррупционного характера как на уровне страны, так и рассматриваемого нами региона. Более того, несмотря на принимаемые меры антикоррупционной борьбы, особенно заметен рост величины денежных сумм, участвующих в коррупционном обороте (получение взятки – ст. 290 УК РФ; дача взятки – ст. 291 УК РФ; посредничество во взяточничестве – ст. 291.1 УК РФ). Так, если размер таких сумм в 2012 году в Республике Башкортостан был равен 5 463 тыс. руб., то в 2017 году – 36 940 тыс. руб. и в 2018 году – 70 132 тыс. руб. [24; 28; 29]. То есть коррупционеры стали выше ценить свои «услуги»,

Таблица 2 – Состояние преступлений коррупционной направленности в России и Республике Башкортостан в 2012-2019 годах [16; 20–24; 27–29]

Table 2 – The state of corruption-related crimes in Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012-2019

Преступления коррупционной направленности	Российская Федерация					Республика Башкортостан				
	2012	2016	2017	2018	2019	2012	2016	2017	2018	2019
Всего таких преступлений	49 513	27 050	29 634	30 495	30 991	1 690	549	593	623	—
в том числе:										
взятничество	9 758	9 984	12 111	527	13 867	255	327	107	293	—
коммерческий подкуп	1 212	1 165	—	968	1 294	104	116	36	36	—

возросла стоимость риска в коррупционном поведении; как следствие, появился существенный рост размеров криминального коррупционного дохода. А это тоже финансовые ресурсы, которые могли бы стать инвестициями в те или иные социально-экономические проекты.

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, коррупция существенно подрывает авторитет не только уличенных в ней управленцев, но в целом органов власти и управления, снижает эффективность функций управления, взаимодействия его структур в управленческой иерархии, минимизирует инициативу и ответственность служащих, а значит и роль управления в общественном развитии, ставя под сомнение перспективы воплощения идей социального и правового государства в России.

Коррупция способствует также укреплению авторитарного стиля управления, так как без этого не удастся решать стоящие перед управленцами задачи.

С другой стороны, парадокс состоит в том, что коррупция характеризуется высокой адаптивностью к существующим и создающимся правовым, финансово-экономическим и социальным барьерам [31, с. 8–9], разрушая имеющиеся и противодействуя созданию новых.

Необходимо согласиться со специалистами, подчеркивающими тезис о том, что «криминальная составляющая не является главенствующей в определении понятия коррупции, так как данное явление представляется неизмеримо более сложным в социальном, экономическом и политическом плане, бороться с нею посредством воздействия на ее элементы только правовыми средствами вряд ли удастся» [32, с. 141].

Более того, коррупционное поведение проявляется в качестве причины практически

всех экономических преступлений, большинства других видов преступности во всех сферах общества. Вследствие этого в обществе возник своего рода синдром привыкания к ней, значительной частью социума сообщения о разоблачении мздоимцев воспринимаются как попытки одних представителей политической элиты ослабить позиции конкурентов и укрепить свое собственное положение, обеспечив продвижение в номенклатурной иерархии [32, с. 142–423].

Обобщая сказанное, укажем наиболее очевидные последствия деструктивного влияния преступлений экономического характера, прежде всего коррупции, на управляемость обществом. Эти преступления не позволяют субъектам государственного и муниципального управления всех уровней добиться эффективного решения стоящих перед ними не только стратегических, но и тактических задач, так как ограничиваются ресурсы, необходимые для их решения перераспределяются бюджетные средства. В случае же несовпадения интересов этих групп с интересами групп влияния, решаемые задачи образуют предмет конфликта интересов между обществом и государством с одной стороны и коммерческих структур – с другой; включаются механизмы лоббирования, давления, подкупа и т. п. А коррумпированный или участвующий непосредственно в экономических преступлениях управленческий персонал не поступится возможностью личной выгоды.

Последствия экономических преступлений, в том числе коррупционных, становясь достоянием гласности, подрывают доверие не только к представителям органов управления, но и к управленческим структурам в целом, ставя под сомнение их легитимность, а также вызывают в общественном сознании апатию гораздо чаще, нежели негодование. Уча-

ствие государственных и муниципальных служащих непосредственно или чаще опосредованно в коммерческой деятельности, что законодательно запрещено, меняет приоритеты в выполнении ими своих должностных полномочий и снижает их эффективность, нередко сводя ее к минимуму.

Все шире в чиновничьей среде распространяется убеждение о мздоимстве как норме жизни, благодаря тому, что на заре рыночных реформ их идеологи считали коррупцию способом эмансипации чиновничества к новым рыночным отношениям (Г. Х. Панов), а Е. Т. Гайдар утверждал, что «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно „выкупить“» [33, с. 143]. Вот и «выкупаются» должности, контракты, ресурсы.

Ухудшается инвестиционный климат, что уменьшает поступление средств инвесторов в экономическую и социальную сферы, и капитал выводится из оборота. Экономические преступления, и главным образом коррупция, существенно снижают регулируемую роль институтов государственного и социального контроля, в том числе правосудия и правоохраны. Если обратиться к статистике, то заметен достаточно высокий процент раскрываемости выявленных экономических преступлений. Так, например, в стране в 2019 году было раскрыто 60,1 % таких преступлений, в том числе 90,9 % преступлений коррупционной направленности, включая связанные со

взяточничеством – 86,1 % [23]. Вместе с тем, по оценкам специалистов, наказание виновным в этих преступлениях назначается только в каждом 4-5 случае [34, с. 227; 11, с. 20].

Очевидно, что преодолеть коррупцию и деструктивное влияние экономической преступности на функционирование системы управления полностью невозможно. Это связано с самой природой этих социальных отклонений, уровнем общественного развития, включая его социально-культурную составляющую, с ограниченными возможностями правового и в целом социального контроля, так как зачастую осуществляют этот контроль в силу должностных обязанностей сами же коррумпированные чиновники. Называть причины трудностей антикоррупционных мер можно продолжать и продолжать. В этих условиях речь должна идти о достижении социально одобряемого уровня антикоррупционной политики в стране, позволяющей обеспечить социально терпимый уровень данного вида преступности.

Для этого важно ответить на принципиальный вопрос, насколько управленческий аппарат всех уровней заинтересован и готов поступиться своим благополучием. И не на уровне «кампанейщины», а системно решать эти задачи. Характер ответа на этот вопрос повлечет за собой политико-правовые, социально-экономические, социо-культурные и научно-исследовательские действия и последствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль. 399 с.
2. Гегель Г.В. (1990). Философия права / пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М. : Мысль. 524 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собрание сочинений. Т. 1. Изд. 2-е. 689 с.
4. Смелзер Н. (1994). Социология / пер. с англ. М. : Феникс. 688 с.
5. Восленский М.С. (1991). Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : «Советская Россия», МП «Октябрь». 624 с.
6. Калинина Л.Е. (2014). Программно-целевая бюрократия: публично-правовой аспект // Госу-

дарственная власть и местное самоуправление. № 10. С. 11-14.

7. Граждан В.Д. (2008). Социология управления: учебник. М. : КНОРУС. 512 с.

8. Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Нерсисянц В.С. (1989). Социальные отклонения. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юридическая литература. 368 с.

9. Колосова Н.М. (2014). Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. № 2. С. 53–59.

10. Кузнецова Н.Ф. (1993). Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 1. С. 21–26.

11. Максимов С.В. (2000). Коррупция в России. Уфа : Уфимский филиал Академии налоговой полиции ФСНП РФ. 70 с.

12. Егорышев С.В. (2019). Деструктивное вли-

яние социальной девиации на развитие регионального социума (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Серия: Социально-экономические науки. № 3. С. 17–26.

13. Егорышев С.В. (2020). Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 1. С. 89–101.

14. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. 2020. 25 апреля.

15. Лунеев В.В. (1996). Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 78–91.

16. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2013. 50 с.

17. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2014. 52 с.

18. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2015. 52 с.

19. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года / Главное информационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. М., 2016. 52 с.

20. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2017. 53 с.

21. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года / Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. М., 2018. 43 с.

22. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2019. 53 с.

23. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года / ФКУ «Главный информационный аналитический центр» МВД РФ. М., 2020. 65 с.

24. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2012 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 01.10.2019).

25. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2013 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 15.03.2020).

26. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2014 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 01.10.2019).

27. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2016 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 03.06.2019).

28. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2017 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 15.03.2020).

29. Итоги деятельности МВД по РБ за январь – декабрь 2018 года / Информационный центр МВД по РБ. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (дата обращения: 25.10.2019).

30. Галиева Д. (2020). КНД войдет в вечность (Бизнес просит сделать реформу контроля и надзора постоянной) // Коммерсант. № 123. 15 июля.

31. Гилинский Я.И. (2019). Преступность: Что это? Кто виноват? // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 1 (35). С. 6–13.

32. Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М. : ИСПИ РАН, 2014. 306 с.

33. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М. : Евразия, 1995. 208 с.

34. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции : Монография. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор; Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Россия, Уфа, пр-кт Октября, 71); sv_egoryshev@mail.ru.

ECONOMIC CRIME AS A FACTOR IN REDUCING THE LEVEL OF SOCIAL GOVERNABILITY

S.V. Egoryshev^{2a}

^aUfa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

The article deals with the destructive nature and consequences of the impact of economic crimes, primarily corruption, on the management of modern social development. The problem is analyzed by comparing the national and regional levels. The regional level is represented by the Republic of Bashkortostan as one of the leading subjects of the Russian Federation. Due to the analysis it became possible to figure out that the amount of harm caused by economic crime management, social development is tremendous, and the growth rate of this damage is considerably above the level of the rising dynamics of these crimes both in the country and in the region.

Law enforcement does not solve the problem of the destructive consequences of economic crime. Despite the relatively high clearance rate in the economic sphere in general (more than 70 %) and corruption crimes in particular (more than 90 %), due to their high latency, difficulties in detecting, investigating and subsequent prosecution, it is not possible to achieve a significant reduction in their level. The article notes the aggressive role of the administrative staff in the expansion of economic crime, especially corruption. In this regard, the article solves the problem of analyzing the situation, dynamics and features of economic crime, the factors that determine it, and the consequences of its influence on management activities. The analysis of the material was carried out using an interdisciplinary methodology (social and legal sciences) based on statistical material from 2012 to 2019.

The results reflected in the text will complement the theoretical and empirical basics of the sociology of management, the sociology of law, the sociology of deviant behavior, criminology, and will also be of interest to experts in this subject area and practitioners from law enforcement agencies. Highlighting the effects of economic and corruption crimes on the management of the company has allowed us to raise the issue of development at the interdisciplinary level the content of the concepts of “socially tolerable level” of this type of crime and “socially approved level” of their minimization, and the establishment of criteria to measure these levels, including social ones. This will enable us to rethink the existing measures and propose new ones aimed at significant reduction of the pressure of economic crime on the manageability of society at different levels of its organization.

FUNDING: The article contains the results of a study conducted in accordance with the national task of the Ural Federal Research Center of No. 075-01211-20-01 for 2020.

KEYWORDS: governance of society, economic crime, corruption, specificity of the effect, country and region, determination factor, destructive effect, counteracting direction.

FOR CITATION: Egoryshev S.V. (2020). Economic crime as a factor in reducing the level of social governability, *Management Issues*, no. 5, pp. 6–15.

REFERENCES

1. Durkheim E., Bazarov V.A. (ed.) (1994). <i>Suicide: A Sociological Study</i>. Moscow, Mysl, 399 p. 2. Hegel G.W.F. (1990). <i>Philosophy of Law</i>. Moscow, Mysl, 524 p. 3. Marx K., Engels F. <i>To criticism of Hegel's philosophy of law</i>. Collected works. Vol. 1. 2nd ed., 689 p.	4. Smelzer N. (1994). <i>Sociology</i>. Moscow, Phoenix, 688 p. 5. Voslensky M.S. (1991). <i>Nomenclature</i>. The

²RSCI AuthorID: 317567

dominant class of the Soviet Union. Moscow, Soviet Russia, October, 624 p.

6. Kalinina L.E. (2014). Program-target bureaucracy: public-legal aspect, *State power and local government*, no. 10, pp. 11–14.

7. Grazhdan V.D. (2008). Sociology of management. Textbook. Moscow, KNORUS, 512 p.

8. Kudryavtsev V.N., Borodin S.V., Nersyants V.S. (1989). Social deviations. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 368 p.

9. Kolosova N.M. (2014). Lobbyism and Corruption, *Journal of Russian Law*, no. 2, pp. 53–59.

10. Kuznetsova N.F. (1993). Corruption in the system of criminal offenses, *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, no. 1, pp. 21–26.

11. Maksimov S.V. (2000). Corruption in Russia. Ufa, Ufa branch of the Tax Police Academy of the Federal Tax Police Service of the Russian Federation, 70 p.

12. Egoryshev S.V. (2019). Destructive influence of social deviation on the development of regional society (on the example of the Republic of Bashkortostan), *Bulletin of the Perm National Research University. Series: Socio-economic sciences*, no. 3, pp. 17–26.

13. Egoryshev S.V. (2020). The impact of criminal deviation on demographic processes in the Republic of Bashkortostan, *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*, vol. 20, no. 1, pp. 89–101.

14. On combating corruption, Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on April 24, 2020). Rossiyskaya Gazeta. 2020. April 25.

15. Luneev V.V. (1996). Corruption, considered and factual, *State and Law*, no. 8, pp. 78–91.

16. The state of crime in Russia in January – December 2012. Main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2013, 50 p.

17. The state of crime in Russia in January – December 2013. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2014, 52 p.

18. The state of crime in Russia in January – December 2014. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2015, 52 p.

19. The state of crime in Russia in January – December 2015. Main information and analytical department. Department of Legal Statistics of the Gen-

eral Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2016, 52 p.

20. The state of crime in Russia in January – December 2016. Main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2017, 53 p.

21. The state of crime in the Russian Federation in January – December 2017. Main Department of Legal Statistics and Information Technologies of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2018, 43 p.

22. The state of crime in Russia in January – December 2018. Main information analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2019, 53 p.

23. The state of crime in Russia in January – December 2019. Main Information Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2020, 65 p.

24. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2012. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 01.10.2019).

25. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2013. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 15.03.2020).

26. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2014. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 01.10.2019).

27. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Bashkortostan for January – December 2016. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 03.06.2019).

28. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2017. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 15.03.2020).

29. The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan for January – December 2018. Information Center of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan. URL: <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti/> (accessed 25.10.2019).

30. Galieva D. (2020). Control and supervisory activities will enter eternity (Business asks to make the reform of control and supervision permanent), *Kommersant*, no. 123. July 15.

31. Gilinsky Ya.I. (2019). Crime: What is it?

Who's guilty? *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (35), pp. 6–13.

32. Sociology and economics of modern social reality. Social and socio-political situation in Russia in 2013. Moscow, ISPI of RAS, 2014, 306 p.

33. Gaidar E.T. (1995). State and evolution. Moscow, Eurasia, 208 p.

34. Luneev V.V. (2005). XX century crime. World, regional and Russian trends. Moscow, Walters Kluver, 912 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey V. Egoryshev – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Av., Ufa, 450054, Russia); sv_egoryshev@mail.ru.

АДАПТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ К РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Д.В. Трошин^{1а}

^аФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Национальные проекты и государственные программы рассмотрены как объекты мониторинга для оценки качества их выполнения. Они являются составной частью объекта мониторинга экономической безопасности, поэтому для обеспечения целостности методологии, преемственности, возможности использовать общее информационное поле целесообразно создавать методологию мониторинга реализации проектов и программ на основе методологии мониторинга экономической безопасности, разработанной для использования в рамках Федеральной системы управления рисками. Национальные проекты и программы реализуются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Для их реализации на муниципальном уровне требуется выполнение ряда условий по ресурсному обеспечению, решению юридических задач, землеотвода и др. Анализ выполнения всех условий также должен быть предметом мониторинга. Кроме того, на целевые показатели могут влиять не только мероприятия, предусмотренные в проектах и программах. Для объективного анализа необходимо учитывать широкий круг условий и факторов. Использование только целевых показателей недостаточно, поскольку в значительной степени подход к их разработке при формировании проектов и программ – формальный, и они лишь частично и косвенно отражают объективные результаты изменения ситуации в том или ином социально-экономическом аспекте. Для более полного мониторинга необходимо использовать факторные модели, балансовые модели, а также другие, в том числе на муниципальном и региональном уровнях, с дальнейшей интеграцией на федеральном уровне мониторинга. В целях эффективной реализации мониторинга необходимо на всех уровнях государственного управления и местного самоуправления формировать аналитические структуры, системы сбора и обработки информации, обеспечить кадровую подготовку.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая безопасность, проект, программа, мониторинг, целевой показатель, факторное моделирование, стратегическое планирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Трошин Д.В. (2020). Адаптация методологии мониторинга экономической безопасности России к реализации национальных проектов и государственных программ // Вопросы управления. № 5. С. 16–27.

Введение

Результаты реализации национальных проектов и программ в процессе стратегического управления развитием социально-экономической сферы являются объектом наблюдения, оценки и анализа для обеспечения обратной связи в процессе управления их выполнения. Эти результаты носят социально-экономическое

содержание и влияют на состояние экономической безопасности. Выполнение документов стратегического планирования, а также различных государственных проектов и программ является одним из объектов мониторинга экономической безопасности, предусмотренного в качестве одной из ключевых задач Федеральной системы управления риска-

¹ AuthorID РИНЦ: 669030, ORCID: 0000-0001-8549-6372

ми (ФСУР) [1]. В связи с этим для мониторинга выполнения проектов и программ целесообразно адаптировать методологию мониторинга экономической безопасности, что позволит обеспечить методологическую и терминологическую преемственность. Методология мониторинга экономической безопасности была разработана в ходе предыдущих исследований [2–4]. Она предполагает выявление всех факторов ущерба для национальной экономики и проведение комплексного анализа их актуального и перспективного влияния на состояние экономической безопасности в рамках функционирования ФСУР.

Основы методологии мониторинга экономической безопасности

В рамках указанной выше методологии мониторинга экономической безопасности была разработана интерпретация витального подхода к исследованию и управлению организационными системами для проблематики экономической безопасности, отразившаяся в онтологии проблематики безопасности в целом и экономической безопасности в частности. Методология экономической безопасности включает в свой состав следующие системно взаимосвязанные элементы:

- онтология проблематики экономической безопасности, в т. ч. понятийная база [5];
- концептуальное описание экономики, как социально-культурного объекта [6];
- концептуальная модель институциональной системы мониторинга рисков и угроз экономической безопасности РФ, включая модель предметной сферы мониторинга экономической безопасности на федеральном уровне;
- классификация и типология факторов ущерба в интересах мониторинга экономической безопасности;
- концептуальная модель источников возникновения рисков и угроз на федеральном уровне;
- комплекс основных механизмов мониторинга экономической безопасности России;
- комплекс моделей и методик анализа экономической безопасности, включая модель оценки состояния экономической безопасности России, методику анализа конкретных ситуаций рисков и угроз экономической безопасности с помощью факторных моделей,

комплекс многофакторных моделей оценки рисков реализации угроз экономической безопасности, реализованный в цифровой технологии [7, 8];

– комплекс моделей подготовки решений по нейтрализации угроз;

– методика организации мероприятий по нейтрализации источников рисков и угроз экономической безопасности;

– подход к созданию информационной модели мониторинга [9];

– методика сбора первичной информации для актуализации базы данных и знаний по угрозам и рисками в рамках осуществления мониторинга [10].

В методологии использован полимодельный подход к разработке методического обеспечения. Предложенные механизмы мониторинга учитывают необходимость комплексного учета и анализа информации. Через всю методологию за счет витального подхода проходит положение, что безопасность – состояние полного удовлетворения интересов субъекта, когда вероятность значимого нарушения такого состояния пренебрежимо мала. В этом случае безопасность фактически является целью существования, а развитие – инструментом достижения этого состояния. В такой парадигме снято кажущееся, но укоренившееся в научной методологии и политической практике противоречие между безопасностью и развитием. Противоречие существует лишь между достижением различных уровней безопасности в различные временные моменты на оси времени от «сейчас» в будущее. Это позволяет выстраивать целенаправленный процесс управления развитием системы, включая планирование достижения желательного будущего (состояния безопасности) через наращивание потенциала обеспечения существования и его рациональное использование, при этом не отвлекаясь на согласование механизмов развития и обеспечения безопасности, искусственно монтируя в целеполагание преодоление критических важных (пороговых) значений некоторых показателей, практически значимая методология расчета которых так и не состоялась [11].

Выполнение (в т. ч. его прогноз) государственных программ, планов, заданий в сфере

экономики определено в качестве одного из предметов мониторинга. На уровне рассматриваемой в этой работе задачи мониторинга реализации государственных проектов и программ последние становятся объектом мониторинга, а его предметом – различные параметры их выполнения, а также причины и факторы невыполнения.

Адаптация методологии в данном случае предполагает уточнение, интерпретацию общих положений методологии конкретно к предмету и объекту мониторинга.

Национальные проекты и государственные программы как объекты мониторинга

В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ, «государственная программа Российской Федерации – документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимовязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Государственные программы относятся к документам стратегического планирования. Категория «проект» как программный, плановый, руководящий документ в этом законе отсутствует. В то же время в нем в качестве документа стратегического планирования указаны «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации». В этом документе, подписанном 29 сентября 2018 г., на период до 2024 года для достижения национальных целей, поставленных в «майских указах» Президента РФ в 2018 году, приведен перечень подлежащих реализации национальных проектов: «Демография», «Здравоохранение», «Жилье и городская среда», «Образование», «Производительность труда и поддержка занятости», «Экология», – и государственных программ: «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Развитие физической культуры и спорта», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услуга-

ми граждан Российской Федерации», «Охрана окружающей среды» (на 2012–2020 гг.), «Развитие атомного энергопромышленного комплекса», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Содействие занятости населения».

На основании анализа структур проектов и программ различного уровня можно сложить основу структуры документов планирования (в части, касающейся проектов и программ), являющихся руководством к действию для федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), подчиняющихся Правительству РФ, для реализации национальных целей (рис. 1).

В рамках настоящей работы объект исследования по уровням иерархии документов ограничен национальными проектами, федеральными проектами и государственными программами.

Строго говоря, нет сущностной разницы между государственными программами и национальными или федеральными проектами как видами документов стратегического планирования, содержащими различные целевые показатели, мероприятия и динамику финансирования. В пользу этого говорит не только содержательный анализ методического обеспечения их разработки, паспортов и конкретного содержания, но и формальный. Так, это подтверждает само название документа «Методические указания по разработке национальных проектов (программ)», утвержденное президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 14.10.2019 № 12). В западных странах подобные документы традиционно именовались проектами, а в практике СССР и России – программами. Тем не менее, рассмотрим содержание и структуру видов документов, включенных в объект исследования.

Облик национального проекта отражен в его паспорте. Этот документ включает ряд разделов с точки зрения осуществления мониторинга.

1. Основные положения, где указаны куратор, руководитель и администратор национального проекта. Эти лица, с одной стороны, могут являться объектами воздействия угроз для реализации проекта, а с другой – уязвимо-

Рисунок 1 – Фрагмент онтологии документов, регулирующих деятельность федеральных органов исполнительной власти по реализации национальных целей

Figure 1 – Fragment of the ontology of documents regulating the activities of federal executive authorities for the implementation of national goals

стями, если их квалификация и добросовестность (точнее отсутствие того и (или) другого) не позволяют выполнить проект на заданном уровне.

2. Цели и целевые показатели. По значениям целевых показателей можно судить о выполнении национального проекта.

3. Перечень федеральных проектов, реализация которых осуществляется для достижения цели соответствующего национального проекта.

4. Перечень конкретных задач каждого федерального проекта, которые должны быть выполнены. Результат выполнения этих задач является предметом мониторинга национального проекта.

5. Финансирование национального проекта из различных бюджетов. Выделение финансов и состояние бюджетов – предмет мониторинга.

В заключительном разделе паспорта обнаруживается указание на источник данных по выполнению задач и достижению целевых показателей, методика расчета значений целевых показателей, дополнительные целевые показатели и оценка обеспеченности целей и целевых показателей национального проекта в ре-

зультате выполнения соответствующих федеральных проектов.

Паспорта федеральных проектов и государственных программ имеют аналогичные структуры: ответственные, сроки, показатели, мероприятия, финансирование по годам.

Под качеством выполнения национального проекта и программы понимается достижение в заданные сроки целевых показателей. Национальные проекты и государственные программы должны подвергаться предварительному аудиту для объективного анализа и оценки их полезности для общества, достижения состояния национальной, в частности экономической, безопасности, реализуемости, контролю выполнения как в процессе, так и по результату.

В настоящей работе объект мониторинга считается заданным, т. е. цели и задачи программ и проектов анализу не подвергаются, поэтому мониторинг ограничивается только наблюдением и анализом хода реализации проектов и программ и их результатов по сравнению с заданными в объекте мониторинга значениями целевых параметров.

Таким образом, объектом мониторинга проектов и программ являются следующие объекты и предметы.

1) Целевые и дополнительные показатели на предмет их выполнения.

2) Бюджеты-источники финансирования на предмет наполнения.

3) Бюджетные расходы на выполнение мероприятий на предмет соответствия объемов выделения запланированным.

4) Руководители, кураторы программ, проектов, мероприятий на предмет отнесения их профессиональной кондиции и деятельности к уязвимостям.

5) Источники информации для оценки показателей на предмет адекватности предоставляемой ими информации о реализации проектов и программ.

6) Влияние мероприятий и показателей ниже лежащего уровня на показатели иерархически выше лежащего уровня на предмет выявления фактического влияния по результатам статистических и другим измерений.

Осуществление мониторинга национальных проектов и госпрограмм

Необходимо уточнить (адаптировать) некоторые основные понятия, которые используются в методологии мониторинга [3].

Мониторинг реализации национальных проектов и государственных программ – непрерывный, регламентированный процесс сбора, анализа и представления информации о факторах, способных снизить уровень качества или эффективности выполнения программ и проектов в заданные сроки. Очевидно, что на этапе мониторинга оценки возможного влияния факторов могут иметь вероятностный характер.

При этом в качестве источников информации могут служить как внутренние для проекта и программы источники, т. е. система управления проектом или программой и источники, указанные в паспорте проекта (программы), так и внешние, независимые, в частности Счетная Палата РФ, аналитические и консалтинговые центры.

Угроза безопасности реализации проекта (программы) – возможности, реализация которых приводит к недостижению значений целевых показателей проекта (программы).

Объектами угроз являются организационные структуры, силы и средства для реализации мероприятий, предусмотренных про-

ектом (программой), а также иные факторы, влияющие на достижение значений целевых показателей, но не учтенные в паспорте национального проекта (программы) через запланированные мероприятия.

Реализация проектов (программ) «физически» осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Федерации и муниципальном. На федеральном уровне принимаются необходимые нормативные правовые акты, осуществляются информационные и массовые мероприятия всероссийского масштаба, создаются некоторые объекты. На региональном уровне проводятся аналогичные мероприятия регионального масштаба. Большая часть мероприятий проводится на муниципальном уровне, распределяясь по административно-территориальной муниципальной структуре системы управления обществом. При этом в муниципалитетах реализуются мероприятия независимо от источников их финансирования. Однако в любом случае от муниципалитетов требуется обеспечение объектов и мероприятий ресурсами, подключение к инфраструктуре энерго- и водоснабжения, водоотведения, землеотвод, организация дорожной сети, установление сервитутов и др.

Организация выполнения мероприятий в настоящее время сводится к следующему. Муниципальные власти готовят предложения по мероприятиям, относящимся к вопросам местного значения или совместного ведения, которые включаются в проекты (программы) в соответствии с имеющимися у них бюджетными возможностями и выделенными «сверху» субсидиями. Кроме того, в программы могут включаться мероприятия, не относящиеся к вопросам местного значения, но выполняемые за счет субвенций. Ответственность за выполнение таких мероприятий несут органы соответствующего местного самоуправления.

Предметом мониторинга на уровне Федерации, в первую очередь, является анализ равенства суммы показателей, в т. ч. финансирования, по субъектам Федерации значениям, заданным в национальном проекте (программе), точнее соответствующему документу более низкого уровня – федеральному проекту, государственной или федеральной целевой программе, входящей в рассматриваемый

национальный проект. Аналогично необходимо контролировать равенство суммы значений показателей по муниципалитетам значениям, заданным на региональном уровне.

Мониторинг выполнения конкретных мероприятий осуществляется по следующим позициям:

- включение финансирования мероприятия в бюджет соответствующего уровня;

- наличие технического и, если требуется, бизнес-проекта выполнения мероприятия; проект должен получить необходимые заключения на соответствие различным требованиям в зависимости от его физического содержания; в проекте должно быть учтено ресурсное обеспечение функционирования объекта, который создается в результате мероприятия, если это создание вещного объекта (предприятие, социальный объект, жилой дом и т. п.);

- заключение договоров с поставщиками, подрядчиками и субподрядчиками;

- квалификация исполнителей, подрядчиков, субподрядчиков;

- осуществление контроля исполнения мероприятия со стороны органов самоуправления и государственной власти;

- поступление субвенций, субсидий и других межбюджетных трансфертов для финансирования мероприятия;

- поступление внебюджетного финансирования для финансирования мероприятия;

- выполнение сроков реализации мероприятия;

- качество результатов выполнения мероприятия;

- увеличение расхода ресурсов, в т. ч. финансовых, по сравнению с запланированным;

- снижения входного финансового потока в бюджеты, из которых осуществляется финансирование мероприятия;

- внесение изменений в расходную часть бюджетов, которые приводят к сокращению финансирования мероприятия;

- изменение местных социально-экономических условий выполнения мероприятия: по-

теря поставщиков и субподрядчиков, локальное изменение цен, утечка трудовых ресурсов, изменение демографической ситуации;

- возникновение дефицита нефинансовых ресурсов для выполнения мероприятия;

- инфляция в экономике в целом или в секторе (секторах) экономики, в котором реализуется мероприятие;

- остановка осуществления мероприятия вследствие природных явлений и др. форс-мажорных обстоятельств.

Наблюдение (мониторинг) перечисленных элементов предмета мониторинга с точки зрения технологии мониторинга задача достаточно тривиальная.

Однако, для учета региональных и общенациональных экономических, социальных, научно-технологических факторов необходимо построение факторных моделей и реализация информационных технологий, описанных в методологии, представленной выше. В национальных проектах влияние различных проектов и программ более низкого иерархического уровня представлено механистически и линейно. На самом деле, как их взаимное влияние носит нелинейный характер, так и их влияние на конечный результат не столь явно. Кроме того, очевидно, что представленные в национальных проектах мероприятия не составляют полную группу факторов, которые могут влиять на целевой показатель нацпроекта.

Так, в заключительной части паспорта национального проекта «Демография» «Дополнительные и обосновывающие материалы» в разделе 3 на цель «Увеличение суммарного коэффициента рождаемости (до 1,7 детей на 1 женщину)» влияет лишь реализация федеральных проектов «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин с детьми, включая ликвидацию очереди в ясли для детей до трех лет». Даже включенные в этот национальный проект федеральные проекты «Спорт – норма жизни», «Укрепление общественного здоровья»²

²Строго говоря, спорт как норма жизни является одним из важнейших факторов, влияющих на укрепление общественного здоровья, и соответствующий проект не может рассматриваться как однопорядковый проект и цель с проектом по укреплению общественного здоровья, он должен входить в него. В целом, декомпозиция национальных проектов на составные части и задачи не выдерживает критики с точки зрения факторного анализа, классификации, анализа и построения иерархических систем, но эта проблема выходит за рамки настоящей статьи.

не учитываются. Однако, очевидно, что на деторождение влияют также актуальные социальные настроения и культурные традиции, жизненные установки (распространение гедонизма), субъективное ощущение безопасности, уверенность в завтрашнем дне, экология, доступность медицины, доступность системы дошкольного воспитания, общественное здоровье, крепость семьи, возможность семейного сотрудничества разных поколений, а отсюда и продолжительность жизни старшего поколения, его пенсионный возраст [7]. При стратегическом планировании можно допустить, что разработчики документа выделили, на их взгляд, приоритетные задачи, которые будут решать независимо от других факторов. Однако, неучтенные факторы независимо от разработчиков будут оказывать свое влияние, и в рассмотренном примере несомненно существенное влияние. Их игнорирование не позволит адекватно оценить влияние реализации мероприятий проекта на достижение цели. Мониторинг национального проекта будет предельно примитивизирован и не позволит адекватно представлять прогноз выполнения целевого показателя и выявлять причины отклонения от заданных значений. Оценки выполнения частных задач (федеральных проектов, госпрограмм и т. п.) могут не совпасть с оценкой целевого показателя соответствующего национального проекта.

Это ставит задачу разработки факторной модели, которая бы учитывала показатели и мероприятия, указанные в национальном проекте и составляющих его проектах и программах, но не сводилась бы к ним. Такая модель могла бы помочь в решении задачи выявления причин невыполнения (отставания от графика) реализации национального проекта даже при полной реализации намеченных мероприятий.

Кроме того, могут быть факторы, учет которых целесообразен как на местном уровне, так и на более высоких уровнях. Многие факторы при анализе на национальном уровне «складываются» (арифметически или в виде какой-либо нелинейной мультипликации) из факторов на нижележащих уровнях. Однако некоторые факторы не очевидны, трудно или не сразу различимы «внизу», как, например,

вызовы и угрозы в научно-технической и технологической сферах, влияющие на реализацию национального проекта повышения производительности труда. Поэтому для каждого уровня иерархии: федерального, регионального, муниципального, – должна строиться факторная модель с учетом фрактальности структур факторов.

Серьезной проблемой выполнения национальных проектов является распространение формального подхода к формированию программы мероприятий и оценки их влияния на значения конечных целевых показателей. Так, например, идея оценки влияния обеспеченности целей и целевых показателей национального проекта федеральными проектами вообще не ясна. Упомянутая цель обеспечена на 120 %, а целевой показатель «Снижение смертности населения старше трудоспособного возраста» – всего на 55 %. Как эти проценты соотносятся с планируемой динамикой роста целевых показателей, следует ли последнюю корректировать в соответствии с ними?

В федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» включены две задачи из области информационной политики. Поддержка семей информационной политикой в принципе правильна, правда, не ясно, как через информационный контент может повыситься финансовый уровень семей при рождении детей, тем более при формальном подходе. Так, в 2019 году должно было быть обеспечено не менее 2,5 млн просмотров телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, интернет-сайтов, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства, а также распространен тираж не менее 500 тыс. экземпляров периодических печатных изданий, реализовавших проекты, направленные на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства. Эти мероприятия, мизерные по своим абсолютным и относительным масштабам по сравнению с количеством семей (35–40 млн), не могут сыграть какую-то роль на фоне остального контента интернет-ресурсов и СМИ, прежде всего телевидения, изобилующего пошлостью, демонстрацией гедонизма, эгоизма, насилия, безответственных половых отношений и т. п.

Подобный формальный подход к планированию мероприятий и задач также затрудняет осмысленный мониторинг, направленный на подготовку решений, а не ограничивающийся констатацией значений заданного набора данных.

В перечне угроз при реализации национальных проектов необходимо отметить коррупцию и мошенничество при распределении муниципальных и государственных заказов, формальное или вообще фиктивное исполнение мероприятий, таких как организация обучения и консультаций; изучение чужого опыта; проведение экореабилитационных мероприятий; содержание, капитальный ремонт и строительство дорог, капитальных объектов и др.

В качестве источников информации о реализации мероприятий в системе муниципалитетов необходимо рассматривать следующие:

- доклады исполнительных органов местного самоуправления;
- отчеты и иные материалы органов внешнего контроля (контрольно-счетных палат) в муниципалитетах и субъектах Федерации;
- доклады исполнительных органов власти субъектов Федерации;
- обращения, запросы в различные инстанции депутатов представительных органов местного самоуправления и государственной власти в субъектах Федерации, поскольку в этих запросах и обращениях зачастую содержится информация, полезная для анализа качества выполнения программных и (или) проектных мероприятий;
- обращения граждан по причинам, указанным в предыдущем пункте;
- анализ местных социальных сетей и порталов взаимодействия с населением.

Кроме того, важным источником информации о качестве выполнения мероприятий и решении задач может быть изучение мнений пользователей, потребителей результатов выполнения мероприятий.

Сбор и анализ указанной информации требует обработку больших объемов информации, в т. ч. ее неструктурированных потоков, что предусмотрено в методологии мониторинга. Для этого на региональном уровне должны быть внедрены соответствующие ин-

формационные интеллектуальные системы, получить развитие региональные ситуационные центры [12].

Важным условием объективного сбора и обработки информации о качестве выполнения программ является независимость агентов, собирающих и анализирующих данные от органов исполнительной власти. Решение этой задачи возможно за счет развития системы органов внешнего контроля, однако в настоящее время их штатная численность, оснащенность явно недостаточна. Они реально способны, в тех случае, когда не коррумпированы, провести проверку не более 5–10 % объемов работ программных (проектных) мероприятий. Кроме того, в настоящее время эти органы работают исключительно с документальной информацией, предоставленной или добытой в ходе контрольных мероприятий. Планирование контрольных и аналитических мероприятий регламентировано. Вероятно, целесообразно при органах внешнего контроля создавать структуры аналитической обработки неструктурированных потоков информации для подготовки «информации к размышлению», выявления узких мест для планирования работы контрольно-счетных органов.

В методологии мониторинга рассмотрены и предлагаются следующие модели для анализа угроз, состояния и прогнозирования экономической безопасности:

- модель пороговых значений,
- имитационная факторная модель,
- модель общественно-экономической формации,
- мультиагентная модель,
- балансовая модель,
- нейронная модель.

Для решения задач мониторинга выполнения национальных проектов (программ) модель пороговых значений не применима, поскольку эта модель нужна для прогноза развития ситуации в социально-экономической сфере общества для оценки состояния экономической безопасности. Вероятно, ограниченное применение могут найти модели общественно-экономической формации, мультиагентная модель, нейронная модель, поскольку эти модели используются для описа-

ния достаточно сложных, трудноформализуемых процессов в обществе, а национальные проекты и госпрограммы призваны решать конкретные задачи, записанные в их паспортах. В то же время, как и имитационная факторная модель, они могут применяться для прогноза достижения целевых показателей, как альтернативный способ по сравнению с оценкой на основе выполнения частных мероприятий и решения частных задач проектов и программ. Соответственно они могут быть использованы и для объяснений недостижения (достижения) целевых показателей, т. е. для обратного вывода.

Наибольшее применение найдут, как было отмечено выше, модели имитационного факторного моделирования, а также балансовые модели.

Использование первых определяется тем, что они более универсальны, чем другие имитационные модели, их логика более прозрачна для массового применения на уровне аналитических структур и чиновников, они технологичны с точки зрения построения, изменения и сопряжения. Они могут строиться как открытые модели и обогащаться результатами применения других моделей. Применение имитационных факторных моделей целесообразно на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. При этом следует иметь в виду, что в настоящее время и в ближайшие годы нельзя рассчитывать, что факторное моделирование для мониторинга как экономической безопасности в целом, так и для выполнения проектов и программ в частности будет достаточно квалифицировано осуществляться во всех муниципалитетах, вовлеченных в выполнение какого-либо национального проекта или программы. Причины здесь, в первую очередь, следующие:

- недостаток квалифицированных кадров;
- дотационность, скудность местных бюджетов;
- отсутствие культуры управления, подготовки и принятия решений на муниципальном уровне;
- забюрократченность планирования различных показателей деятельности органов управления и, главное, отчетности о результатах деятельности.

К последнему можно добавить, что основная цель деятельности органов местного самоуправления – выполнение заданий по целевым показателям. Для их оценки, как правило, не требуется никакого моделирования. Некоторые показатели оцениваются экспертным путем или в результате полевых социологических исследований. Проконтролировать методическую дисциплину проведения таких исследований (оценок) и сам факт их проведения зачастую невозможно.

Тем не менее, факторное моделирование на низовом уровне, пусть даже фрагментарное с точки зрения охвата системы муниципальных образований, обобщаемое на более верхних уровнях вплоть до федерального, позволяет выявлять факторы, незаметные или незамеченные на федеральном, предоставляет информацию и гипотезы для более адекватного описания моделей взаимодействия факторов и их влияния на целевые показатели. Кроме того, локальные факторные модели позволяют выявлять «узкие места» в региональном и муниципальном разрезах для своевременного принятия точечных мер, конкретных управленческих решений. Для использования и систематизации как самих факторных моделей, так и результатов их применений они должны выполняться в соответствии с методологией мониторинга типовым образом, использовать один и тот же тезаурус, интерфейсы, информационные модели и модели интерпретации данных. В этом случае они могут служить не только источниками данных и информации для анализа ситуации на муниципальном уровне и ее обобщения для федерального уровня, но и встраиваться в информационные технологии ФСОР, использоваться как модели (возможно, с некоторой доработкой) в общей федеральной факторной модели.

Основной моделью для мониторинга выполнения национальных проектов и программ, по крайней мере, на современном этапе является балансовая модель.

При решении рассматриваемой задачи используется достаточно простая форма такой модели, поскольку в силу сложившегося механизма планирования выполнения проектов и программ балансировать приходится, главным образом, финансовые ресурсы. Дан-

ные по выполнению мероприятий снизу-вверх суммируются для вынесения оценок на уровне руководства проектом или программой. Однако это все не означает, что проблемы балансировки не возникают на уровне выполнения мероприятий, поскольку, как было отмечено выше, на муниципальном уровне, на уровне технической реализации мероприятий возникает необходимость учета имеющихся ресурсов. Неучет ресурсной обеспеченности на уровне программирования на федеральном уровне может служить одной из причин невыполнения проектов и программ. Обобщение информации снизу-вверх позволяет выявить эти проблемы на федеральном уровне. Необходимость ресурсного согласования и балансировки ставит задачу сопряжения балансовых и факторных моделей на региональном и федеральном уровнях.

Заключение

В статье рассмотрены основные положения методологии мониторинга выполнения национальных и государственных проектов и программ на основе методологии мониторинга экономической безопасности России, использующей витальный подход к исследованию организационных систем. Очевидно, что задачи адаптации методологии мониторинга экономической безопасности для мониторинга выполнения национальных проектов и программ требуют изучения этой методологии, ее онтологии проблематики экономической безопасности, принципов анализа и оценки, структу-

ры методологии, предлагаемых моделей, условий и границ их применения, классификации и типизации факторов ущерба, концептуальных моделей факторов ущерба и т.д. Для этого необходимо решить следующие задачи в сфере повышения квалификации сотрудников органов управления и аналитических структур:

- разработать методические рекомендации в форме как учебного пособия, так и в форме регламентирующего документа;

- подготовить специалистов по продвижению методологии в специальных учебных центрах под эгидой и в составе ФСОР, а также в региональных и отраслевых ситуационных центрах;

- развернуть систему освоения методологии и ее распространения в форме учебных пособий и методических рекомендаций;

- создать систему сертификации сотрудников органов государственного управления и местного самоуправления по способности применять методологию мониторинга выполнения национальных проектов и государственных программ;

- организовать сетевые ресурсы для обмена опытом и взаимного консультирования заинтересованных лиц.

Следует отметить, что весь этот комплекс мероприятий возможен и целесообразен после того, как сама методология получит легитимацию на уровне уполномоченных органов государственного управления на федеральном уровне и будет внедряться в ФСОР, региональные и отраслевые ситуационные центры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Старовойтов В.Г., Сильвестров С.Н., Селиванов А.И., Трошин Д.В. (2018). Методологические подходы к созданию и организации функционирования федеральной системы управления рисками // *Управленческие науки*. № 3. С. 64–73. DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-3-64-73.

2. Селиванов А.И. (2017). Перспективы совершенствования методологической платформы мониторинга и обеспечения экономической безопасности России // *Микроэкономика*. № 5. С. 75–80.

3. Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. (2019). Мониторинг экономической

безопасности России: полимодельный подход к методическому обеспечению : Монография. М. : Научные технологии. 294 с.

4. Формирование институтов регулирования рисков стратегического развития : Монография / Под ред. М. А. Эскиндарова, С. Н. Сильвестрова. М. : Когито-Центр, 2019. 454 с.

5. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника : Монография / кол. авторов ; под ред. С.Н. Сильвестрова. М. : РУСАЙНС, 2017. 350 с.

6. Селиванов А.И. (2014). Основания принципиальной специфики научного и экспертно-

аналитического обеспечения стратегического управления // Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы». М. : ООО «Агентство печати «Столица». С. 141–147.

7. Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. (2019). Социальные аспекты факторного моделирования в управлении экономической безопасностью (на примере сферы «Качество жизни») // Философия хозяйства. № 1. С. 64–81.

8. Трошин Д.В. (2019). Комплекс многофакторных моделей оценки рисков и угроз экономической безопасности, реализованный в цифровой технологии // Вопросы управления. № 2 (38). С. 38–44.

9. Старовойтов В.Г., Кузнецов Н.В., Селиванов А.И., Котова Н.Е. (2019). Информационное обеспечение процесса мониторинга экономической безопасности на федеральном уровне //

Теория и практика общественного развития. № 11 (141). С. 71–77.

10. Старовойтов В.Г. (2019). Методика сбора первичной информации для актуализации базы данных и знаний по угрозам и рискам в интересах Федеральной системы управления экономическими рисками Российской Федерации // Безопасность бизнеса. № 3. С. 3–9.

11. Локозов В.В. (2015). Применение метода предельно критических (пороговых) показателей при оценке социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы / Материалы III Международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. С. 55–65.

12. Семенова А.В., Корсунская М.В. (2010). Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН. 324 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Трошин Дмитрий Владимирович – кандидат технических наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, 49); giorup2@yandex.ru.

ADAPTATION OF THE METHODOLOGY FOR MONITORING RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY TO THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS AND STATE-RUN PROGRAMS

D.V. Troshin^{3a}

^aFinancial University under the Government of the Russian Federation

ABSTRACT:

National projects and state-run programs are considered as objects of monitoring to assess the quality of their implementation. They are an integral part of the object of economic security monitoring, so to ensure the integrity of the methodology, continuity, and the ability to use a common information field, it is advisable to create a methodology for monitoring the implementation of projects and programs based on the methodology for monitoring economic security developed for use within the Federal risk management system. National projects and programs are implemented at the Federal, regional, and municipal levels. Their implementation at the municipal level requires the fulfillment of a number of conditions for resource provision, solving legal problems, land allocation, etc. The analysis of the fulfillment of all conditions should also be monitored. In addition, targets can be influenced not only by the activities provided for in projects and programs. For an objective analysis, a wide range of conditions and factors must be taken into account. Using only target indicators is not enough, since to a large extent the approach to their development in the

³RSCI AuthorID: 669030, ORCID: 0000-0001-8549-6372

formation of projects and programs is formal, and they only partially and indirectly reflect the objective results of changes in the situation in a particular socio-economic aspect. For more complete monitoring, it is necessary to use factorial models, balance models, and others, including at the municipal and regional levels, with further integration to the Federal level of monitoring. In order to effectively implement monitoring, it is necessary to develop analytical structures, systems for collecting and processing information, and provide personnel training at all levels of public administration and local self-government.

FUNDING: The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

KEYWORDS: economic security, project, program, monitoring, targeted indicator, factorial model building, strategic planning.

FOR CITATION: Troshin D.V. (2020). Adaptation of the methodology for monitoring Russia's economic security to the implementation of national projects and state-run programs, *Management Issues*, no. 5, pp. 16–27.

REFERENCES

1. Starovoitov V.G., Silvestrov S.N., Selivanov A.I., Troshin D.V. (2018). Methodological approaches to the creation and organization of the functioning of the federal risk management system, *Administrative sciences*, no. 3, pp. 64–73. DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-3-64-73.
2. Selivanov A.I. (2017). Prospects for improving the methodological platform for monitoring and ensuring the economic security of Russia, *Microeconomics*, no. 5, pp. 75–80.
3. Selivanov A.I., Starovoitov V.G., Troshin D.V. (2019). Monitoring the economic security of Russia: a polymodel approach to methodological support. Moscow, Scientific technologies, 294 p.
4. Eskindarov M.A. (ed.), Silvestrov S.N. (ed.) (2019). Formation of institutions for regulating risks of strategic development. Moscow, Kogito-Centr, 454 p.
5. Silvestrov S.N. (ed.) (2017). Economic security of Russia: methodology, strategic management, systems engineering. Moscow, RUSAYNS, 350 p.
6. Selivanov A.I. (2014). Foundations of the fundamental specificity of scientific and expert-analytical support of strategic management. Proceedings of the First All-Russian Scientific and Practical Conference “Analytics of the country's development and security: realities and prospects.” Moscow, Stolitsa Press Agency, pp. 141–147.
7. Selivanov A.I., Starovoitov V.G., Troshin D.V. (2019). Social aspects of factor modeling in the management of economic security (on the example of the sphere “Quality of life”), *Philosophy of economy*, no. 1, pp. 64–81.
8. Troshin D.V. (2019). Complex of multiple-factor models of risks and threats assessment of economic security implemented in digital technology, *Management Issues*, no. 2 (38), pp. 38–44.
9. Starovoitov V.G., Kuznetsov N.V., Selivanov A.I., Kotova N.E. (2019). Information support of the process of monitoring economic security at the federal level, *Theory and practice of social development*, no. 11 (141), pp. 71–77.
10. Starovoitov V.G. (2019). Methodology for collecting primary information for updating the database and knowledge on threats and risks in the interests of the Federal system of economic risk management of the Russian Federation, *Business Security*, no. 3, pp. 3–9.
11. Lokosov V.V. (2015). Application of the method of extremely critical (threshold) indicators in assessing socio-economic security. Proceedings of the III International scientific-practical conference “Economic security of Russia: problems and prospects”. Nizhny Novgorod State Technical University, pp. 55–65.
12. Semenova A.V., Korsunskaya M.V. (2010). Media Content Analysis: Problems and Experience of Application. Moscow, Institute of Sociology of RAS, 324 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Dmitriy V. Troshin – Ph.D. of Engineering Sciences; Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Av., Moscow, 125993, Russia); giopup2@yandex.ru.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МОСКВЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Я.В. Шимановская^{1а}

^аРоссийский государственный социальный университет

АННОТАЦИЯ:

Актуальность социологического изучения и осмысления самосохранительного поведения представляется очевидной: здоровье, индивидуальное и общественное, является следствием множества социальных процессов, включает в себя культурные особенности, выступает жизненной ценностью, влияет на положение индивида в обществе, определяя статусы и роли, в том числе гендерные, является следствием процесса социализации, является неотъемлемой частью образа жизни, отношение к здоровью меняется под влиянием социальных процессов, а система здравоохранения может быть рассмотрена как социальный институт. Изучение моделей самосохранительного поведения взрослого населения г. Москвы даст информацию о том, какие действия предпринимают индивиды в отношении собственного здоровья. Эта информация может использоваться при планировании профилактических мер в сфере здравоохранения и при разработке мер пропаганды здорового образа жизни, позволяет увидеть риски возрастных и половых категорий, связанных с образом жизни.

Таким образом, проблемная ситуация заключается в отсутствии актуальной информации о содержании моделей самосохранительного поведения взрослого населения г. Москвы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самосохранительное поведение, здоровье, здоровый образ жизни.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шимановская Я.В. (2020). Самосохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19 // Вопросы управления. № 5. С. 29–35.

Введение

Формирование здоровой нации и улучшение демографической ситуации в стране становится одной из важнейших задач. Самосохранительное поведение является определенным видом социального поведения человека, так как касается взаимоотношений человека во всех сферах его жизнедеятельности. Оно имеет прямую зависимость с демографическими показателями, развитием социальной сферы общества и особенностями культуры самосохранительного поведения среди населения страны. Изучение последнего во многом связано с государственной социальной политикой, основными приоритетами которой являются повышение качества и уровня жизни населения, а также сохранение и укрепление здоровья населения страны.

На государственном уровне принимаются программы по сохранению и укреплению общественного здоровья, строятся медицин-

ские центры, разрабатываются программы по улучшению и увеличению доступности медицинской помощи населению. Однако, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 50–55 % факторов, влияющих на здоровье, – это непосредственно образ жизни и условия жизни человека. То есть, примерно половина факторов, влияющих на здоровье, являются управляемым. Проблема заключается в том, насколько каждый человек заботится о сохранении и укреплении здоровья.

В отечественной науке поведение в отношении здоровья может называться как «здоровое поведение», «здоровые стили жизни», «поведение, связанное со здоровьем», а также «самосохранительное поведение». Последний термин является наиболее употребляемым.

Методы

Для изучения моделей самосохранительного поведения среди взрослого населения

¹ AuthorID РИНЦ: 637081, ORCID: 0000-0003-0282-1323, ScopusID: 57140855700, ResearcherID: D-4332-2016

в 2020 г. в Москве было проведено социологическое исследование в форме анкетирования, результатом которого являлось изучение поведения взрослого населения города Москвы, связанного с физической активностью, культурой питания, отношением к вредным привычкам, продолжительностью сна, индексом массы тела, с целью получения информации о здоровом образе жизни и выработки рекомендаций направленных на профилактические меры в отношении здоровья.

Объектом исследования являлось взрослое население города Москвы в возрасте старше 18 лет.

Исследование проводилось с помощью анкетирования. Выборка квотная районированная многоступенчатая, репрезентативная по полу, возрасту и району проживания. Объем выборки – 500 респондентов.

Результаты

В результате исследования было выявлено, что женщины меньше подвержены вредным привычкам в отношении здоровья, больше следят за своим питанием и качеством продуктов, больше внимания уделяют профилактическим мерам в отношении здоровья, но при этом имеют более низкий уровень физической активности.

Мужчины наоборот, больше подвержены вредным привычкам, меньше внимания уделяют качеству питания, но при этом проявляют больше физической активности.

Большинство представителей возрастной категории 18–29 лет имеет средний уровень физической нагрузки – от 1 до трех раз в неделю. Почти половина респондентов имеет работу с сидячим характером или не работают вовсе. Физическую нагрузку в виде прогулок не менее 30 минут в день имеет значительное количество представителей этой возрастной категории (48,7 % гуляют более 4 раз в неделю, 46 % – от 1 до 3 раз).

До 24 % респондентов этой возрастной группы курят. И больше, чем представители остальных возрастных групп, употребляли алкоголь в течение последнего полугодия (76 %). Значительная часть респондентов этой возрастной категории имеет нестабильный график отхода ко сну и подъемов. Также респонденты из этой возрастной группы ре-

же, чем остальные проходили профилактический медицинский осмотр или диспансеризацию. Кроме того, только 62 % представителей этой возрастной категории обращают внимание на свой вес, тогда как среди других категорий этот процент значительно выше. Респонденты этой возрастной группы демонстрируют меньшую осведомленность об уровне сахара в крови и о своем обычном артериальном давлении.

Значительная часть респондентов возрастной категории 30–54 года (женщины) и 30–59 лет (мужчины) имеет сидячую работу или не работает (66,5 %). Это самый высокий показатель среди всех возрастных групп. При этом респонденты этой возрастной категории имеют средние показатели физической активности, связанной с занятиями физкультурой. Почти две трети респондентов этой возрастной группы изучают состав покупаемых продуктов как на содержание питательных веществ, так и на наличие вредных веществ (красители, консерванты, ГМО и т. д.). Респонденты среднего возраста чаще, чем респонденты других возрастов употребляют свежие овощи и фрукты. Также среди представителей этой возрастной категории больше тех, кто придерживается принципов здорового питания (ограничение жирной пищи, мучного, сладкого, позднего употребления пищи). При этом качеству воды уделяется меньшее внимание в сравнении с респондентами других возрастных групп. Так, почти половина респондентов (45,5 %) пьют воду сразу из-под крана. Среди этой возрастной категории самый высокий процент курящих – 36,1 %. Количество употреблявших алкоголь в течение последнего полугодия схоже с количеством таких респондентов из других возрастных групп. График сна и подъемов у этой возрастной категории относительно стабилен. Количество проходивших диспансеризацию или профилактический медицинский осмотр ниже, чем в старшей возрастной группе, но выше, чем в младшей.

Количество следящих за своим весом значительно в этой возрастной группе – 85 %, и заметно выше, чем в младшей возрастной группе, где таких только 62 %. О своем уровне сахара в крови знают 23,6 % респондентов этой возрастной группы, о своем обычном ар-

териальном давлении – 77,4 % респондентов. Эти показатели выше, чем у представителей младшей возрастной категории, но ниже, чем у более старшей.

Респонденты возрастной категории 55 лет и старше (женщины), 60 лет и старше (мужчины) имеют меньше физических нагрузок в виде физкультуры (46,2 %). Но при этом 25,6 % представителей старшего поколения имеют такую нагрузку 4 и более раз в неделю. Респонденты старшего поколения больше остальных имеют частые, более 4 раз в неделю, прогулки не менее 30 минут в день. При этом среди них выделяется категория респондентов, которые не гуляют вообще – 18,8 %. Это самый высокий показатель среди всех групп.

Представители старшего поколения чаще других изучают покупаемые продукты на состав и содержание вредных веществ. Порядка четверти респондентов этой возрастной группы редко употребляют свежие овощи и фрукты – несколько раз в месяц. Около половины – несколько раз в неделю. Респонденты этой возрастной категории больше внимания уделяют качеству потребляемой воды, чем респонденты остальных возрастных категорий. Меньше остальных респонденты из этой возрастной категории подвержены курению (23,3 % курящих), а количество выкуриваемых сигарет среди этой возрастной категории меньше, чем в остальных возрастных категориях. Количество употреблявших алкоголь в течение последнего полугодия несколько ниже, чем в остальных возрастных категориях.

Представители этой возрастной категории имеют самый продолжительный сон (не менее 8 часов) и самый стабильный график отхода ко сну и подъемов, по сравнению с остальными возрастными категориями. Респонденты старшей возрастной категории в значительной степени, по сравнению с остальными, интересовались литературой по медицинской тематике и здоровому образу жизни (87,2 %). Значительное количество респондентов старшей возрастной категории проходили профилактический медицинский осмотр или диспансеризацию (93,2 %). Высок процент тех, кто следит за своим весом – 87,2 %.

Среди респондентов старшего возраста самые высокие показатели осведомленности об

уровне сахара в крови и своем обычном артериальном давлении (31,6 % и 88,3 %).

Факт того, что мужчины и женщины имеют совершенно разную психологию и принципиально разное отношение к тем или иным аспектам жизни, давно не удивляет, но интересно разобраться, как это отражается на отношении к своему здоровью. На вопрос, заданный мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет, считают ли они себя здоровыми, положительно ответили 90 % мужчин. При этом те же самые мужчины курят в 45 % случаев, имеют низкую физическую активность в 62 % случаев, а двое из трех таких мужчин страдают ожирением. В результате, чаще всего, это приводит к тому, что средняя продолжительность жизни современных мужчин на 10,2 года меньше, чем женщин. Мужчины традиционно считают себя более здоровыми и чаще всего переоценивают состояние своего здоровья. В связи с этим они меньше заботятся о своем здоровье и их жизнь отмечается как менее качественная и менее продолжительная. Женщины чаще всего считают себя более слабыми и больными, могут усугублять свое состояние, таким образом недооценивая свое состояние здоровья, и предпринимают больше усилий для поддержания и сохранения своего здоровья. При этом женщины ведут более активную жизнь, а её продолжительность выше, чем у мужчин.

В связи со сложившейся ситуацией в стране и мире из-за пандемии COVID-19, жителям города Москвы были заданы вопросы и по данной проблеме, так как она напрямую связана с самосохранительным поведением граждан. Респонденты считают наиболее правдоподобными две версии происхождения коронавируса: происхождение коронавируса имеет естественный характер и произошло в результате контакта человека с животным – так считают 47,3 % респондентов; по мнению 45,5 % опрошенных коронавирус – это явление искусственного происхождения, он создан людьми путем целенаправленных усилий. При этом 19,6 % жителей допускают, что вирус может быть элементом военной технологии, направленной на уничтожение населения; 25,9 % – что вирус вышел из-под контроля специалистов случайно, в результате утечки из специализированной лаборатории.

До 60 % респондентов осознают опасность, которую несет распространение коронавируса. Но 44,3 % опрошенных полагают, что опасность угрожает не всем, а только некоторым категориям населения – пожилым людям и жителям с ослабленным иммунитетом. О тотальной опасности коронавируса заявили 14,7 % респондентов. Не менее четверти опрошенных не имеют четкого представления о последствиях коронавируса, и 15,6 % полагают, что коронавирус ничем не отличается от обычной ОРВИ и не несет какой-либо особой опасности, т. е. не страшен.

В условиях распространения коронавируса произошли изменения в повседневной жизни людей: жители города Москвы стали больше заботиться о своей безопасности и безопасности своих близких. Также эпидемия стала поводом для размышления горожан о значимых жизненных ценностях. Коронавирус ориентирует людей на обращение к собственной экзистенции, рефлексии в отношении своей жизни и деятельности. Горожане дали следующие ответы на вопрос о том, что они делают в ситуации распространения коронавируса: «защищаюсь, стараюсь как можно реже появляться в общественных местах, соблюдаю меры личной безопасности: часто мою руки, использую антисептик, маску» (68,3 %); «думаю, ситуация с коронавирусом заставляет меня задуматься о здоровье моих близких и других важных жизненных ценностях» (50,9 %); «обсуждаю и информирую знакомых о новых сведениях о вирусе, ставших доступными мне» (21,9 %).

Несмотря на понимание опасности, которую несет распространение вируса, жители города Москвы настроены оптимистично и полагают, что ситуация будет разрешена в скором времени, медики создадут вакцину, которая поможет справиться с заболеванием. Этому мнению придерживаются 84,4 % респондентов. Пессимистические мнения высказали 15,6 % опрошенных, которые ожидают, что справиться с ситуацией не получится и коронавирус унесет жизни многих людей на планете.

Часть респондентов воспользовались возможностью дополнительно выразить свое мнение в отношении ситуации распростра-

нения коронавируса (открытый вопрос «Возможно Вам захочется что-нибудь добавить по поводу темы коронавируса. Это можно сделать здесь»). В первую очередь, жители города Москвы обращают внимание на негативные экономические последствия эпидемии. К ним относят безденежье, рост числа людей, находящихся за чертой бедности. С этими последствиями связывают рост преступности и вероятность социальных волнений на почве роста материального неблагополучия. Наряду с этим горожане размышляют об ответственности государства в сложившихся обстоятельствах, ожидают от государства компенсации потерь, причиненных распространением коронавируса. Здесь нередко звучит и критика к противодействию эпидемии. Респонденты отмечают несвоевременность карантинных мер, полагая, что их нужно было вводить раньше, чем это было сделано; что принятых мер недостаточно или они являются слабыми. В то же время введенные государством ограничения повседневной жизни вызывают у горожан настороженное отношение: респонденты ожидают, что эти ограничения могут иметь дальнейшие последствия, которые не исчезнут после окончания эпидемии.

Респонденты отмечают сложную ситуацию в сфере распространения массовой информации, где основной темой выступают вопросы, связанные с коронавирусной инфекцией. Респонденты указывают на информационное давление, которому они подвергаются ежедневно и которое вызывает усталость от темы эпидемии, формирует негативный эмоциональный фон. Другая проблема информационной сферы – распространение сообщений, содержащих недостоверную информацию о коронавирусе и его последствиях, фэйки. Это, с одной стороны, ведет к кризису доверия различным информационным источникам, с другой – актуализирует потребность в получении достоверной информации о развитии ситуации.

Тема распространения коронавируса заставляет жителей города Москвы задуматься об ответственности людей за поведение в условиях эпидемии. Возникает понимание, что каждый человек может противодействовать распространению рисков, соблюдая вве-

денные государством ограничения. Также, по мнению горожан, коронавирус – это повод задуматься о бережном отношении друг к другу, в связи с чем у людей формируется ожидание, что после окончания эпидемии повысится качество социальных связей, и ценности общения и человеческих отношений станут более значимыми.

Заключение

Состояние здоровья мужчин во многом определяется социальным здоровьем всего общества, так как мужчины являются основными носителями здоровья общества. В современных условиях общественной морали, мужчина не может чувствовать себя достаточно комфортно. Падение производства в огромной степени оказывает негативное влияние на самооценку мужчины и его социальное и физическое здоровье.

Не имея нормальной возможности реализовать себя в профессиональном плане, мужчина испытывает стресс, который ведёт к деградации личности. Это в свою очередь оказывает огромное негативное воздействие на детей в семье. Видя неспособность родителей нормально организовать свой быт, ребёнок начинает отрицать общечеловеческие ценности, стремясь к аморальному поведению и отрицанию ценности человеческой личности.

Пожалуй, одной из причин тому является и традиционное отношение к мужчине как к сильному полу, хотя статистически именно женщина является сильным полом в плане отношения к своему здоровью. Это способствует тому, что в 9 из 10 наиболее частых при-

чин смерти преобладают именно мужчины. У них более высокий уровень насильственной смерти, зачастую обусловленной злоупотреблением алкоголем, наркотическими веществами, травмами, более агрессивными действиями мужчины. Среди них отмечают высокие уровни онкологических заболеваний, самоубийств и т. д. К примеру, женщины чаще болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями, чем мужчины, но на 7–10 лет позже них. Всё это во многом связано с традиционным образом мужчины, что он «не должен жаловаться, не должен болеть, не должен и не может уставать и уж тем более лечиться». В результате мы получаем разницу в качестве и продолжительности жизни.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что мужчинам необходимо быть более внимательными к своему самочувствию, заботиться о своем здоровье и понимать, что обращение к врачу – не признак слабости, а проявление силы и ответственности. Женщины, в свою очередь, должны призывать мужчин быть более аккуратными по отношению к своему образу жизни и сохранению своего здоровья.

Реализация направлений современной социальной и демографической политики в области улучшения здоровья населения и повышения культуры самосохранительного поведения граждан – это длительный процесс. Поэтому необходимо создавать эффективную государственную стратегию по внедрению технологий самосохранительного поведения на самых ранних этапах жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Г.М. (1970). К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией // Вопросы философии. № 7. С.12.
2. Антонов А.И. (1994). Народонаселение // Большая российская энциклопедия. М. С. 34.
3. Антонов А.И. (1989). Опыт исследования установок на здоровье и продолжительность жизни // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. М. С. 44.
4. Берн Э. (1992). Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. С. 180.
5. Борисов В.А. (1990). Демография. М.: Издательский дом «Nota Bene». С. 83.
6. Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д. И. Валентя. М., 1985. С. 23.
7. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. (2018). Концептуальные подходы к изучению самосохранительного поведения мужского населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (50). С. 45–52.
8. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. (2018). Социальные роли мужчины в современном

обществе // Вопросы управления. № 2 (51). С. 135–140.

9. Уляева Л.Г. (2006). Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика физической культуры. № 6. С. 55.

10. Цветкова И.В. (2005). Здоровье как жизненная ценность подростков // Социологические исследования. № 11. С. 106.

11. Шопенгауэр А. (1993). Понятие воли // Избранные произведения. М. С. 42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шимановская Янина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент; Российский государственный социальный университет (129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1); ya1873@yandex.ru.

SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF MOSCOW RESIDENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Ya.V. Shimanovskaya^{2a}

^aRussian State Social University

ABSTRACT:

The topicality of the sociological study and understanding of self-preservation behavior is obvious. Both individual and social health is a consequence of various social processes and encompasses cultural characteristics, acts as a life value, affects the position of an individual in society, determining statuses and roles, including gender. At the same time it is perceived as a consequence of the socialization process, as an integral part of the lifestyle. Attitudes to health change under the influence of social processes, and the health system can be considered as a social institution. The study of models of self-preservation behavior of the adult population of Moscow will provide information about what actions individuals take care of their own health. This information can be used in planning preventive measures in the health sector and in developing measures to promote a healthy lifestyle. It allows you to see the risks of age and gender categories associated with their lifestyle. Thus, the problematic situation is the lack of up-to-date information about the content of models of self-preservation behavior of the adult population of Moscow.

KEYWORDS: self-preservation behavior, health, healthy lifestyle.

FOR CITATION: Shimanovskaya Ya.V. (2020). Self-preservation behavior of Moscow residents during the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 5, pp. 29–35.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. (1970). On the question of the relationship between micro- and macrosociology, *Problems of Philosophy*, no. 7, p. 12.

2. Antonov A.I. (1994). Population. *Great Russian Encyclopedia*. Moscow. P. 34.

3. Antonov A.I. (1989). Experience in researching attitudes towards health and life expectancy. *Social problems of health and life expectancy*. Moscow. P. 44.

4. Berne E. (1992). Games People Play. People who play games. P. 180.

5. Borisov V.A. (1990). Demography. Moscow, Publishing house “Nota Bene”. P. 83.

6. Valentey D.I. (ed.) (1985). Demographic encyclopedic dictionary. Moscow. P. 23.

7. Rostovskaya T.K., Shimanovskaya Ya.V. (2018). Conceptual approaches to the study of self-preserving behavior of the male population, *Bulletin*

²RSCI AuthorID: 637081, ORCID: 0000-0003-0282-1323, ScopusID: 57140855700, ResearcherID: D-4332-2016

of the Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences, no. 2 (50), pp. 45–52.

8. Rostovskaya T.K., Shimanovskaya Ya.V. (2018). Social roles of the man in the modern society, *Management issues*, no. 2 (51), pp. 135–140.

9. Ulyayeva L.G. (2006). Psychological indicator of

personal health preservation, *Theory and practice of physical culture*, no. 6. P. 55.

10. Tsvetkova I.V. (2005). Health as a vital value of adolescents, *Sociological research*, no. 11. P. 106.

11. Schopenhauer A. (1993). The concept of will. Selected works. Moscow. P. 42.

AUTHORS' INFORMATION:

Yanina V. Shimanovskaya – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Russian State Social University (4/1, Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russia); ya1873@yandex.ru.

ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ В РОССИИ: ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.Ю. Кауфман^{1а}

^аСургутский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

На фоне ускорившихся изменений в экономическом пространстве возрастает роль рынка в международной практике, и особенно остро стоит вопрос занятости населения, безработицы и проблема бедности во всех странах. В статье рассмотрены проблемы бедности в России и регионах. Представлен обзор теоретических мнений научного сообщества на понятие и концепции бедности, в ходе которых определено, что бедность – понятие как экономическое, так и социальное, отражающее восприятие стандартов жизни общества индивидуумом, причисляющим себя к определенной категории социальной прослойки людей – так называемое состояние личного ощущения недостатка. С экономической точки зрения, бедность – это недостаток в финансовой стороне жизни, заключающийся в невозможности удовлетворения потребностей в пище, одежде и прочих необходимых условий проживания.

Проведен статистический анализ причин и структуры бедности на федеральном и региональном уровнях, сравнительный анализ соотношения минимальной заработной платы и прожиточного минимума за последние десять лет по регионам России, представлен анализ количества созданных рабочих мест в регионах за последние десять лет.

В результате обозначены основные факторы и причины бедности граждан и семей, среди которых можно выделить как суммы доходов, безработицу, сферу и виды занятости, так и состояние здоровья и участие в государственных социальных программах. Выяснено, что в снижении уровня бедности необходимо принимать участие не только государству с вновь внедряемыми программами, но и непосредственно населению, повышая свой человеческий капитал и профессиональные навыки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уровень бедности, рынок труда, занятость, экономика, прожиточный минимум, социальная поддержка, государство.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кауфман Н.Ю. (2020). Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. № 5. С. 36–45.

Введение

Социально-экономические отношения в России на протяжении последних десятилетий меняются с течением трансформации мирового сообщества, оказывая свое непосредственное влияние на рынок труда и востребованность на нем рабочей силы. На протяжении всего времени существования социалистического строя в нашей стране, в силу централизованного управления распределение рабочей силы, производства и всего остального, основные профессии были связаны непосредственно с физическим трудом, в образовании

вырабатывались преимущественно технические навыки, несмотря на появление новых знаний и умений. Значительная часть накопленного человеческого капитала была отчуждено «нерыночной», могла иметь экономическую ценность лишь в специфическом контексте плановой экономики [1].

Научно-технический прогресс, инновационная и цифровая экономика дополняют друг друга, меняя представление о рабочей силе и рынке труда. Внедрение автоматизации и прочих новых технологий трансформирует структуру рынка труда, перенося интересы работо-

¹ AuthorID РИНЦ: 809269, ORCID: 0000-0002-7385-9276

дателей на информационную компетентность специалистов.

На протяжении всех периодов существования человечества проблема бедности являлась одной из основных в социальной сфере. И в современном мире многими экономистами исследуются феномен бедности, ее причины и пути решения этой проблемы. Описание бедности включает экономическое состояние человека и его возможности в социальном разрезе.

С точки зрения теории, феномен бедности характеризует состояние определенной группы населения, которой не удается достичь необходимого минимального уровня благосостояния, принятого в обществе. Актуальность данной проблемы подтверждается тем, что был разработан Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года» [2]. В соответствии с этим документом, задачей национального проекта является снижение уровня бедности к 2024 году в два раза.

Постановка задачи и исследовательский вопрос

Целью проводимых исследований является обобщение и оценка анализа уровня бедности в России, а также сравнительный анализ общемировых тенденций развития бедности и выявление российской специфики.

Использовались методы логического, сравнительного, экономико-статистического анализа и официальные статистические данные. Методика исследования основывается на детальном анализе муниципальной статистики.

Исследования научного сообщества подтверждают необходимость дальнейшего изучения мнений по рассматриваемому вопросу и выявления факторов, влияющих на снижение бедности, поиска необходимой стратегии, индивидуальной для каждой страны. Целесообразным является комплексный подход к проблеме, с помощью которого можно разработать национальную стратегию сокращения бедности.

Многими учеными исследовались причины, масштабы и признаки проявления бедности. Выявлены понятия уровня и порога бед-

ности; абсолютной, относительной и субъективной бедности; депривации.

Уровень бедности – показатель дохода ниже прожиточного минимума. Прожиточный минимум устанавливается законодательно и равен стоимости потребительской корзины, которая по российским меркам включает 70 % затрат на продовольственные товары и 30 % – на услуги и непродовольственные товары. При этом в каждом регионе устанавливается своя сумма потребительской корзины, несмотря на тот факт, что заложенная в потребительскую корзину сумма не может отразить затраты для полного жизнеобеспечения, так как не включает затраты на транспорт, коммунальные и медицинские услуги и т. п.

Прожиточный минимум выполняет ряд важных функций: оценка уровня жизни и определение черты бедности; обоснование направлений социальной политики и мер по социальной поддержке населения; обоснование направлений социальной политики и мер по социальной поддержке населения.

Порог бедности – граница дохода, удовлетворяющего минимальные потребности человека [4] – устанавливается государством.

Ниже представлены концепции бедности.

– *абсолютная* – доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума малоимущего населения;

– *относительная* – доля населения с денежными доходами ниже среднего уровня жизнеобеспечения, принятого в государстве;

– *субъективная* – оценка человеком своего материального положения, используя только личное мнение, считает ли он себя бедным.

В концепции абсолютной бедности наиболее четко прослеживается определение количества бедных. По мнению Бенджамина Сибома Раунтри (англ. *Benjamin Seebohm Rowntree*, 1913), исследователя в области феномена бедности, абсолютную бедность можно определить с учетом минимального набора одежды и продуктов, которые и составляют потребительскую корзину. Он один из первых предложил использовать термин «потребительская корзина» [5]. Но, по мнению Н. В. Юртиковой, данный подход удовлетворяет лишь минимальный набор первичных физиологических потребностей [6]. Поэтому данную кон-

цепцию также называют концепцией прожиточного минимума.

Концепцию относительной бедности одним из первых открыл Питер Таунсенд (англ. *Peter Townsend*, 1979) [7]. По его мнению, бедность – это состояние, при котором невозможно соответствовать существующим стандартам жизни общества. При этом бедность – явление больше социальное, чем экономическое, так как индивид сравнивает себя с другими членами общества и сам причисляет себя к категории бедных.

Говоря об относительной бедности, Таунсендом выделен подход относительной депривации, где депривация рассматривается как социальный процесс заниженных возможностей индивида по удовлетворению своих основных жизненных потребностей. Таким образом, депривация – это бедность, вызванная социальным неблагополучием.

Таунсенд также ввел понятие депривации (1979): многомерной – невыгодное положение семьи, индивида или группы на фоне общества; материальной – сравнение показателей одежды, питания, места проживания и прочих жилищных условий; социальной – образование, вид занятости, возможности в проведении досуга и пр.

Если сравнивать абсолютную и относительную бедность, то их границы никогда не совпадут, так как если представить, что абсолютная бедность ликвидирована, то относительная все равно сохранится и может возрасти, если стандарты жизни станут качественнее и выше [8].

В соответствии с вышеназванным подходом, относительная бедность – это невозможность соответствия определенным стандартам жизни общества и является сложно устранимым социальным явлением. Относительная бедность определяется как доля часто встречающегося дохода и в большинстве стран ее границы составляют 40–60 % медианного дохода населения [9].

Инструментом определения субъективной бедности является самостоятельная оценка населения, когда, опираясь на свои ощущения, человек сам определяет степень неудовлетворенности жизнью и определяет степень отношения себя к бедности.

Следовательно, разные подходы определяют отличное друг от друга значение: государственное регулирование присутствует в абсолютном подходе; в относительном учтены проблемы соответствия индивидов уровню жизни большинства населения; в субъективном подходе заключена самооценка человека, как он себя ощущает в социальном плане, относительно придуманных им же стандартов жизни.

Бедность – многогранная проблема социальной и экономической жизни населения. Исследованием проблемы измерения и определения бедности занималась Н. А. Овчарова [10], вопросы неравенства регионов России изучала Н. В. Зубаревич [11], в центре внимания зарубежных ученых поиском инструментов анализа бедности и неравенства занимались В. Rowntree, М. Kendall [12], Е. Kimerling [13] и др.

Многие десятилетия в России предпринимаются усилия снизить социальное расслоение общества, изменить разрыв между бедным населением и богатым. К примеру, неравномерное распределение доходов показывает коэффициент Джини, идеальное состояние которого должно приближаться к нулю, но в 2018 и в 2019 гг. этот показатель индекса богатства составил 0,413 [14].

Среди индикаторов, отражающих благосостояние общества и качество жизни населения, уровень реальных доходов является самым значимым. 1 % богатых россиян имеет около 71 % всех активов страны, а их совокупное состояние оценивается в 380 млрд долларов США. И в то же время 12,9 % россиян, находящихся за чертой бедности, владеют 12 млрд долларов США [15].

Рисунок 1 – Статистические данные по России с 2010 по 2019 гг. [14]

Figure 1 – Statistical data for Russia from 2010 to 2019

Таблица 1 – Соотношение зарплат и стоимости стандартного потребительского набора [14]

Table 1 – The ratio of salaries and the cost of a standard consumer package in Russian cities [14]

Город	Средне- месячная зара- ботная пла- та 2019 г., тыс. руб.	Соотношение зарплаты и стоимости прожиточного минимума, раз
Москва	96,9	3,83
Южно-Сахалинск	90,6	3,81
Сургут	75,8	3,24
Ханты-Мансийск	71,6	3,20
Магадан	82,9	2,90
Санкт-Петербург	63,8	2,89
Тюмень	53,6	2,75
Петропавловск- Камчатский	80,4	2,71
Кемерово	41,9	2,48
Томск	44,1	2,42
Челябинск	37,2	2,22
Омск	36,4	2,17
Краснодар	41,6	2,17
Новосибирск	42,0	2,17
Рязань	35,2	1,99
Сочи	37,6	1,88
Барнаул	31,4	1,75
Курган	30,6	1,69
Иваново	29,4	1,56
Шахты	26,6	1,36

Как видно из рисунка 1, среднемесячная заработная плата имеет устойчивую тенденцию роста, а соотношение минимальной заработной платы и прожиточного минимума с 2018 года изменили свое соотношение. По решению Правительства России, с 2018 года минимальная заработная плата не должна быть ниже прожиточного минимума. Средние заработные платы по городам (за вычетом НДФЛ) рассчитаны на основе муниципальной статистики Росстата за 2019 год по крупным и средним предприятиям.

Однако, если рассмотреть каждый регион в отдельности, можно проследить большой разрыв между соотношением стоимости потребительской корзины и среднемесячной заработной платой. Данное значение по регионам отличается примерно в три раза – от 1,36 до 3,83 (табл. 1). По данным таблицы, прослеживается достаточно большая разница среднемесячной заработной платы в разных городах России. Например, зарплата в г. Москве и г. Шахты отличается в 3,6 раз. Также отметим,

Таблица 2 – Изменение рабочих мест в регионах за последние 10 лет

Table 2 – Changes in jobs in the regions over the past 10 years

Субъект РФ	Число рабочих мест, создан- ных в 2009– 2019 гг., тыс.	Изменение числа ра- бочих мест (2019 к 2009), в %
Москва	847,8	13,4
Санкт-Петербург	258,6	9,4
Московская область	237,8	6,3
Краснодарский край	158,9	6,3
Ханты-Мансийский АО – Югра	62,1	7,5
Белгородская обл.	60,3	8,2
Тюменская область	33,1	5,0
Ленинградская обл.	26,3	2,9
Томская область	21,6	4,4
Новосибирская обл.	6,9	0,5
Республика Алтай	0,1	0,2
Ямало-Ненецкий АО	– 2,1	– 0,7
Челябинская обл.	– 3,8	– 0,2
Камчатский край	– 7,2	– 4,1
Магаданская обл.	– 12,2	– 12,8
Омская область	– 20,7	– 2,1
Рязанская область	– 39,2	– 7,2
Курганская область	– 62,1	– 15,0
Республика Коми	– 101,1	– 19,9
Кемеровская обл.	– 114,8	– 8,5

что в Ханты-Мансийске на среднемесячную заработную плату в первом полугодии 2019 года отношение заработной платы к потребительской корзине составляет 3,20, а в г. Кургане это соотношение составляет 1,69. Разница очевидна, и вследствие этого населению более выгодно проживать в столице или в городах, обеспечивающих работу в нефтегазовой и нефтяной отраслях, а города центральной части России остаются менее обеспеченными. Это влечет миграцию рабочей силы из моногородов и городов, где заработная плата не может обеспечить достойный уровень жизни.

Развитие технологий «Индустрии 4.0» также меняет рынок труда в качественном аспекте, предъявляя всё большие требования к увеличению человеческого капитала в результате автоматизации рабочих мест и увеличению разницы в уровне оплаты труда [16].

В таблице 2 выборочно представлены данные за 2009–2019 годы по изменению рабочих мест в регионах России [17].

Созданные рабочие места – это положительные значения, рассчитанные для работающего населения в возрасте от 15 до 72 лет. Сокращенные рабочие места представлены в таблице со знаком минус.

По результатам исследования, с 2009 по 2019 гг. в целом в России наблюдается рост рабочих мест в 27 регионах, но в 56 субъектах РФ – сокращение. Лидерами по созданию рабочих мест являются Москва и Московская область. Такая тенденция сложилась в связи с большим количеством желающих сменить место работы из-за низкой заработной платы в своем регионе или невозможности найти место работы, удовлетворяющее человека. Сокращение рабочих мест в начале 90-х годов в связи с закрытием многих заводов и фабрик в градообразующих городах до сих пор проявляется в регионах.

Российская проблема бедности усилилась с развитием рыночной экономики, в результате чего к бедному населению относятся именно работающие, которые по ряду причин не могут прокормить себя или свои семьи. Так началась эпоха «открытия» бедности.

Наиболее высокий уровень бедности в Российской Федерации был выявлен в 1992 году – 33,5 %, а количество бедных достигло 50 млн человек. К 2004 году этот показатель снизился до 17,6 %, а к 2007 году – до 13,3 %. Доля населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по итогам 2018 года составила 12,9 % (18,9 млн чел.) против 13,2 % (19,3 млн чел.) в 2017 году.

В регионах России уровень бедности имеет достаточно большой разрыв (рис. 2). На рисунке выборочно представлены регионы, по которым прослеживаются наиболее и наименее бедные. Например, в республике Тыва показатель равен 40,1 %, но в г. Москве и г. Санкт-Петербурге уровень бедности – 7,2 %. Следовательно, необходимо провести анализ показателей, характеризующих доход населения, причины, приводящие к низким доходам.

Результаты исследования

Как показало исследование, во многих регионах России почти треть работающих получают зарплату, приближенную к прожиточному минимуму. Основной проблемой является социальная неадаптированность и недостаток

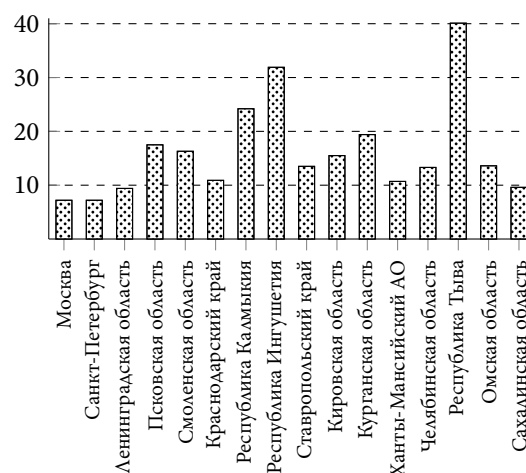

Рисунок 2 – Уровень бедности по регионам России в 2019 году, % [18]

Figure 2 – Poverty rate by regions of Russia in 2019, % [18]

средств к достойному существованию. Более сложное материальное положение у неполных и многодетных семей, среди них доля бедности составляет 60–80 % [19].

Уровень безработицы в 2019 году составил около 4,4 %, а уровень участия рабочей силы в общей численности населения – 62,4 %. Но в официальной статистике не учтено население трудоспособного возраста, работающее на неофициальной основе, в теневом секторе рынка труда.

Таким образом, бедность в России обусловлена следующими основными факторами:

- экономические: безработица, низкая заработная плата и пенсия, платные медицинские и образовательные услуги (данные факторы индивидуальны для каждого российского региона, в результате чего происходит перераспределение рабочей силы в виде миграции);

- социальные: нетрудоспособный возраст, состояние здоровья, нежелание трудиться в результате потери работы, детская безнадзорность;

- демографические: многодетные семьи с низкими доходами, неполные семьи, иждивенцы, молодежь со слабой позицией на рынке труда.

Уровень бедности измеряется методиками, основанными как на денежных критериях, так и неденежных. Неденежные методы не требуют данных о доходах и расходах, что является преимуществом при оценке уровня бедно-

сти, но недостатком также может быть субъективность при выборе экспертами перечня критериев.

Неденежным методом является метод стратификации, когда бедными считают людей, ограниченных в своем обеспечении. Это инвалиды, пенсионеры, беженцы, безработные, сироты и т. д.

Весь мир изучает причины бедности и меры ее снижения. Согласно майским указам Президента РФ, к 2024 году уровень бедности предполагается снизить до 6,6 %. Для того, чтобы прийти к заданному показателю необходимы новые подходы не только к измерению, но и к устранению причин бедности [20].

В статистике России с 2020 года добавится новый метод измерения уровня бедности – через понятие немонетарной бедности. Немонетарная бедность включает три индекса:

1) индекс многомерной бедности: здоровье; образование; занятость; питание; одежда и обувь; базовые товары; медицина; средства коммуникации; базовые потребности; общение и отдых; крупные покупки; доходы; жилье и окружающая среда;

2) индекс материальной депривации: нехватка денег на мясо, курицу или рыбу два раза в неделю; нехватка средств на фрукты в любое время года; недостаток денег на изношенную обувь; проживание в тесноте; нехватка денег на своевременную оплату ЖКХ; отсутствие дома центрального отопления; недостаток денег на замену старой мебели; нехватка средств на экстренный ремонт жилья и др.;

3) социальная исключенность: экономическая исключенность; сфера социальных услуг; общественная жизнь и социальные сети.

По индексу многомерной бедности к бедным относят индивидов, если присутствует неудовлетворенное состояние как минимум четырех критериев. Исходя из расчетов Росстата, уровень бедности в России по данному индексу в настоящий момент составляет 24–25 %. В основном, это граждане, проживающие в одиночку, также пенсионеры, многодетные семьи и жители сельской местности.

По индексу материальной депривации на фоне преобладающего стандарта жизни к бедным относят тех, кто испытывает проблемы как минимум по шести направлениям. В аб-

солютном определении по предварительным данным Росстата в 2020 году эта цифра составляет 13,8 %.

По индексу социальной исключенности индекс рассчитывается для двух категорий населения: для детей до 14 лет (присутствие минимум четырех эксклюзий) и от 15 лет и старше (от шести эксклюзий и больше). Для семей без детей этот показатель составляет 6,2 %, с одним ребенком – 7,2 %, с тремя – 16,8 %.

По всем трем показателям индекс немонетарной бедности составляет примерно 5 %. Наиболее уязвимые и имеющие наибольшее число критериев по всем индексам – жители сельской местности, одинокие пенсионеры и многодетные семьи.

Совершенствование методик подсчета уровня бедности – стремление соответствовать мировым индексам. Новый подход индекса немонетарной бедности комплексно и более детально определяет уровень жизни социальных групп населения. Большое количество выделенных в каждом индексе показателей позволит более углубленно и качественно подготовить мероприятия по сокращению уровня бедности в стране. Данный подход более детально отражает относительную концепцию бедности. Тем не менее, нельзя забывать, что методика сбора данных в абсолютной концепции дает возможность подсчета и сравнения доли населения по величине денежных доходов и прожиточному минимуму.

Политика кредитования населения и льготных ипотек на фоне снижения ключевой ставки Центробанка не решает проблем бедности основной массы населения, так как сопряжена с рисками увольнений с работы, потери дохода по различным причинам индивида.

Например, в связи с пандемией COVID-19 в 2020 году, в России уже в мае-июне попали под сокращения примерно 680 тыс. человек. Также работодатели в период кризисных ситуаций вместо увольнений применяют такой метод, как сокращение рабочего времени и, как следствие, оплаты труда своих сотрудников. Многие компании, особенно сфера услуг, сами остаются на грани выживания. По данным Росстата до пандемии в феврале 2020 года уровень безработицы составлял 4,7 %, но в мае уже составил 6,1 % [14].

Многие десятилетия ученые-экономисты изучали проблему бедности и выявляли пути ее решения. Например, А. Смит [21] и Ж. Прудон [22] считали, что в основе преодоления бедности находится именно труд человека.

Исходя из множества исследований, предполагается, что снижение уровня бедности будет эффективным благодаря разрабатываемым стратегиям на уровне государства. Количество социальных индикаторов, анализируемых при исследовании уровня бедности рассматривается комплексно, но для решения рассматриваемой проблемы необходима единая концептуальная основа, которая сформирует национальную стратегию сокращения бедности, исключающую возможность постоянного воспроизводства бедности.

Стратегия преодоления бедности должна развиваться в разрезе социально-экономической политики и, в первую очередь, в развитии социальных программ. Социальная поддержка населения особо значима для уязвимых слоев населения: пенсионеров, бедных семей с детьми или инвалидов по здоровью. Но пассивная социальная политика, выраженная только в выплате пособий и материальной поддержке, не может быть эффективной, а заведет еще больше в «ловушку» бедности.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14.02.2017 № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» и Федеральным законом от 29.12.2015 № 388-ФЗ, была создана Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО) [23]. Основой предлагаемой меры является курс на повышение качества жизни населения, нуждающегося в социальной защите за счет более качественного планирования, на доступность и прозрачность.

Экономическая политика должна быть связана с увеличением количества занятого населения в результате увеличения заработной

платы, создания новых эффективных рабочих мест и поддержки государством промышленности в моногородах, а начинать нужно именно с депрессивных регионов.

Политика налогообложения, которой посвящено достаточное количество трудов и законов, должна быть более гибкой, как в большинстве европейских стран. Необходимо более конкретно определить границы выделения богатого населения, среднего класса и бедного населения, чтобы провести дифференциацию налогообложения.

Образовательные процессы должны постоянно коррелировать с рынком труда, обучая население под создаваемые рабочие места, с учетом развития человеческого потенциала. А также необходимо не сокращать уровень доступности образования, а увеличивать, тогда повысится и возможность самоопределения в экономической среде.

Выводы

Таким образом, определенный уровень бедности присутствует в каждой стране, не только в России, эта проблема находит попытки регулирования на протяжении многих десятилетий и в мировой экономике. На государственном уровне в России периодически разрабатываются различные программы для снижения уровня бедности, но, как показывает многолетний опыт развитых стран, бедность можно снизить, но убрать ее совсем не представляется возможным.

Следовательно, также и на уровне каждого члена общества должны присутствовать мотивационные аспекты в поиске и сохранении рабочих мест, в улучшении качества жизни через самостоятельное повышение своего уровня знаний и навыков, в наращивании человеческого капитала [24]. Инвестиции в образование также имеют мультипликативный эффект и создают наибольшую конкурентоспособность населения на рынке труда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кауфман Н.Ю. (2019). Генезис конфликтов развития рынка труда в условиях цифровой экономики // Вестник университета. № 5. С. 16–22. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-5-16-22.

2. О национальных целях и стратегических за-

дачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.07.2020).

3. Печеная А.Т., Толкачева С.В., Домарев И.Е.

(2017). Проблема бедности в России и в мире: способы оценки, пути снижения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 7. № 6А. С. 78–100.

4. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ с изменениями (в ред. Федерального закона от 01.04.2019 № 49-ФЗ) // Консультант-Плюс. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.07.2020).

5. Rowntree B., Kendall M. (1913). *How the Laborer Lives*. London, Thomas Nelson and Sons.

6. Юртикова Н.В. (2018). Применение социальных индикаторов для оценки бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (208). С. 95–98.

7. Townsend R. (1954). The meaning of poverty, *British Journal of Sociology*, June, p. 32.

8. Батракова Л.Г. Основные концепции оценки бедности населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-otsenki-bednosti-naseleniya> (дата обращения: 29.07.2020).

9. Ишмуратова В.Г. Оценка масштабов бедности в современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-masshtabov-bednosti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 29.07.2020).

10. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17571556> (дата обращения: 29.07.2020).

11. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25553975> (дата обращения: 29.07.2020).

12. Rowntree B., Kendall M. (1913). *How the Laborer Lives*. London, Thomas Nelson and Sons.

13. Kimerling E. (1982). Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936, *Russian Review*, no. 41, pp. 24–46.

14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 29.07.2020).

15. Машина К. Проблемы бедности в России и пути ее решения. URL: <https://1000statei.ru/>

[articles/problemny-bednosti-v-rossii-i-puti-ee-resheniya.html](https://1000statei.ru/articles/problemny-bednosti-v-rossii-i-puti-ee-resheniya.html) (дата обращения: 29.07.2020).

16. Ширинкина Е.В. Влияние технологий «ИНДУСТРИИ 4.0» на структуру занятости. URL: <https://phsreda.com/e-articles/68/Action68-32683.pdf> (дата обращения: 29.07.2020).

17. РИА Новости (расчёты РИА Рейтинг по данным Росстата). URL: <https://riarating.ru> (дата обращения: 29.07.2020).

18. Рейтинг регионов по доходам населения – 2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190708/630129839.html> (дата обращения: 29.07.2020).

19. Богданова В.П., Родионова С.Д. (2015). Социально-экономические преобразования в России и истоки российской бедности // Фундаментальные исследования. № 2-17. С. 3865–3870. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37874> (дата обращения: 05.06.2020).

20. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.04.2020).

21. Смит А. (1962). Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз.

22. Прудон П.-Ж. (1908). Бедность как экономический принцип. Москва. С. 10.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости : Федеральный закон от 29.12.2015 № 388-ФЗ // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.04.2020).

24. Ширинкина Е.В., Кауфман Н.Ю. (2016). Роль человеческого капитала в инновационном развитии предприятий // Вестник СурГУ. № 4 (14). С. 69–72. URL: <https://survest.elpub.ru/jour/article/viewFile/54/55> (дата обращения: 29.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кауфман Наталья Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент; Сургутский государственный университет (628412, Россия, Сургут, пр. Ленина, 1); ntlrus@gmail.com.

PROBLEMS OF POVERTY IN RUSSIA: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECT

N.Yu. Kaufman^{2a}

^aSurgut State University

ABSTRACT:

Against the background of accelerated changes in the economic space, the role of the market in international practice is increasing, and the issue of employment, unemployment and poverty is particularly acute in all countries. The article deals with the problems of poverty in Russia and the regions. An overview of theoretical views of the scientific community on the concept of poverty is introduced. In the course of which it poverty was defined as the concept of both economic and social, reflecting the perception of the living standards of the society by the individuals identifying themselves as a certain category of social stratum of people – the so-called state of the personal feelings of lack. According to the economic point of view, poverty is a lack in the money matters, consisting in the inability to meet the needs of food, clothing, and other necessary living conditions.

A statistical analysis of the causes and structure of poverty at the Federal and regional levels, a comparative analysis of the ratio of the minimum wage and the subsistence minimum for the last ten years in the regions of Russia were conducted, an analysis of the number of jobs created in the regions over the past ten years was introduced.

Consequently, the main factors and causes of poverty individuals and families were identified. Among them you can select the amount of income, unemployment, industry, and employment and health status and participation in state-run social programs. It was found out that the reduction poverty line depends not only upon the involvement of the state with its newly implemented programs, but the population as well, increasing their human capital and professional skills.

KEYWORDS: poverty level, labor market, employment, economy, poverty line, social assistance, state.

FOR CITATION: Kaufman N.Yu. (2020). Problems of poverty in Russia: economic and social aspect, *Management Issues*, no. 5, pp. 36–45.

REFERENCES

1. Kaufman N.Yu. (2019). Genesis of conflicts in the development of the labor market in the digital economy, *Bulletin of the University*, no. 5, pp. 16–22. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-5-16-22.
2. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024, Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 29.07.2020).
3. Pechenaya L.T., Tolkacheva S.V., Domarev I.E. (2017). The problem of poverty in Russia and in the world: methods of assessment, ways of reducing, *Economy: yesterday, today, tomorrow*, vol. 7, no. 6A, pp. 78–100.
4. On the subsistence level in the Russian Federation, Federal Law No. 134-FZ dated October 24, 1997 (as amended by Federal Law No. 49-FZ of April 1, 2019). ConsultantPlus. <http://www.consultant.ru> (accessed 29.07.2020).
5. Rowntree B., Kendall M. (1913). *How the Laborer Lives*. London, Thomas Nelson and Sons.
6. Yurtikova N.V. (2018). Application of social indicators to assess poverty in modern Russia, *Living standards of the population of Russian regions*, no. 2 (208), pp. 95–98.
7. Towsend R. (1954). The meaning of poverty, *British Journal of Sociology*, June, p. 32.
8. Batrakova L.G. Basic concepts for assessing the poverty of the population. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-otsenki-bednosti-naseleniya> (accessed 29.07.2020).

²RSCI AuthorID: 809269, ORCID: 0000-0002-7385-9276

9. Ishmuratova V.G. Assessment of the scale of poverty in modern Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-masshtabov-bednosti-v-sovremennoy-rossii> (accessed 29.07.2020).

10. Ovcharova L.N. Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Factors of Poverty: Russian and International Experience. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17571556> (accessed 29.07.2020).

11. Zubarevich N.V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25553975> (accessed 29.07.2020).

12. Rowntree B., Kendall M. (1913). *How the Laborer Lives*. London, Thomas Nelson and Sons.

13. Kimerling E. (1982). Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936, *Russian Review*, no. 41, pp. 24–46.

14. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 29.07.2020).

15. Mashina K. Poverty problems in Russia and ways to solve it. URL: <https://1000statei.ru/articles/problemy-bednosti-v-rossii-i-puti-ee-resheniya.html> (accessed 29.07.2020).

16. Shirinkina E.V. Influence of technologies “INDUSTRY 4.0” on the structure of employment. URL: <https://phsreda.com/e-articles/68/Action68-32683.pdf> (accessed 29.07.2020).

17. RIA Novosti (RIA Rating calculations according to Rosstat data). URL: <https://riarating.ru> (accessed 29.07.2020).

18. Rating of regions by income of the population

– 2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190708/630129839.html> (accessed 29.07.2020).

19. Bogdanova V.P., Rodionova S.D. (2015). Socio-economic transformations in Russia and the origins of Russian poverty, *Fundamental research*, no. 2-17, pp. 3865–3870. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37874> (accessed 05.06.2020).

20. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024, Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 11.04.2020).

21. Smith A. (1962). *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow, Sotsekiz.

22. Proudhon P.-J. (1908). *Poverty as an economic principle*. Moscow. P. 10.

23. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of accounting and improving the provision of social support measures based on the obligation to comply with the principle of targeting and application of criteria of need, Federal Law No. 388-FZ dated December 29, 2015. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 11.04.2020).

24. Shirinkina E.V., Kaufman N.Yu. (2016). The role of human capital in the innovative development of enterprises, *Bulletin of Surgut State University*, no. 4 (14), pp. 69–72. URL: <https://surgutvesti.elpub.ru/jour/article/viewFile/54/55> (accessed 29.07.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Natal'ya Yu. Kaufman – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Surgut State University (1, Lenin Av., Surgut, 628412, Russia); ntlrus@gmail.com.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОНИМАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ

Т.В. Дуран^{1a,b}, Н.Б. Костина^{2c}

^aУральский государственный университет путей сообщения

^bЛьвовский университет

^cРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Управление качеством высшего образования рассматривается на основе применения подхода, представленного в зарубежном и отечественном управленческом и социологическом знании, согласно которому качество имеет показатели, которые можно измерить. В этой интерпретации количество является показателем (свойством) качества объекта. Еще одна важная методологическая идея, представленная в отечественном знании, заключается в обосновании того, что качества обладают свойствами, которые можно измерять, что количественные показатели применимы для оценки качества образования в процессе управления последним. В статье обосновывается, что качество образовательной политики и управление качеством – взаимодополняющие феномены.

Управление качеством включает в себя не только функции, которые необходимо осуществлять для достижения соответствующего качества образования, но и деятельность по разработке самой политики образовательного проекта. Выявлены наиболее существенные элементарные свойства образовательной политики. Фактическое качество образовательных проектов является недостаточным, что определяет необходимость оценочного подхода к образовательной политике, позволяющего определить ее желательный уровень. Выбор критериев оценки зависит от элементов оцениваемой политики.

Помимо элементарных свойств образовательной политике присущи интегративные количественные показатели качества. В статье рассмотрен такой показатель, как уровень и масштаб подготовки студентов, его особенности (многофакторность, множественность его составляющих, специфика оценки компетенций), на основе этого уточнено понятие «управление качеством образования». Специфика управления качеством высшего образования (в сравнении со сложившимся в сфере производства товаров и услуг) связана с планированием качества, включающем разработку и реализацию множества мероприятий по совершенствованию учебного процесса без фиксации плановых показателей. Оценка достижений возможна только после реализации мероприятий посредством сравнения достигнутых и предшествующих им результатов. Такой тип управления качеством образования определяется нами как управление по гипотезам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: качество образовательной политики, управление качеством, образовательный проект, оценка качества, количественные индикаторы качества.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дуран Т.В., Костина Н.Б. (2020). Образовательная политика и управление качеством высшего образования: понимание и особенности оценки // Вопросы управления. № 5. С. 46–57.

¹AuthorID РИНЦ: 557951

²AuthorID РИНЦ: 624093

Введение

Исследователи качества образования и управления им отмечают, что достижение качества российского высшего образования, соответствующего запросам современности, является собой важную управленческую задачу. «Качество образования – интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия ресурсного обеспечения, образовательного процесса, образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям» [1, с. 56].

В современном социальном знании понятие «качество» является одним из наиболее используемых. При изучении социальной сферы оно применяется к анализу жизни, здоровья, образования, услуг или товаров, политики («качество жизни», «качество товаров», «качество услуг», «качество образования», «качество принимаемых решений» и т. д.). Определение понятия «качество» прошло длительный путь развития, о чем свидетельствует теоретическая реконструкция. Первую трактовку этого понятия мы встречаем у древнегреческого философа Аристотеля, считавшего, что качество – это «то, благодаря чему предметы называются такими-то», и различавшего четыре разновидности качества: устойчивое, переходящее, претерпеваемое и качество-очертание [2, с. 72]. Из приведенной цитаты следует, что Аристотель связывал качество с неколичественными свойствами.

В дальнейшем широкое распространение получило определение категории «качество», данное Г. В. Ф. Гегелем. По Гегелю, качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность; нечто перестает быть тем, что оно есть, когда теряет свое качество. Категория «качество» используется не только в философии, но и в других отраслях социального знания, в частности, в знании об управлении социально-экономическими системами.

Постановка исследовательской проблемы

В большинстве современных трактовок качества, представленных в трудах зарубежных исследователей, последнее понимается как свойство. В частности, по мнению Э. Деминга качество товаров связано с удовлетворением требований потребителя не только для

соответствия его ожиданиям, но и для предвидения направления их будущих изменений; Дж. Джуран определяет качество через соответствие назначению или применению (предмета, услуги); Г. Тагути связывает качество с потерями, которые вызваны несвоевременной поставкой и неэффективным использованием продукции и ощущаемы обществом; К. Исикава полагает, что в основе качества лежит деятельность по разработке, проектированию, производству и обслуживанию продукции, в результате чего последняя становится наиболее экономичной и полезной и точно соответствующей требованиям потребителя [3].

Как известно, в рамках философии была разработана концепция соотношения качества и количества. Так, в философии Гегеля, в марксистской традиции качество трактуется как определенность (сторона) бытия, в частности, свойств и предметов, количество же – как другая сторона свойств и предметов. Качество и количество в таком понимании самостоятельны, вследствие чего могут взаимодействовать. Однако в современном знании идея о равноправности качества и количества фактически отрицается другим тезисом, согласно которому качество имеет показатели, представляющие собой некие величины, которые можно измерить. Такое понимание соотношения качества и количества обосновывается квалиметрией – наукой об измерении и количественной оценке качества различных объектов, в которой количество трактуется как показатель (свойство) качества объекта.

Применяя эту позицию к рассмотрению управления образованием, М. Агранович, П. Кондрашов отмечают: «В управлении образованием в целом и качеством образования в частности в последние годы все более явно проявляются две тенденции, которые, на наш взгляд, кардинально меняют ситуацию и выводят анализ и управление образовательными системами на принципиально новый качественный уровень. Первая тенденция – развитие количественного анализа, основанного на данных образовательной статистики, внешней оценке образовательных достижений, обработке результатов социологических исследований. Это позволяет перейти от суждений и мнений к обоснованному сравнительному

анализу, прогнозу, выявлению взаимосвязи и зависимостей различных факторов, влияющих на результаты функционирования образовательных систем, педагогической и управленческой деятельности» [4].

Новизна приведенного подхода заключается в обосновании применения количественных показателей для оценки качества образования в процессе управления последним.

Основные результаты исследования

За счет использования количественных показателей можно решить следующие задачи: «во-первых, оценить состояние системы, уровень качества образования, которое она обеспечивает; во-вторых, выявить сильные и слабые стороны системы и, соответственно, определить приоритеты развития, индикаторы и их целевые значения; в-третьих, идентифицировать те факторы и условия, которые определяют сложившийся уровень качества образования, и на этой основе выбрать необходимые управленческие действия для повышения качества образования...» [4].

Перечисленные возможности количественного анализа вряд ли совместимы с гегелевской концепцией трактовки качества и количества как равноправных аспектов действительности.

Кроме того, из понимания роли количественных показателей как индикаторов качества вытекает и определенный философский вывод: количественные признаки – это не самостоятельные сущности, а свойства качества, вне качества не существующие. Качества, будучи дискретными, характеризуются границей, интенсивностью, временем существования. Из этого следует, что любой объект многокачественен. Является ли качество свойством? Возможно, но качество – это свойство, само обладающее свойствами.

С позиций теории оценок оценка качества подразумевает следующие аспекты:

- качества обладают свойствами, которые можно измерять;
- выделяются однородные качества (вещи), различающиеся количественными параметрами;
- определение критерия оценки как соответствия качества (предмета) его задачам и потребностям человека;

– определение видов оценок (положительные и отрицательные), каждый из которых может получать количественную градацию.

Анализ оценок качества не должен содержать отождествление оценки качества с самим качеством, что зачастую имеет место в учебной и научной литературе. В качестве примера отождествления приведем следующие рассуждения. Понятие «качество» может употребляться либо дескриптивно, то есть описательно, в смысле свойств какой-либо вещи, либо прескриптивно, то есть нормативно, в смысле «уровня» или «добротности» вещи. В последнем случае в связи с диагностикой качества требуется известный стандарт, называемый критериями, в сравнении с которыми и определяется актуальное качество чего-либо, например, урока, преподавания, образования в целом, работы конкретного учебного заведения в целом [5].

При определении качества образования управляющими субъектами оно трактуется в аналогичном ключе как способность образовательной услуги (образовательного продукта) соответствовать социальному заказу и нормам государственного стандарта. Однако при таком понимании имеет место смешение двух аспектов, хотя и связанных, но вместе с тем различных по содержанию и значимости: сущности качества и его оценки. Оценка качества представляет собой его разновидность, и аргументировать это можно так. Качество как совокупность свойств, удовлетворяющих потребности людей, – это совокупность желательных свойств, представляет собой не что иное, как феномен полезности вещи. Полезность, иными словами, это оценка качества, а не его определение. Качество является всеобщим аспектом любой вещи, в то время как полезность – не всегда. Более того, полезность вещи является феноменом историческим: полезное в одних условиях не является таковым в других, поскольку сами критерии оценки релятивны. (Ср.: если каменный нож обладал высокой полезностью для древнего человека, но его полезность в современных условиях может быть равна нулю.)

Оценка качества является универсальной процедурой, то есть оцениваться могут как естественные предметы, так и артефакты. Вме-

сте с тем, качества артефактов обладают определенной спецификой: они проектируются. Проектирование означает, что существуют определенные эталоны (идеалы) качеств артефактов. Под идеалом можно понимать максимальную меру полезности вещи, но поскольку данный идеал не реализуется автоматически, то возникает необходимость в оценке соответствия тех или иных конкретных образцов их идеалу.

Оценка качества применительно к образовательной политике с точки зрения вышеизложенного требует конкретизации. Образовательная политика представляет собой проект, некую систему решений, которая включает в себя, в том числе, и стандарты качества. Здесь необходимо различать виды оценки: оценку качества образования с позиций стандартов, и оценку самой политики, то есть оценку качества стандартов. Если этого не сделать, можно оказаться в институциональной ловушке – соответствие результатов обучения на базе некачественных стандартов будет оцениваться как качественное и полезное; высокие результаты, напротив, будут оцениваться негативно.

Для осуществления адекватного различения оценок качества требуется уточнение: что понимается под качеством самой политики, а также качеством стандартов как одной из ее составляющих. Это понимание, в свою очередь, зависит от ответа на вопрос, является ли качество образовательной политики самостоятельным феноменом или же производным. Но для начала необходимо определиться с пониманием фактического качества образовательной политики, безотносительно к тому, кто его вырабатывает и оценивает. Фактическая образовательная политика в сфере высшего образования представляет собой совокупность свойств образовательной политики (проекта образования), а результатом ее является определенная модель профессионала.

Качество образовательной политики и управление качеством – взаимодополняющие друг друга феномены (и, соответственно, выражающие их понятия). Если качество политики – это совокупность ее желаемых свойств, то управление качеством – это совокупность функций, которые необходимо осуществить для достижения соответствующего качества

образования (этих желаемых свойств). Именно в таком узком смысле, как правило, и используется понятие «управление качеством». Мы считаем, что управление качеством можно трактовать и более широко, включив в него и систему деятельности по управлению качеством, и действия по выработке самой политики – образовательного проекта. В последнем случае необходимо различать свойства процесса по созданию проекта и свойства самого проекта, иными словами, не «растворять» качество политики в качествах деятельности. Деятельность по созданию проекта имеет поисковый характер, она регулируется нормативами и правилами, реализация которых и приводит, в конечном счете, к созданию проекта.

В связи со сказанным возникает вопрос, какие элементарные свойства образовательной политики можно выделить как наиболее существенные. К таковым, мы считаем, относятся следующие.

1. *Полнота* образовательного проекта, которая включает следующие компоненты: цели образования, технологии обучения, уровень подготовки педагогического состава, система мотивации преподавателей и студентов на обучение, уровень обеспеченности образовательного процесса ресурсами.

2. *Гармоничность* образовательного проекта, проявлением которой выступает мера соответствия между элементами образовательного проекта, прежде всего, между целями, технологиями и ресурсами.

3. *Гибкость* образовательной политики, проявляющаяся в своевременной корректировке образовательного проекта, основанием для которой становится изменение социально-экономических условий и задач.

4. *Мера реализуемости* образовательной политики на практике.

5. *Эффективность* образовательной политики.

Отсутствие полноты означает, что нарушается принцип системности образовательной политики, вследствие чего ее результаты не будут достигнуты в полной мере. Гармоничность образовательной политики выражается в соответствии между ее элементами. Именно с нарушением этого свойства приходится чаще всего сталкиваться на практике: напри-

мер, отсутствие достаточных финансовых ресурсов для оплаты труда педагогов, для создания нормальной инфраструктуры учебного процесса. Гибкость образовательной политики означает, что пересмотр ее содержания должен быть своевременным и обоснованным. Практика управления российским высшим образованием содержит многочисленные примеры формального совершенствования образовательной политики, создающего лишь видимость активности субъектов управления, приводящей, как правило, к негативным результатам. Мера реализуемости образовательной политики фиксирует, насколько политика принимается и действительно становится программой действий. Субъекты-исполнители образовательной политики могут и не принимать какие-то ее элементы, препятствовать их реализации, что приводит к нарушению первого из выделенных ее свойств (полноты образовательного проекта) с соответствующими последствиями.

Проявления элементарных свойств образовательной политики обнаруживаются на макро-, мезо- и микроуровнях. Макроуровнем следует считать политику, охватывающую все виды и уровни подготовки, мезоуровнем – подготовку в рамках учебного учреждения (школы, вуза), микроуровнем – подготовку в рамках какого-либо образовательного цикла по тому или иному направлению или уровню. Отношения между уровнями должны характеризоваться преемственностью: действия, осуществляемые на более общем уровне, должны служить основанием для действий и процессов на менее общем уровне. Кроме того, между различными видами подготовки должна поддерживаться определенная пропорциональность, заданная запросами социума. На микроуровне полнота и гармоничность образовательного проекта определяются программой обучения и ресурсным обеспечением. На макроуровне свойства образовательной политики задаются внешним по отношению к ней субъектом, в качестве такового выступает либо государство, либо профессиональная общность, которой делегированы полномочия. Недостатки, присущие образовательному проекту на макроуровне, опосредованно отражаются на мезоуровне – деятельности об-

разовательных учреждений. Низкое качество проекта на этом уровне так или иначе фиксируется исполнителями – руководством университетов, преподавателями.

Фактическое, реально присущее образовательным проектам качество, как правило, является недостаточным, поэтому к образовательной политике необходим оценочный подход, посредством применения которого возможно определить ее желательный уровень, степень ее полезности. Для выявления такого желательного уровня необходимо, в свою очередь, определить критерии, которые являются внешними для самой политики. Каковы же эти критерии? Их выделение зависит от элементов оцениваемой политики. Например, если речь идет о качестве профессиональной подготовки, то таким критерием выступает характер задач, проблем, которые предстоит решать будущему специалисту в различных организациях.

Выше были перечислены элементарные имманентные свойства образовательной политики, однако помимо них существуют и интегративные количественные показатели качества, которые непосредственно не выводятся из элементарных свойств. К таковым относится показатель уровня и масштаба подготовки студентов – практического освоения определенным множеством студентов компетенций, предусмотренных образовательным проектом. Данный показатель характеризуется специфическими особенностями, первая из которых состоит в его многофакторности. Она выражается в том, что уровень подготовки студентов зависит не только от качества образовательной политики, но и от целого ряда других факторов: уровня культуры студентов и преподавателей, качества довузовской подготовки студентов, уровня оснащенности образовательного процесса различными ресурсами, характера взаимодействий между акторами образовательного процесса и т. д. Масштаб подготовки студентов выражается в количестве образовательных учреждений, имидже высшего образования, социальном спросе в обществе на образовательные услуги и т. д. Зафиксированная множественность детерминант рассматриваемого показателя означает, что его величина складывается эмпирически.

Второй особенностью обобщенного критерия качества образования является множественность его составляющих. Уровень подготовки студентов не может характеризоваться на основании одного показателя, например, числа студентов, успешно освоивших запланированные проектом компетенции. Для определения уровня подготовки неизбежно использование целого ряда показателей: численность студентов, успешно овладевших компетенциями; число освоивших компетенции на удовлетворительном и хорошем уровне, а также тех, кто не освоил эти компетенции в полном объеме. Таким образом, общая цель достигается разными студентами в различной степени. В свою очередь, степень освоения студентами компетенций обусловлена как их различиями в способностях и возможностях, в мотивации, так и уровнем культуры профессиональной подготовки преподавателей. Факторы, влияющие на качество образования, рассмотрены в упомянутой ранее статье [4].

То, что показатель уровня и масштаба подготовки студентов складывается эмпирически, означает, что прогнозировать, каким он будет в будущем, можно на основании его прошлого состояния и динамики, т. е. посредством выявления тенденций его изменения и влияния на него ведущих факторов.

Множественный характер рассматриваемого показателя обусловлен не только различной степенью освоения компетенций студентами как акторами образовательного процесса, но и множественностью субъектов, осуществляющих оценку уровня освоения компетенций обучающимися. Оценка осуществляется:

1) самими образовательными учреждениями – с позиций соответствия реализуемым образовательным стандартам;

2) работодателями – на основании определения успешности или не успешности решения выпускниками задач в процессе послеузовской деятельности;

3) студентами – на основании реализации профессиональных планов, трудоустройства;

4) государством, в лице органов, в полномочия которых входит контроль за уровнем подготовки студентов, – в соответствии с принятыми стандартами;

5) рейтинговыми агентствами, экспертными сообществами.

Иными словам, оценивать уровень подготовки студентов могут государство как организатор образовательного процесса, образовательное учреждение как производитель услуг, студенты и работодатели как потребители услуги, то есть все участники образовательного процесса.

Третьей особенностью рассматриваемого обобщенного критерия является специфика оценки компетенций в сравнении с оценкой других составляющих образовательного процесса. Данная специфика детерминирована тем, что овладение компетенциями является целью образовательного процесса, в то время как такая важнейшая составляющая как ресурсы (материальные, финансовые и др.) – его условием. Так, материальные ресурсы имеют определенное количественное выражение: учебные площади измеряются квадратными метрами; финансирование – количеством выделенных средств как на образование в целом, так и конкретным учебным заведениям высшего образования; обеспеченность вузов профессиональными кадрами – количеством студентов на одного преподавателя; трудоемкость освоения той или иной дисциплины студентами – зачетными единицами и т. п. Процедура оценки этих видов ресурсов осуществляется посредством сравнения имеющихся в реальности величин, т. е. фактического количества, с величинами, заданными стандартами. С оценкой компетенций ситуация совершенно иная, т. к. для реализации оценочной процедуры нет собственных единиц измерения. Вряд ли возможно сформулировать, выделить адекватную для использования единицу измерения компетенции (или мотивации), поскольку это субъективные образования. Но как в таком случае возможна их оценка?

Особенность оценки компетенций состоит в том, что она производится косвенно, через объем и сложность информации, которая должна быть освоена и усвоена в процессе образования. Этот показатель сегодня все еще является самым важным и широко применяемым российской высшей школой. Но использование этого косвенного показателя имеет давнюю историю примене-

ния во всех аграрных и индустриальных обществах. Оценки компетенций осуществляются посредством использования традиционных форм экзаменационных испытаний, требующих от студентов освоения определенного объема информации, ее понимания, запоминания и в последующем умения использовать в профессиональной деятельности. К нетрадиционной форме оценки, широко применяемой сегодня в высшем образовании, относятся тестовые задания, требующие, как правило, запоминания информации и умения выбрать правильный вариант ответа. Но посредством теста проверить понимание студентом информации, полноту ее усвоения невозможно.

Другой формой оценки компетенций выступает определение уровня их освоения через использование задач различной сложности. В этом случае оценивается, какие задачи и с какой результативностью способен решать человек, освоивший определенные компетенции. Задачи могут быть как традиционные, то есть имеющие алгоритм решения, так и нетрадиционные, для которых подобный алгоритм отсутствует. Измерение компетенций посредством оценки умений и навыков при решении традиционных задач различной степени сложности широко использовалось в индустриальных обществах. В современных обществах решение традиционных задач как метод формирования и оценки компетенций продолжает использоваться, но его нельзя считать достаточным. В современных условиях все большую значимость приобретает решение нетрадиционных задач в групповых организационных формах. Методами формирования таких компетенций выступают деловые игры, разработка проектов, которые можно использовать и для оценки компетенций. Так, специфика оценки компетенций ставит задачу разработки определенных стандартизированных заданий, использование которых позволит обеспечить сравнимость желаемых и достигнутых результатов в освоении компетенций.

Выявленные особенности обобщенного критерия качества образования актуализируют теоретико-понятийную проблему уточнения понятия «управление качеством» в целом и «управление качеством образования», в частности.

К трактовке управления качеством существует два основных подхода. В первом подходе акцент делается на управлении качеством: оно рассматривается как набор классических управленческих функций (планирование, организация, мотивация, контроль). Во втором речь идет о контроле качества учебного процесса, т. е. главной из классических функций считается контроль.

Сторонники первого (широкого) подхода опираются на опыт управления качеством в промышленных организациях и экстраполируют эту систему на обучение студентов. Исходя из этой логики рассуждений, вузы должны осуществлять управление качеством посредством внедрения идеологии менеджмента качества, восьми основополагающих принципов, которые легли в основу международных стандартов ISO 9000 (9001, 9004) версии 2000 г. В таком контексте действиями, которые приводят к созданию управления качеством в вузе, должны стать следующие:

- разработка современной нормативной и рабочей документации по всем направлениям деятельности;
- исключение дублирования процедур;
- создание системы контроля на основе планов по качеству;
- повышение эффективности организационной структуры;
- четкое разграничение полномочий;
- более эффективное распоряжение ресурсами [6].

Однако осмысление перечисленного перечня действий сторонниками рассматриваемого подхода с неизбежностью приводит к постановке вопроса о том, что представляют собой планы по качеству, тождественны ли они планам организаций, которые производят товары и услуги, или входят в состав этих планов. Даже поверхностное сравнение деятельности вузов и коммерческих организаций позволяет сказать, что планы по качеству применительно к подготовке студентов в вузе не могут включать в себя конкретных количественных показателей. Так, вуз не может планировать полностью получение студентами повышенных оценок, да и вообще оценок любого вида, поскольку достижение таких заданных результатов невозможно, если следовать

всем установленным правилам. В реальности всегда имеет место разброс оценок, который трудно предвидеть. Но что же тогда представляют собой планы по качеству, и возможна ли их разработка и реализация в управлении университетами? Ответов на эти вопросы мы не находим.

Приверженцы понимания управления качеством как организации контроля над последним с такими дилеммами, по-видимому, не сталкиваются. Управление качеством образования в рамках этой методологии сводится к выполнению функций по государственной аккредитации и мониторингу качества образования.

С этой точки зрения задачей управления качеством образования в современных условиях является нахождение оптимального сочетания различных форм контроля. Анализ функционирования и развития высшего образования свидетельствует о том, что выполнение названных функций имеет весьма длительную историю. На этом основании можно утверждать, что и управление качеством высшего образования также далеко не новый вид деятельности субъектов управления образованием. Слабой стороной рассмотренной позиции является неявное признание стихийного формирования качества, поскольку оценка качества оказывает лишь косвенное влияние на учебный процесс. Она представляется одной из функций управления качеством, которая, в свою очередь, входит в комплекс других управленческих функций.

Из понятия качества высшего образования вытекает и представление о конкретных направлениях работы по его совершенствованию. Европейской ассоциацией гарантии качества в высшем образовании (англ. *European Association for Quality Assurance in Higher Education*, ENQA) по прямому поручению конференции министров образования европейских стран, подписавших Болонскую декларацию, был разработан перечень направлений по гарантии качества высшего образования, содержащихся в «Стандартах и рекомендациях для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве». К этим направлениям относятся следующие.

1. Образовательные учреждения должны иметь собственную политику, процедуры гарантии качества и стандарты для реализуемых программ и присваиваемых квалификаций.

2. Образовательные учреждения должны осуществлять утверждение, мониторинг и периодическую оценку программ и квалификаций. Вузы должны разработать официальные положения о периодической оценке и мониторингу реализуемых программ и присваиваемых квалификаций.

3. Оценка уровня знаний студентов. Последняя должна осуществляться с использованием последовательных процедур на основе опубликованных критериев и положений.

4. Гарантия качества профессорско-преподавательского состава: механизмы и критерии оценки компетентности преподавателей должны разрабатываться образовательными учреждениями.

5. Наличие образовательных ресурсов и системы поддержки студентов. Образовательные учреждения должны гарантировать, что имеющиеся ресурсы для организации процесса обучения студентов являются достаточными и соответствуют требованиям каждой реализуемой программы.

6. Система информирования: для эффективного управления программами обучения и другими видами деятельности образовательные учреждения должны обеспечивать сбор, анализ и распространение необходимой информации.

7. Информирование общественности. Образовательные учреждения должны регулярно публиковать своевременную, непредвзятую, объективную количественную и качественную информацию.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что деятельность по повышению качества высшего образования охватывает основные элементы процесса обучения: совершенствование программ, подготовку преподавателей, обеспеченность ресурсами, технологии оценки студентов, достоверность информации. Понятно, что работа по этим направлениям должна планироваться, организовываться, мотивироваться, контролироваться.

Тем не менее, очевидно, что экстраполяцию идей об управлении качеством и способах его осуществления, сложившихся в сфере производства товаров и услуг, на управление качеством высшего образования нельзя считать конструктивной. Такая экстраполяция ведет к противоречиям в объяснении управления качеством образования и несоответствиям в его реальном осуществлении, что не позволяет выявить специфику рассматриваемого феномена.

Нам представляется, что специфика управлением качеством высшего образования связана с планированием качества и заключается в том, что оно (планирование качества) включает в себя разработку и реализацию множества мероприятий по совершенствованию учебного процесса, но при этом не фиксируются плановые показатели по интегративному критерию, которым являются конкретные показатели успеваемости. Безусловно, разработка плана мероприятий по совершенствованию учебного процесса и их последующая реализация с достижением запланированных показателей не исключает прогнозов возможных достижений, но необходимо четко осознавать, что прогнозы не являются планами, а прогнозируемые достижения – плановыми показателями.

Управление качеством образования не исключает реалистичной оценки достижений при реализации мероприятий, которые планируются для повышения качества образования. Однако такая оценка возможна не предварительно, а лишь после реализации мероприятий, направленных на повышение качества, (апостериори), и осуществляется на основе сопоставления, сравнения достигнутых результатов с предшествующими, что позволяет выявить не только общие тенденции изменений высшего образования, но и их темпы.

Выводы

Сформулированный тип управления качеством образования можно назвать управлением по гипотезам, который принципиально отличается от управления по целям. Управление по целям, то есть по четко заданным количественным параметрам, хорошо работает при

создании вещей и услуг, управление по гипотезам – при обучении и воспитании людей, неотъемлемыми свойствами которых является индивидуальность, а также воля. Компетенции, освоение которых студентами предусмотрено образовательными стандартами, являются усредненными, и, как всякие средние показатели, они в какой-то мере степени неадекватны, грубы, хотя и безальтернативны.

Мы считаем, что осуществление управления качеством образования на основе стандартов позволяет решить две важнейшие задачи:

- гарантировать приемлемый минимум качества образования;

- обеспечить минимум инвариантности образования для всех участников образовательного процесса, как на уровне отдельного государства, так и на уровне различных союзов, что служит основой признания дипломов об образовании в различных странах-участниках того или иного союза.

Конечно, все сказанное представляет собой нормативное описание требований к качеству, некую идеальную модель, в реальной практике вполне возможны «разрывы» между формальными институтами и фактическим осуществлением обеспечения качества высшего образования, которое сопровождается отсутствием общедоступной прозрачной информации о процессе обеспечения качества и его результатах. Так, участники программы Европейского Союза «Tempus», в рамках которой накоплен солидный опыт создания совместных связей между европейскими университетами и высшими учебными заведениями стран-соседей, включая и Россию, типичными из таких «разрывов» называют следующие:

- отсутствие истинно независимой системы аккредитации,

- отсутствие широкодоступных агентств по обеспечению качества и предоставлению общедоступной информации о процедурах, нормах и требованиях к обеспечению качества высшего образования;

- недостаточную прозрачность национальных и институциональных индикаторов достигнутых результатов [7];

– неукомплектованность структурных подразделений высшей учебной заведений по обеспечению качества сотрудниками;

– недостаточное внимание к программам по повышению квалификации преподавателей;

– недостаточную развитость централизованных информационных систем, жизненно необходимых для принятия оптимальных решений, а также необходимость их модернизации одновременно с более широким использованием институтских внутренних сетей в целях коммуникации, преподавания и обучения [8];

– слабое участие работодателей и студентов в разработке образовательных программ в целом [9] и в процессах обеспечения качества;

– недостаточную автономию учебных заведений в разработке образовательных программ в соответствии с параметрами, установленными на федеральном уровне [10].

Таким образом, исследования последнего десятилетия, посвященные управлению качеством в целом и качеством образования в частности, позволяют сделать вывод о возможности и даже необходимости применения количественных показателей в управлении ка-

чеством высшего образования, количественных индикаторов как индикаторов качества. Одним из важнейших среди этих показателей являются оценки качества высшего образования, представленные в виде количественных интерпретаций. Образовательная политика как система решений предполагает разработку стандартов. Оценка качества образования в свою очередь включает как оценку соответствия образовательного процесса и его результатов стандартам, так и оценку качества самих стандартов. В рамках управления качеством высшего образования теоретическим основанием применения количественных показателей для оценки качества образовательной политики служит понимание качества политики как совокупности ее желаемых свойств, управления качеством – как включающего в себя и систему деятельности по управлению качеством, и действия по выработке самой политики (образовательного проекта). Оценочный подход к образовательной политике позволяет определить ее желательный уровень, соответствие ему уровня фактического. Управление качеством высшего образования представляет собой не что иное, как управление по гипотезам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипова М.В. (2017). Управление качеством образования в системе вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 25. С. 56–57.

2. Аристотель. Категории. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.

3. Шиндряева И.В. (2012). Эволюция подходов к определению категории «качество» // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (15). С. 78–80.

4. Агранович М., Кондрашов П. (2007). Индикаторы оценки качества образования // Директор школы. № 5. С. 5–16.

5. Загвоздкин В.К. (2003). Качество образования: тенденции развития и инструменты реализации // Директор школы. № 8. С. 18–24.

6. Соловьев В.П., Кочетков А.И., Тишина Е.Ю., Плотникова Е.В. Системы управления качеством образования в вузах. URL: <https://fh.kubstu.ru/juk/issues/issue01/st0127.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

7. Kastouéva-Jean T., Mechkova T. (2011). Université fédérale de l'Oural, une future « Harvard régionale ». Paris-Centre Russie/NEI Ifri.

8. Chesbrough H. W. (2003). Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. USA, Cambridge, MA, Harvard Business School Publishing.

9. Шуклина Е.А., Певная М.В. (2018). Предприятия и вузы региона: формы сетевых взаимодействий в оценках студентов // Университетское управление: практика и анализ. Т. 22. № 3. С. 86–99. DOI: 10.15826/umpra.2018.03.029 (дата обращения: 20.04.2020).

10. Касевич В.Б., Светлов Р.В., Петров А.В., Цыб А.А. Болонский процесс в вопросах и ответах. URL: <http://disus.ru/konferencii/396438-1-bolonskiy-process-voprosah-otvetah-b-kasevich-v-svetlov-v-petrov-a-cib-broschure-kratkoy-vozmozhnosti-dostupnoy-forme.php> (дата обращения: 20.04.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дуран Татьяна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский государственный университет путей сообщения (620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66); Льежский университет (4000, Бельгия, Льеж, пл. 20 Августа, 7); Tatyana.duran@hotmail.be.

Костина Наталия Борисовна – доктор социологических наук, профессор; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); natalya.kostyna@ui.ranepa.ru.

EDUCATIONAL POLICY AND QUALITY CONTROL OF HIGHER EDUCATION: UNDERSTANDING AND EVALUATION FEATURES

T.V. Duran^{3a,b}, N.B. Kostina^{4c}

^aUral State University of Railway Transport

^bUniversité de Liège

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Quality control of higher education is considered on the basis of applying the approach presented in foreign and national management and sociological knowledge, according to which quality has indicators that can be measured. In this interpretation, quantity is an indicator (property) of the quality of an object. Another important methodological idea presented in the national knowledge is to justify the fact that qualities have properties that can be measured, that quantitative indicators are applicable to assess the quality of education in the process of managing the latter. The article proves that the quality of education policy and quality control are complementary phenomena.

Quality management includes not only the functions that need to be performed in order to achieve the appropriate quality of education, but also the development of the educational project policy itself. The most essential elementary properties of educational policy are revealed. The actual quality of educational projects is insufficient, which determines the need for an evaluation approach to educational policy that allows determining its desired level. The choice of evaluation criteria depends on the elements of the policy being evaluated.

In addition to the elementary properties of education policy, integrative quantitative quality indicators are inherent. The article considers such an indicator as the level and scale of students' training, its features (multi-factority, multiplicity of its components, specifics of competence assessment), on the basis of this, the concept of "education quality control" is clarified. The specifics of quality control of higher education (in comparison with the existing one in the sphere of production of goods and services) is related to quality planning, which includes the development and implementation of various measures to improve the education process without fixing planned indicators. Evaluation of achievements is possible only after the implementation of activities by comparing the results achieved and previous ones. This type of education quality control is defined as the hypotheses management.

KEYWORDS: quality of education policy, quality control, education project, quality index, quantitative quality indicators.

FOR CITATION: Duran T.V., Kostina N.B. (2020). Educational policy and quality control of higher education: understanding and evaluation features, *Management Issues*, no. 5, pp. 46–57.

³RSCI AuthorID: 557951

⁴RSCI AuthorID: 624093

REFERENCES

1. Osipova M.V. (2017). Management of the quality of education in the system of the university, *Scientific-methodical electronic journal "Concept"*, vol. 25, pp. 56–57.
2. Aristotle. Categories. Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl, 1978. 687 p.
3. Shindryaeva I.V. (2012). Evolution of approaches to the definition of the category "quality", *Electronic scientific and educational journal of VGSPU "Faces of Knowledge"*, no. 1 (15), pp. 78–80.
4. Agranovich M., Kondrashov P. (2007). Indicators for assessing the quality of education, *School Director*, no. 5, pp. 5–16.
5. V.K. Zagvozdkin (2003). Quality of Education: Development Trends and Implementation Tools, *School Director*, no. 8, pp. 18–24.
6. Soloviev V.P., Kochetkov A.I., Tishina E.Yu., Plotnikova E.V. Quality management systems for education in universities. URL: <https://fh.kubstu.ru/juk/issues/issue01/st0127.pdf> (accessed 20.04.2020).
7. Kastouéva-Jean T., Mechkova T. (2011). Université fédérale de l'Oural, une future « Harvard régionale ». Paris-Centre Russie/NEI Ifri.
8. Chesbrough H. W. (2003). Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. USA, Cambridge, MA, Harvard Business School Publishing.
9. Shuklina E.A., Pevnaya M.V. (2018). Enterprises and universities of the region: forms of network interactions in student assessments, *University management: practice and analysis*, vol. 22, no. 3, pp. 86–99. DOI: 10.15826/umpa.2018.03.029.
10. Kasevich V.B., Svetlov R.V., Petrov A.V., Tsyb A.A. Bologna process in questions and answers. URL: <http://disus.ru/konferencii/396438-1-bolonskiy-process-voprosah-otvetah-b-kasevich-v-svetlov-v-petrov-a-cib-broshyure-kratkoy-vozmozhnosti-dostupnoy-forme.php> (accessed 20.04.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Tat'yana V. Duran – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural State University of Railway Transport (66, Kolmogorov St., Ekaterinburg, 620034, Russia); Université de Liège (7, Place du 20 Août, Liège, 4000, Belgique); Tatyana.duran@hotmail.be.

Nataliya B. Kostina – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); natalya.kostyna@ui.ranepa.ru.

РОЛЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Т.А. Заглодина^{1а}, Н.Г. Чевтаева^{2б}

^аРоссийский государственный профессионально-педагогический университет

^бРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена исследованию механизмов адаптивного поведения в профессиональной деятельности специалистов по социальной работе. Происходящие процессы трансформации требований к профессиональной деятельности специалистов по социальной работе актуализируют необходимость исследования данной профессиональной группы. Социальная работа как профессия является достаточно молодой и находится в процессе становления, что сопровождается размытыми представлениями о данной сфере; полифункционализм, в основе которого лежит объединение функций психолога, адвоката, социального терапевта, педагога, предъявляет высокие требования к профессионально важным качествам специалиста и несет предпосылки развития профессиональных стрессов. В статье проанализированы причины, вызывающие профессиональный стресс, и механизмы защитного и совладающего поведения. Представлены результаты исследования предпочтительных стратегий поведения специалистов, выявлена зависимость применения копинг-стратегий от профессионального опыта и принадлежности к профессиональной группе. Установлено, что процесс формирования и развития профессиональной группы специалистов по социальной работе сопровождается профессиональной деформацией ее представителей. Но использование стратегий адаптивного поведения будет способствовать успешному совладанию специалистов по социальной работе с деформирующими моментами профессиональной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная работа, копинг-механизмы, адаптивное поведение, профессиональная деформация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заглодина Т.А., Чевтаева Н.Г. (2020). Роль копинг-стратегий в профессиональной деятельности специалиста по социальной работе // Вопросы управления. № 5. С. 58–69.

Введение

Профессиональная деятельность служит одной из главных составляющих жизнедеятельности человека, в ней происходит формирование и развитие способностей, когнитивных процессов [1, с. 2108], реализуется потенциал и развиваются личностные качества [2, с. 4507]. Каждая профессия требует определенной подготовки [3] как в теоретическом плане, так и в приобретении практических навыков. Однако несмотря на значимость профессии для человека, ее роль может быть и деформирующей. Так, невозможность справиться с деструктивными составляющими своей работы вызывает профессиональ-

ный стресс, который отнесен к глобальным болезням XXI века, поскольку он распространен во всем мире. Г. А. Невский, А. В. Русакова, Т. М. Резер рассматривают здоровье как главную составляющую в профессиональном развитии человека [4, с. 21]. Важную роль выполняет социальное здоровье, которое понимается авторами [5, с. 159] как фактор формирования психического здоровья человека. В связи с этим, проблема стрессоустойчивости является актуальной, особенно для представителей социэкономических профессий, чья профессиональная деятельность сопряжена с многочисленными рисками и психоэмоциональным перенапряжением.

¹AuthorID РИНЦ: 708704, ORCID: 0000-0002-1689-1552

²AuthorID РИНЦ: 691511, ORCID: 0000-0002-4223-3318

Одной из социэкономических профессий является социальная работа, которая находится в состоянии постоянного развития [6, с. 20], отвечая на динамично изменяющиеся потребности общества. Специалисты по социальной работе перманентно находятся в состоянии профессионального стресса [7, с. 254], обусловленного, с одной стороны, сложными социальными ситуациями клиентов [8, с. 124; 9, с. 100], а с другой – повышенными требованиями к качеству оказываемых услуг. В современных условиях развития пандемии, социальная работа становится профессией с растущей актуальностью [10, с. 73], она развивается и требует новых качеств от работников. Перечисленные условия предполагают формирование определенных качеств и характеристик у специалиста [11, с. 239], которые позволят применять навыки саморегуляции, решать нестандартные задачи в условиях профессионального стресса и повышенных социопсихологических требований. Социальная работа как вид профессиональной деятельности несет определенные угрозы для специалистов-профессионалов, поэтому формирование здоровьесберегающих стратегий поведения может считаться приоритетом в профессиональной подготовке специалиста [12, с. 54]. Наличие определенных качеств личности будет выступать факторами профессиональной пригодности и способствовать адаптации к стрессовым ситуациям.

Проблема адаптации достаточно хорошо изучена в научной литературе, анализ последних исследований отмечает важную роль адаптации в процессе профессионализации специалистов. По мнению авторов Р. И. Качаева, И. С. Самохина, Н. А. Соколовой, этап адаптации к профессиональной деятельности имеет решающее значение в становлении и развитии специалиста [13, с. 330]. А. Ж. Караванова, М. Г. Сергеева говорят о необходимости адаптации к профессии в условиях получения высшего образования [14, с. 79]. В. Макаров, Ю. Шимановская, Т. Тяпкина, М. Фирсов, В. Сизикова, Т. Ростовская, С. Козловская отмечают необходимость адаптации специалистов по социальной работе к инновационным моделям профессиональной деятельности [15, с. 20]. И. В. Мкртумова, А. И. Кононова, М.

В. Вдовина, Е. Г. Студенова, С. А. Потуткова приоритетом в практической деятельности социальной работы считают необходимость отвечать социальным и экономическим рискам, тем самым адаптируя теорию и практики социальной работы под вызовы общества [16, с. 127]. Одним из важных психологических механизмов адаптации человека к нестабильным социальным условиям являются его стратегии предупреждения и совладания с профессиональным стрессом, или *копинг-стратегии*. Теоретические концепции адаптивного и стресс-преодолевающего поведения слабо представлены в научных исследованиях и носят преимущественно описательный характер. Если же говорить о социальной работе, то экспериментальная база в социально-психологических исследованиях практически отсутствует, хотя совладающее поведение является одним из эффективных механизмов адаптации в профессиональной сфере [17, с. 52], анализ данной проблемы послужил целью нашего исследования.

Адаптируясь к сложной или стрессовой ситуации, можно использовать два способа: психологическую защиту (неосознанно снижая психологический дискомфорт от дестабилизирующих факторов) или копинг-поведение (осознанное продуктивное воздействие на стрессовую ситуацию). Задача психологической защиты – изолироваться от стресса, снизить его воздействие, такой способ реагирования может приводить к развитию профессиональных деформаций и разного рода деструкций, снижая удовлетворенность трудом и собой как профессионалом, провоцируя соматические и психосоматические заболевания [18, с. 52; 19, с. 130]. Копинг-поведение обеспечивает сознательное влияние на дестабилизирующие факторы, которое помогает не только справиться с профессиональными трудностями, но и адаптироваться к специфике трудовой деятельности [20, с. 215].

Копинг (от англ. *cope* – преодолевать) означает «адаптивное, совладающее поведение» или «психологическое преодоление» сложных ситуаций [21]. В работах ученых копинг представляет собой индивидуальный способ совладания человека со стрессовой ситуацией в соответствии с ее значимостью и ресурса-

ми индивида. Ресурсы выражаются в наличии копинг-стратегий, которые можно развить сознательно или приобрести на основе личного опыта. Вариативность использования копинг-стратегий напрямую обуславливает успешность адаптации к требованиям ситуации. Таким образом, «копинг-стратегии – это целенаправленная деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям» [22, с. 113]. Использование копинг-стратегий в профессиональной сфере необходимо для профилактики профессиональных деформаций, поддержания профессионального здоровья и удовлетворенности социально-профессиональными отношениями.

Единой унифицированной классификации копинг-стратегий в настоящее время не существует, но общепринято разделение на активные и пассивные стратегии. При активном копинге происходит непосредственное воздействие на стрессовое событие, которое изменяет его влияние на человека путем переосмысления события или прямого воздействия на него. Пассивный копинг направлен на избегание события или стресса. По мнению М. А. Ярославской, «в некоторых ситуациях пассивные действия могут привести к деструктивной деятельности (например, употребление алкоголя) или психическим состояниям, которые удерживают их от прямого решения стрессовых событий» [23, с. 130].

Материал и методика исследования

Авторами статьи в 2016 году было проведено исследование, выборку которого составили 450 человек – сотрудников учреждений социальной защиты, социальной поддержки и социального обслуживания города Екатеринбурга. Целевая выборка производилась по принципу принадлежности респондентов к профессиональной деятельности специалистов по социальной работе. При проведении исследования нами был использован опросник Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения» [24].

В основу исследования легла классификация копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман, наиболее полно характеризующая адаптивные стратегии поведения, которые могут

быть использованы для преодоления стрессовых ситуаций.

- Конфронтация – агрессивная активная реакция на стрессовую ситуацию, которая заключается в противостоянии ее воздействию.

- Самоконтроль – проявляется как сдерживание эмоций и чувств для рационального решения трудной ситуации.

- Поиск социальной поддержки – проявляется в привлечении окружающих людей к решению своей проблемы через поиск советов или активные действия.

- Уход-избегание – чаще всего проявляется как перенос ответственности в решении проблемы на других людей.

- Планирование разрешения проблемы – заключается в выработке четкого плана по преодолению ситуации.

- Позитивная переоценка – поиск положительных моментов в создавшейся ситуации.

- Принятие ответственности – реализуется через анализ и принятие собственных ошибок в сложившейся ситуации, чтобы не допустить подобного в будущем.

- Дистанцирование – проявляется как стремление решать проблему на расстоянии или дожидаться, пока она разрешится сама, без его участия [25].

По мнению авторов данной классификации, нельзя однозначно разделить копинг-стратегии на адаптивные (позитивная переоценка, принятие ответственности, планирование решения проблемы, самоконтроль, поиск социальной поддержки) и неадаптивные (конфронтация, уход-избегание, дистанцирование, поиск социальной поддержки). В некоторых ситуациях стратегии, которые считаются неэффективными, могут привести к более оптимальному решению проблемы [26, с. 124]. Мы склонны согласиться с данной позицией.

Результаты исследования

Профессиональная деятельность специалистов по социальной работе зачастую сопровождается профессиональными стрессами и морально тяжелыми условиями труда, такие условия приводят к снижению эффективности труда и обуславливают развитие психосоматических заболеваний. Согласно результатам нашего исследования, можно отметить, что большинство респондентов назвали сле-

дующие заболевания, которые присущи специалистам по социальной работе: большая часть приходится на заболевания сердечно-сосудистой системы (51 %), заболевания позвоночника, глаз, желудочно-кишечного тракта (46 %), заболевания нервной системы (психосоматическое выгорание, психоз, невроз, хроническая усталость, повышенная тревожность, депрессия, нервный срыв, психосоматические заболевания) (44 %), кроме того были отмечены зависимость от алкоголя или никотина (34,9 %) и вирусные заболевания (32,2 %). Таким образом, можно заметить колоссальное влияние профессионального стресса на здоровье работника, что обуславливает необходимость формирования копинг-стратегий.

На наш взгляд, равномерное использование всех копинг-стратегий – самый предпочтительный вариант, поскольку разные виды стресса требуют разной реакции, а при наличии большого перечня сформированных стратегий, можно подобрать наиболее конструктивный копинг. Данное соотношение копинга способствует более эффективному разрешению экстремальных ситуаций и минимальному воздействию на эмоциональное состояние человека, но только в том случае, если методы борьбы будут выбраны с учетом сложившихся обстоятельств. В противном же случае решение проблем будет не только неэффективным, но и возникнет вероятность усугубления ситуации, что разрушительным образом скажется на процессе адаптации к сложным ситуациям.

С. К. Нартова-Бочавер в научной работе подчеркнула ведущую роль в выборе копинг-стратегии принадлежности человека к большому и малому социуму [27, с. 23]. Согласно ее теории, копинг-поведение формируется в той среде, где человек испытывает становление (детский сад, школа, университет, коллектив). Так, исследование института публичной службы коллективом авторов подтверждает эту теорию и показывает, как профессиональная группа влияет на идентичность, культуру, карьерные ориентации и жизненный стиль [28, с. 60]. Внедрение волонтерской деятельности на этапе профессионального обучения также помогает студентам погрузиться

Рисунок 1 – Зависимость копинг-стратегий от наличия специализированного образования по социальной работе

Figure 1 – The dependence of coping strategies on specialized education in social work

в профессию, формируя необходимые практико-ориентированные стратегии поведения [29, с. 73]. Мы склонны согласиться с мнением авторов, так как в результате сопоставления копинг-стратегий специалистов по социальной работе, имеющих и не имеющих профильное образование, мы отметили явное преимущество первых, что доказывает влияние социума, в котором они находились на этапе профессионального становления, на формирование копинг-поведения (рис. 1).

Двумерное распределение данных с основной переменной «наличие специализированного образования по социальной работе», с одной стороны, подтверждает озвученный выше тезис, а с другой – выявляет противоречие.

Согласно исследованию, можно утверждать, что соответствие уровня и направленности образования занимаемой должности влияет на формирование и применение адаптивных совладающих стратегий в ситуациях профессионального стресса: специалисты, образование которых соответствует должности, склонны использовать активные копинг-стратегии чаще, чем специалисты, работающие не по полученной специальности.

Однако, несмотря на наличие или отсутствия образования, мы можем отметить совсем небольшую разницу в предпочтении стратегий совладающего поведения. Таким образом, можно говорить, что после адапта-

ции и дальнейшей социализации в трудовой коллектив, работник начинает транслировать паттерны поведения и реагирования, которые приняты у коллег, но с ориентацией на свой прошлый опыт, полученный с образованием.

В исследованиях В. А. Бодрова было отмечено влияние профессионального опыта на оценку человеком стресса и стратегию его преодоления [30, с. 70]. По мнению А. А. Севрюковой и И. А. Аргониной, этика и культура профессионального поведения также формируется со стажем и зависит от профессионального опыта [20, с. 24]. Нами также были выявлены предпочтительные копинг-стратегии, которые зависят от стажа профессиональной деятельности специалиста по социальной работе (рис. 2).

При обработке результатов исследования были выявлены следующие закономерности: у специалистов со стажем работы менее 5 лет развиты и применяются все копинг-стратегии, что является показателем высокого уровня развития адаптационных способностей.

Специалисты со стажем от 5 до 10 лет применяют практически все стратегии, но реже всего – конфронтацию. Такое сочетание способов совладающего поведения может способствовать развитию уравновешенности, снижению уровня тревожности, развитию волевых качеств. Данные характеристики будут способствовать более эффективному совладанию со стрессовыми ситуациями в профессиональ-

ной деятельности, минимизируя эмоциональное напряжение.

Специалисты со стажем от 10 до 15 применяют практически все копинг-стратегии, но чаще всего – проблемно-ориентированный копинг. Редко используются стратегии конфронтации и дистанцирования.

Специалисты со стажем более 15 лет имеют уже сформированное копинг-поведение, основанное на опыте совладания со множеством сложных и стрессовых ситуаций, поэтому используют только часть стратегий, которые отвечают их представлениям о «правильности» реагирования на ту или иную проблему. С увеличением стажа работы развиваются такие стратегии, как «принятие ответственности» и «самоконтроль», но заметно снижается стратегия «планирование решения проблемы», что может способствовать редукции профессиональных обязанностей и работе «на автомате». Однако, это может свидетельствовать как о выработке индивидуального стиля профессиональной деятельности, так и о снижении мобильности и использования адаптивных механизмов.

Таким образом, при анализе стажа работы и особенностей выбора стратегий поведения были выявлены предпочтительные копинг-стратегии для каждого периода профессионализации. Для молодых специалистов больше характерны стратегии избегания и позитивной переоценки, реже – принятия ответственности. Специалисты от 5 до 10 лет чаще планируют решение проблемы, но очень редко дистанцируются от нее или переходят в агрессивное наступление. Специалисты со стажем 10–15 лет планируют решение проблемы, ищут социальную поддержку, но редко используют стратегию «самоконтроль», позволяя эмоциям влиять на принимаемые решения. Сформированность большей части копинг-стратегий отмечается у специалистов по социальной работе со стажем более 10 лет, когда наступает период профессиональной стабилизации: они чаще всего принимают ответственность, используют самоконтроль, но довольно редко планируют решение проблемы.

При реализации социальной работы, оказании социальной помощи, специалист взаимодействует с новым клиентом каждые 15 минут,

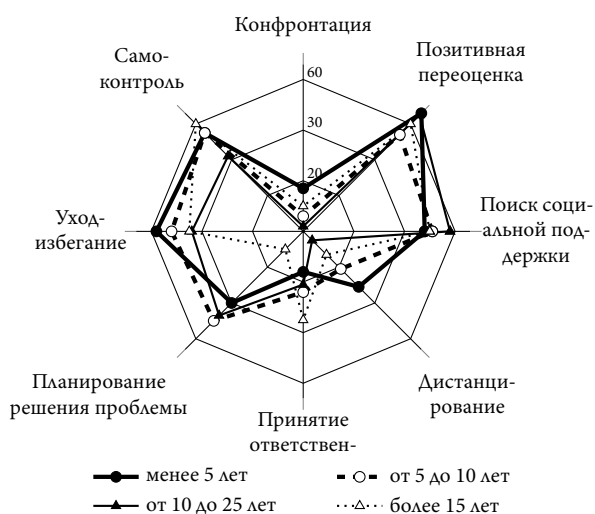

Рисунок 2 – Зависимость копинг-стратегий специалистов по социальной работе от стажа работы
Figure 2 – The dependence of the coping strategies of social work specialists on the length of service

переключаясь с одной проблемы на другую [31, с. 276]. В таком режиме работы сложно отвести время для самоанализа и рефлексии своего поведения, поэтому несформированные копинг-структуры могут привести к деструктивным проявлениям, в частности, к снижению удовлетворенности работой.

Согласно двумерному распределению данных исследования, где переменной-основанием послужила шкала «удовлетворенность работой» можно отметить результаты, которые приведены на рисунке 3.

В научной литературе использование копинг-стратегии «планирование решения проблемы» считается самым оптимальным вариантом при совладании со стрессовыми ситуациями или трудностями, поскольку направлена на их разрешение, а не на эмоциональное восприятие. При использовании такого поведения человек анализирует ситуацию и различные варианты ее решения, сосредотачивая силы на ее устранении. Согласно исследованию, зачастую активные и положительно настроенные работники используют данную копинг-стратегию (53 % удовлетворенных работой против 30 % тех, кто неудовлетворен). Само разрешение трудной ситуации уже повышает удовлетворенность собой, а культивирование негативных переживаний, с ней связанных, влечет за собой развитие деструктивных симптомов, снижая мотивацию и производительность.

Рисунок 3 – Зависимость использования копинг-стратегий специалистов по социальной работе от удовлетворенности работой

Figure 3 – Dependence of the use of coping strategies by social work specialists on job satisfaction

Умение контролировать себя, справляться с собственными негативными переживаниями, раздражительностью; умение не реагировать эмоционально на агрессию, принимать конструктивные решения – это способности, помогающие предотвратить профессиональную деформацию. Применению такого поведения служит овладение стратегией «самоконтроль». Восприятие конфликтных или стрессовых ситуаций на службе в качестве моментов рабочего процесса будет способствовать конструктивной адаптации к ним. Так, 60 % удовлетворенных работой часто используют копинг-стратегию самоконтроля, а среди неудовлетворенных – 43 %. Никогда не используют такую стратегию поведения 12 % удовлетворенных трудом и 33 % неудовлетворенных работой, принося негативные переживания в профессиональную деятельность и подвергая себя деструктивным факторам.

Копинг-стратегию «позитивная переоценка», которая является адаптивной и предполагает поиск позитивных сторон в сложившихся ситуациях, намного чаще используют работники, удовлетворенные своей работой (70 % используют часто, 18 % – редко, 4 % – никогда не используют), работники, которые не удовлетворены своей работой (52 % используют часто, 32 % – редко, 10 % – никогда не используют). Данная стратегия помогает минимизировать влияние негативных факторов и связанного с ними стресса на личность работника, поэтому специалисты, чаще прибегающие к оценке ситуации в спектре данного копинга, воспринимают ситуацию как более позитивную и быстрее ее разрешают.

Стратегия «принятие ответственности» относится к одной из самых адаптивных стратегий, в теории отмечается, что ее использование способствует приобретению положительного опыта в стрессовых ситуациях, способствуя лучшей адаптации к дальнейшим трудностям. Согласно результатам, работники, удовлетворенные положением дел на службе: в 42 % случаев используют стратегию часто, 29 % – редко, 21 % – никогда не используют, – специалисты, испытывающие неудовлетворенность: 18 % используют часто, 16 % – редко, 48 % – никогда не используют. Нами отмечена существенная разница в активности

использования данной стратегии среди специалистов, что показывает отличия в восприятии трудностей. Принимая ответственность за решение проблемы и предпринимая активные действия, специалист осознает, что улучшение ситуации зависит от него в отличие от выжидания, когда стрессовая ситуация разрешится сама собой, которое усугубляет нервное напряжение и активизирует механизмы профессиональной деформации.

При анализе копинга «поиск социальной поддержки» наблюдается примерно одинаковое распределение по критерию частое использование (51 % удовлетворенных работой против 48 % тех, кто не удовлетворен), но есть различия среди редкого использования (36 % удовлетворенных работой против 19 %) и неиспользования вовсе (9 % удовлетворенных работой против 26 %). Данную стратегию в различных источниках относят как к адаптивной, так и к неадаптивной, так как человек, регулярно прибегающий к поиску поддержки может прослыть жалобщиком или несамостоятельным специалистом. С другой же стороны, как показывают полученные результаты, данное толкование не всегда верное, поскольку общение с соратниками, друзьями и родственниками, ощущение сопричастности служит средством выплеска эмоционального напряжения и помогает быстрее стабилизировать равновесие, снять стресс и скорее адаптироваться к трудностям.

Стратегию конфронтации, которая подразумевает агрессивное противостояние возникающим проблемам чаще используют работники, которые не удовлетворены своей работой (25 % используют часто, 37 % – редко, 28 % – никогда не используют); напротив, специалисты, которые отмечают удовлетворенность полную или частичную, применяют ее реже (5 % используют часто, 50 % – редко, 40 % – никогда не используют). Данная стратегия сопровождается импульсивностью поведения, трудностью планирования действий и становится преимущественно результатом разрядки эмоционального напряжения, она может помочь противостоять трудностям и стрессогенному воздействию, однако помочь в разрешении трудной ситуации или адаптироваться к ней она не может.

По результатам двумерного исследования относительно стратегии «дистанцирование», смыслом которой служит откладывание решения проблем, можно проследить следующие результаты: работники, удовлетворенные положением дел на службе в 17 % используют стратегию часто, 42 % – редко, 34 % – никогда не используют, – специалисты, испытывающие неудовлетворенность: 35 % – используют часто, 29 % – редко, 21 % – никогда не используют). Можно сделать предположение, что работники, испытывающие определенный дискомфорт от стрессовых ситуаций на производстве, предпочитают отстраниться от проблемы, а не разрешать ее. Такое поведение зачастую способствует усугублению ситуации, создавая предпосылки к деформации специалиста, о чем свидетельствует повышенная неудовлетворенность среди тех, кто чаще прибегает к использованию данной стратегии.

Копинг «уход-избегание» в большинстве случаев используется для снижения дистресса при недостаточном развитии стратегий активного решения проблем. Если рассматривать зависимость влияния данной стратегии на удовлетворенность специалистов своим трудом, то можно отметить, что отличие небольшое: часто ее используют 49 % удовлетворенных трудом и 63 % неудовлетворенных. На наш взгляд, относить данную стратегию к однозначно отрицательным было бы ошибочным, поскольку, в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, она может как усугубить воздействие на специалиста, так и снизить. Например, осознанный уход от конфликтной ситуации, где предмет конфликта ложный, может способствовать не только сохранению отношений, но и предотвращению нежелательных последствий.

Согласно полученным результатам двумерного распределения, где акцент был поставлен на удовлетворенность трудом, можно сделать вывод, что формированию ощущения недовольства профессиональной деятельностью способствует преимущественное использование дезадаптивных копинг-стратегий при столкновении с трудными и стрессовыми ситуациями на рабочем месте. Специалисты, которые применяют копинг-стратегии активно-го реагирования на стрессовые ситуации в це-

лом удовлетворены своей профессиональной деятельностью, поскольку осознают свое влияние на разрешение трудностей и умеют эффективно их нивелировать.

Выводы

Исследование копинг-стратегий у представителей социономических профессий требует дальнейшего анализа и проработки. Результаты проведенного исследования позволили выявить корреляции между использованием копинг-стратегий и образованием, стажем профессиональной деятельности, удовлетворенностью работой. Использование адаптивных стратегий поведения будет способствовать успешному совладанию специалистов по социальной работе с деформирующими моментами профессиональной деятельности. Поэтому к наступлению среднего возраста необходимо формировать проблемно-ори-

ентированные стратегии поведения и пренебрегать стратегией «избегания» стрессовых ситуаций; специалистам, которые проводят целый день с клиентами, рекомендуется чаще использовать стратегию поведения «поиск социальной поддержки», так как из-за условий их профессиональной деятельности она игнорируется.

Подводя итог, стоит отметить, что формирование копинг-стратегий у специалистов по социальной работе не только повышает адаптивные возможности личности к стрессовым ситуациям, но еще и минимизирует риск деструктивных изменений под влиянием профессиональной деятельности. В результате исследования мы выявили, что наиболее эффективным является оптимальное использование всех копинг-стратегий, в зависимости от ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rezer T.M., Kuznetsova E.V. (2019). Practice-oriented training as a mechanism of professional experience development. *Proceeding of the 11th annual International Conference on Education and New Learning Technologies*, July 1-3, 2019. Spain, Palma de Mallorca, pp. 2107–2110.
2. Rezer T.M., Kuznetsova E.V. (2018). The peculiarities of competency-based and practical education in higher educational institutions. *Proceedings of the 10th annual International Conference on Education and New Learning Technologies*, July 2-4, 2018. International Academy of Technology, Education and Development, Spain, Palma de Mallorca, pp. 4505–4511.
3. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/246190> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Резер Т.М. (2005). Здоровьесбережение в профессиональной подготовке специалиста. Екатеринбург : Издательство РГППУ. 119 с.
5. Невский Г.А., Русакова А.В., Резер Т.М. (2020). Социальное здоровье определяет психическое и физическое развитие молодого человека // Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций / Сборник статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. С. 158–161.
6. Лебедев А.Н. (2019). Направления и механизмы развития институтов социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. № 2 (77). С. 15–25.
7. Черных О.П., Вонг А. (2019). Профессионализация социальной работы: научно-теоретический анализ и оценка современного состояния на российском рынке труда // Отечественный журнал социальной работы. № 1 (76). С. 253–256.
8. Усова О.В., Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К. (2020). Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. Т. 22. № 6. С. 102–136.
9. Firsov M.V., Sarychev A.S., Shimanovskaya Ya.V., Kozlovskaya S.N., Akhtyan A.G., Konstantinova N.P. (2019). Disabled children in the context of russian digital economy challenges, *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 96–101.
10. Родионова В.И., Сысоева Е.А. (2020). Социальная работа среди актуальных профессий в условиях развития пандемии // Научно-практические исследования. № 5-9 (28). С. 73–76.
11. Еремеева Т.С., Лейфа А.В., Льюнг М.Х. (2019). Профессионализация социальной работы и ее влияние на развитие профессиональной подготовки по направлению «Социальная работа» во Вьетнаме // Научно-педагогическое обозрение. № 5 (27). С. 236–243.

12. Ибрагимова А.А., Маметьева О.С. (2020). Здоровьесберегающие технологии в социальной работе с многодетными семьями // Социальная политика и социальное партнерство. № 3. С. 51–55.
13. Караванова Л.Ж., Качаев Р.И., Сергеева М.Г., Самохин И.С., Соколова Н.А. (2018). К проблеме профессиональной подготовки социальных работников в рамках высшего образования // Научный диалог. № 4. С. 328–339.
14. Караванова Л.Ж., Сергеева М.Г. (2019). Профессиональное развитие личности будущего специалиста по социальной работе в условиях высшего образования // Профессиональное образование и общество. № 1 (29). С. 54–132.
15. Makarov V., Shimanovskaya Y., Tyarkina T., Firsov M., Sizikova V., Rostovskaya T., Kozlovskaya S. (2017). Innovative models of social activity and their adaptation to social work, *Espacios*, vol. 38, no. 43, p. 30.
16. Mkrtumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A. (2019). Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia, *Italian Sociological Review*, vol. 9, no. 1, pp. 119–130.
17. Заглодина Т.А., Чевтаева Н.Г. (2019). Становление профессиональной группы «Специалист по социальной работе». Екатеринбург : Уральский институт управления – филиал РАН-ХиГС. 142 с.
18. Тегенцев М., Сверкунова Т. (2019). Факторы формирования и проявления профессиональных деформаций в социальной работе // Вести научных достижений. № 5. С. 50–55.
19. Воронцова М.В., Бюндюгова Т.В., Деточенко Л.С., Никулина М.А., Кайгородова Л.А. (2020). Профилактика профессиональных деформаций в системе социальной работы. М. : Издательство «Юрайт». 244 с.
20. Севрюкова А.А., Агронина И.А. (2020). Формирование профессионально-этической культуры специалиста по социальной работе // Социальная политика и социальное партнерство. № 1. С. 19–30.
21. Фролова С.В., Сенина Т.В. Стресс-совладающее поведение подростков в различных социально-психологических ситуациях // Проблемы социальной психологии личности. URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30326_full.shtml (дата обращения: 25.07.2018).
22. Корицова Г.С. (2005). Структура защитного и совладающего поведения в профессиональной деятельности педагогических работников // Сибирский психологический журнал. № 21. С. 112–117.
23. Ярославская М.А. (2014). Роль пассивных стратегий совладающего со стрессом поведения в адаптации / дезадаптации к болезни у пациентов с хроническими неспецифическими заболеваниями лёгких // *Paradigmata poznani*. № 1. С. 124–133.
24. Опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ). URL: <http://psytests.org/coping/lazarus.html> (дата обращения: 25.07.2018).
25. Лазарус Р. (1984). Стресс, оценка и копинг. М. : Медицина. 218 с.
26. Иванова О.А. (2020). Конфликтология в социальной работе: учебник и практикум для вузов. М. : Издательство «Юрайт». 282 с.
27. Нартова-Бочавер С.К. (1997). «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. Т. 18. № 5. С. 20–29.
28. Банных Г.А., Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Чевтаева Н.Г. (2019). Институт публичной службы: социокультурное измерение. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 124 с.
29. Вандышева Л.В. (2020). Волонтерство/добровольчество как ресурс профессиональной подготовки будущих специалистов социальной работы: кейс кафедры теории и технологии социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. № 1 (80). С. 71–75.
30. Бодров В.А. (2006). Проблема преодоления стресса. Ч. 3: Стратегии и стили преодоления стресса // Психологический журнал. № 3. С. 64–74.
31. Фирсов М.В. (2019). Психология социальной работы. М. : Издательство «Юрайт». 386 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Заглодина Татьяна Алексеевна – Российский государственный профессионально-педагогический университет (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11); Tz1708@yandex.ru.

Чевтаева Наталия Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); chevtayeva-ng@ranepa.ru.

THE ROLE OF COPING STRATEGIES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A SOCIAL WORK EXPERT

T.A. Zaglodina^{3a}, N.G. Chevtaeva^{4b}

^aRussian State Vocational Pedagogical University

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The article is devoted to the study of adaptive behavior mechanisms in the professional activity of social work experts. The ongoing processes of transformation of requirements for the professional activity of social work experts update the need to study this professional group. Social work as a profession is quite young and is in progress, which is accompanied by vague ideas about this area; polyfunctionalism, which is based on combining the functions of a psychologist, lawyer, social therapist, and teacher, places high demands on the professionally important qualities of the expert and is endowed with prerequisites for the development of professional stresses. The article analyzes the causes of professional stress and the mechanisms of protective and coping behavior. The results of the study of preferred strategies of the experts' behavior are presented, and the dependence of the use of coping strategies on professional experience and belonging to a professional group is revealed. It is established that the process of formation and development of a professional group of social work experts is accompanied by professional deformation of its representatives. But the use of adaptive behavior strategies will contribute to the successful coping of social work experts with the deforming moments of their professional activity.

KEYWORDS: social work, coping mechanisms, adaptive behavior, adaptational hazard.

FOR CITATION: Zaglodina T.A., Chevtaeva N.G. (2020). The role of coping strategies in the professional activity of a social work expert, *Management Issues*, no. 5, pp. 58–69.

REFERENCES

1. Rezer T.M., Kuznetsova E.V. (2019). Practice-oriented training as a mechanism of professional experience development. *Proceeding of the 11th annual International Conference on Education and New Learning Technologies*, July 1-3, 2019. Spain, Palma de Mallorca, pp. 2107–2110.
2. Rezer T.M., Kuznetsova E.V. (2018). The peculiarities of competency-based and practical education in higher educational institutions. *Proceedings of the 10th annual International Conference on Education and New Learning Technologies*, July 2-4, 2018. International Academy of Technology, Education and Development, Spain, Palma de Mallorca, pp. 4505–4511.
3. Big encyclopedic dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/246190> (accessed 18.04.2020).
4. Reser T.M. (2005). Health preservation in the professional training of a specialist. Yekaterinburg, Publishing House of RSVPU, 119 p.
5. Nevsky G.A., Rusakova A.V., Reser T.M. (2020). Social health determines the mental and physical development of a young person. *Proceedings of articles of the 10th All-Russian scientific and practical conference with international participation "Problems of the quality of physical culture and health-improving and health-saving activities of educational organizations"*, pp. 158–161.
6. Lebedev A.N. (2019). Directions and mechanisms of development of institutions of social work, *Domestic journal of social work*, no. 2 (77), pp. 15–25.
7. Chernykh O.P., Wong A. (2019). Professionalization of social work: scientific and theoretical analysis and assessment of the current state of the Russian labor market. *National Journal of Social Work*, no. 1 (76), pp. 253–256.

³RSCI AuthorID: 708704, ORCID: 0000-0002-1689-1552

⁴RSCI AuthorID: 691511, ORCID: 0000-0002-4223-3318

8. Usova O.V., Chevtayeva N.G., Nikitina A.S., Sca-vo K. (2020). Social representation of the image of "well-being/trouble" of the modern Russian family and student behavior: the perception of the phenomenon by teachers, *Education and Science*, vol. 22, no. 6, pp. 102–136.
9. Firsov M.V., Sarychev A.S., Shimanovskaya Ya.V., Kozlovskaya S.N., Akhtyan A.G., Konstantinova N.P. (2019). Disabled children in the context of russian digital economy challenges, *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 96–101.
10. Rodionova V.I., Sysoeva E.A. (2020). Social work among topical professions in the context of the development of a pandemic, *Scientific and practical research*, no. 5-9 (28), pp. 73–76.
11. Eremeeva T.S., Leifa A.V., Luong M. H. (2019). Professionalization of social work and its impact on the development of vocational training in the direction of "Social work" in Vietnam, *Scientific and pedagogical review*, no. 5 (27), pp. 236–243.
12. Ibragimova A.A., Mametyeva O.S. (2020). Health-saving technologies in social work with large families, *Social policy and social partnership*, no. 3, pp. 51–55.
13. Karavanova L.Zh., Kachaev R.I., Sergeeva M.G., Samokhin I.S., Sokolova N.L. (2018). On the problem of professional training of social workers in the framework of higher education, *Scientific dialogue*, no. 4, pp. 328–339.
14. Karavanova L.Zh., Sergeeva M.G. (2019). Professional development of the personality of the future specialist in social work in the context of higher education, *Professional education and society*, no. 1 (29), pp. 54–132.
15. Makarov V., Shimanovskaya Y., Tyapkina T., Firsov M., Sizikova V., Rostovskaya T., Kozlovskaya S. (2017). Innovative models of social activity and their adaptation to social work, *Espacios*, vol. 38, no. 43, p. 30.
16. Mkrtumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A. (2019). Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia, *Italian Sociological Review*, vol. 9, no. 1, pp. 119–130.
17. Zaglodina T.A., Chevtayeva N.G. (2019). Formation of the professional group "Social Work Specialist". Yekaterinburg, Ural Institute of Management – branch of RANEPa, 142 p.
18. Tegentsev M., Sverkunova T. (2019). Factors of the formation and manifestation of professional deformations in social work, *News of scientific achievements*, no. 5, pp. 50–55.
19. Vorontsova M.V., Bundyugova T.V., Detochenko L.S., Nikulina M.A., Kaigorodova L.A. (2020). Prevention of professional deformations in the system of social work. Moscow, Publishing house "Yurayt", 244 p.
20. Sevryukova A.A., Agronina I.A. (2020). Formation of professional and ethical culture of a specialist in social work, *Social policy and social partnership*, no. 1, pp. 19–30.
21. Frolova S.V., Senina T.V. Stress coping behavior of adolescents in various social and psychological situations, *Problems of social psychology of personality*. URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30326_full.shtml (accessed 25.07.2018).
22. Korytova G.S. (2005). The structure of protective and coping behavior in the professional activity of pedagogical workers, *Siberian psychological journal*, no. 21, pp. 112–117.
23. Yaroslavskaya M.A. (2014). The role of passive strategies for coping with stress behavior in adaptation/disadaptation to the disease in patients with chronic nonspecific lung diseases, *Paradigmata poznani*, no. 1, pp. 124–133.
24. The Ways of Coping Questionnaire (WCQ). URL: <http://psytests.org/coping/lazarus.html> (accessed 25.07.2018).
25. Lazarus R. (1984). Stress, evaluation and coping. Moscow, Medicine, 218 p.
26. Ivanova O.A. (2020). Conflictology in social work. Textbook and workshop for universities. Moscow, Publishing house "Yurayt", 282 p.
27. Nartova-Bochaver S.K. (1997). Coping behavior in the system of concepts of personality psychology, *Psychological journal*, vol. 18, no. 5, pp. 20–29.
28. Bannykh G.A., Voronina L.I., Zaitseva E.V., Kostina S.N., Chevtayeva N.G. (2019). Public Service Institute: Sociocultural Dimension. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 124 p.
29. Vandysheva L.V. (2020). Volunteering as a resource for professional training of future specialists in social work: the case of the Department of Theory and Technology of Social Work, *National Journal of Social Work*, no. 1 (80), pp. 71–75.
30. Bodrov V.A. (2006). The problem of coping with stress. Part 3: Strategies and styles of coping with stress, *Psychological Journal*, no. 3, pp. 64–74.
31. Firsov M.V. (2019). Psychology of social work. Moscow, Publishing house "Yurayt", 386 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Tat'yana A. Zaglodina – Russian State Vocational Pedagogical University (11, Mashinostroiteley St., Ekaterinburg, 620012, Russia); Tz1708@yandex.ru.

Nataliya G. Chevtaeva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); chevtaeva-ng@ranepa.ru.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНІЗАЦІЙ

CORPORATE MANAGEMENT

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ СОЗДАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИ СЛОЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ, БАЗИРУЮЩЕЕСЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИОФИЗИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

И.З. Мустаев^а, Н.К. Максимова^б, Т.И. Мустаев^а

^аУфимский государственный авиационный технический университет

^бОДК-Уфимское моторостроительное производственное объединение

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена изложению подхода к управлению инновационных проектов сложных технических изделий, выполняемых в рамках предприятия. Моделирование базируется на социофизическом подходе, используемом для анализа и прогнозирования поведения социофизических объектов.

Предметом статьи является инновационный проект создания сложного технического объекта. Показано, что предлагаемый подход позволяет учесть индивидуальные экономические, технологические и другие особенности предприятия, на котором реализуется проект, а также учесть технические особенности проектируемого объекта. Приведено сопоставление характера принятия решения о реализации проекта с применением социофизического подхода и с использованием оценки приведенной стоимости проекта. Отмечены преимущества подхода при моделировании проектов.

В рамках социофизического моделирования формализованы понятия о социофизических потенциалах технического объекта, проекта и предприятия, на котором проект реализуется. Приведено математическое описание накопленного потенциала. Формула содержит социофизическую функцию, свойства которой приведены. Раскрыта структура социофизических моделей предприятий и проектов. Приведена иллюстрация динамики изменения потенциалов проекта, реализуемого в составе предприятия. Введено определение технологического уклада предприятия, а также приведены формулы вычисления уровней технологического уклада проекта и предприятия. Приведена графическая иллюстрация процесса исполнения проекта, выполняемого в рамках существующего на предприятии технологического уклада и при изменяющемся технологическом укладе предприятия. Приведена структурная модель предприятия, формирующаяся в результате расчетов накопленных потенциалов организационных единиц предприятия, участвующих в реализации инновационного проекта. Изложены элементы принятия решений, связанных с управлением проекта с использованием структурной модели. Приведены результаты расчетов, подтверждающие эффективность использования накопленных потенциалов как для предприятия, так и для проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновационный проект, социофизический потенциал, накопленный социофизический потенциал, социофизический подход, социофизический объект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мустаев И.З., Максимова Н.К., Мустаев Т.И. (2020). Управление проектами создания технически сложных изделий, базирующееся на использовании социофизических моделей // Вопросы управления. № 5. С. 71–86.

Введение

В общем множестве проектов инновационные проекты создания сложных изделий могут быть выделены в самостоятельный класс. В этот класс выделяются проекты, характеризующиеся высокой неопределенностью, высокой стоимостью проектных решений, боль-

шой длительностью жизненного цикла, большим объемом ресурсов [12; 14].

Особенностью инновационных проектов является необходимость создания технологий, реализуемость которых не гарантирована. Под реализуемостью понимается потенциальная возможность достижения технико-

технологического результата в требуемые промежутки времени с приемлемыми затратами разнообразных ресурсов. Как правило, вопросы исследования реализуемости проектов или выводятся за сферу внимания [3] или упрощаются до реализации вариантного перебора с привлечением в качестве экспертов профильных специалистов [5; 23; 25]. В качестве методологического обоснования используется интерпретация риска как вероятности событий [32]. Необходимо отметить, что применительно к инновационным проектам применение вероятностных оценок проблематично и имеет ограниченный интерес, поскольку такие оценки не позволяют учесть технологическую информационную и иную специфику конкретных объектов [1].

Создание новой техники предполагает систематический финансово-экономический анализ технических и технологических предложений [49]. Теория приведенной стоимости, лежащая в основе такого анализа, также существенным образом использует понятие рисков [35]. В согласовании с вероятностной сущностью рисков их измерение предполагает априорное знание формы закона распределения и предпочтения лица, принимающего решения [19; 33; 44]. Казалось бы, что теория развита до такой степени, что, при необходимости, проектные риски могут быть с необходимой степенью детализации конкретизированы, изучены и предотвращены [8]. Однако вопрос о том, какова наилучшая мера неопределенности на сегодня остаётся без убедительного ответа и ждёт серьёзного обсуждения [2]. Если, тем не менее, оставаться в рамках вероятностного описания, то неопределенность инновационного проекта может быть проинтерпретирована как невозможность определения полного перечня рисков [9; 47], причем неполнота перечня рисков приводит к тому, что среди неизвестных рисков всегда может быть такой, который, условно, является катастрофическим для проекта. Такому риску должна быть приписана величина вероятности близкой или равной единице. Таким образом, неизвестное, но возможное существование катастрофического риска, препятствует, применительно к инновационным проектам, использованию подходов, развитых для

проектов, в которых потенциальная реализуемость не ставится под сомнение.

Важной особенностью является то, что в случае разработки сложных технических объектов, таких как авиационная техника, длительность проектов может достигать 40–50 лет. Принятие решения о реализации проекта базируется на использовании приведенной стоимости. Это предполагает точное значение коэффициента дисконтирования [4; 10; 51]. С методологической точки зрения неточная оценка коэффициента может приводить к различным, зачастую противоположным трактовкам полученной и упущенной выгоды [15]. Еще один аспект использования коэффициента дисконтирования связан с тем, что его изменение влияет на оценку бизнеса. Это вывод следует из характера принимаемых решений в пользу инновационного проекта в ущерб текущему бизнесу, или, наоборот, в пользу обеспечения текущего состояния бизнеса вместо реализации проектов перспективного роста [4; 27]. Использование методов приведенной стоимости для оценки эффективности инвестиций требует точных знаний моментов начала и окончания проектов. Проблема оценки указанных моментов времени получила название «проблемы начала» и «проблемы хвоста» [28]. Суть сводится к, может быть, необоснованному изменению оценки эффективности проекта. Например, отнесение затрат, связанных с НИОКР, на уже принятые к исполнению проекты понижает их эффективность, делая этим проекты на начальных этапах экономически неэффективными. Игнорирование затрат на НИОКР в сметах затрат принятых к исполнению проектов завышает их эффективность, но затраты на НИОКР перекладываются на текущие расходы предприятия, что в итоге приводит к понижению его конкурентоспособности. Можно сделать вывод, что в целом складывается неопределенная картина, на фоне которой должны быть приняты инвестиционные решения.

Сложные технические объекты военного и двойного назначения и финансируются в основном государством и в интересах государства [22]. В связи с этим в ряде работ предлагается поменять подходы к анализу затрат. Вы-

двигается идея необходимости модификации методов анализа и управления под специфику объекта [20], изменения критериев эффективности [21], формирования специальных схем защиты инвестиций в проекты создания таких объектов [30], изменения парадигмы устойчивости [11], изменения оценки рисков [31] и т.д.

Актуальность разработки новых подходов к моделированию инновационных проектов подчеркивается тем, что в настоящее время не существует единой сквозной методологии, связывающей технико-технологические характеристики проектируемых изделий с требуемыми для этого ресурсами на всех этапах проекта. Указанное может формулироваться как проблема информационного разрыва между фазами проектирования и производства и средним и конечным этапами жизненного цикла инновации [43].

Современная точка зрения на процесс проектирования заключается в том, что успех или неудача инновационного проекта связывается с полнотой реализации требований, предъявляемых к инновационной проектной деятельности. Считается, что необходимо максимально расширить участие в инновационной проектной деятельности всех, кто так или иначе с ней связан. Для расширения участия в проектной деятельности, предлагается включать потребителей в процесс генерирования инноваций [38; 41; 45]. Предполагается, что инструменты обеспечения интегрированности, междисциплинарности и целостности подходов к реализации проектной деятельности приобретают решающее значение для конкурентных решений [42]. Для этого задействуется информационный инструментарий, обеспечивающий партнерство и интеграцию специалистов различных областей знаний [36; 39]. Однако, существующие информационные методы и инструменты интеграции подвержены ошибкам [48]. Поиск информационных решений в интегрировании усилий специалистов различных сфер деятельности концентрируются на семантических технологиях и искусственном интеллекте [24; 34; 37; 40; 50], но проблема поиска надежного и последовательно интерпретируемого способа представления разнородной информации не решена [46]. Как следствие, управляемость инновационно-

го технического проекта существенно ограничена [43].

Итак, необходимы подходы, в которых акценты принятия решений не зависят от степени детализации рисков, их абсолютных величин. Принятые решения должны в явном виде учитывать особенности технического объекта и особенности предприятия, на котором проект реализуется.

Методология

В дальнейшем при изложении материала предполагается, что проект создания сложного технического устройства развивается в рамках предприятия, для которого такая деятельность не является абсолютно неизвестной. В такой постановке создание новых технологий, трактуемых в широком смысле, понимается как исторически обусловленный процесс количественного и качественного развития компетенций, ассоциированных с объектом. Развитие проекта, в рамках развиваемого авторами социофизического подхода, рассматривается как обусловленное движение в социофизическом пространстве социофизического объекта [16; 17]. Принятие решения по управлению инновационным проектом базируется на представлении о формировании у проекта свойства, названного социофизическим потенциалом. Это характеристика состояния проекта. Социофизический потенциал у проекта формируется по мере его исполнения. Величина и структура потенциала обуславливается и согласуется со свойствами проектируемого объекта, но также и с характеристиками предприятия. Социофизический потенциал как свойство численно оценивается через множество величин, каждая из которых представляет собой накопленный социофизический потенциал актива проекта. Таким образом, накопленный социофизический потенциал актива проекта – это численная оценка одного из аспектов социофизического потенциала; накопленный потенциал отражает текущую оценку ценности исторически сформированного актива. Предприятие, с позиции социофизического моделирования рассматривается как сложная система, включающая в себя разнообразные подсистемы: техническую, организационную, технологическую, социальную, экономическую, ин-

формационную, определяющие все вместе социофизический потенциал проекта У всех элементов – у проектных подсистем, у проекта в целом, у предприятия, а также у участков, цехов и других организационных элементов формируются социофизические потенциалы. Каждая подсистема характеризуется своим социофизическим потенциалом: техническая подсистема характеризуется социофизическим техническим потенциалом, информационная подсистема – информационным социофизическим потенциалом и т. д. Таким образом, социофизический технический потенциал проекта – это характеристика текущего состояния технического аспекта проекта, обусловленная прошлым, как самого проекта, так и предприятия, на котором проект реализуется. Соответственно, социофизический информационный потенциал – это характеристика состояния информационного аспекта проекта, обусловленная прошлым проекта и предприятия, на котором проект реализуется и т. д. Проект, условно, в предначальный момент времени, до тех пор, пока он не принят к исполнению, обладает социофизическим потенциалом, определяемым социофизическими потенциалами лица или группы лиц, которые «формируют облик» будущего инновационного проекта. Потенциал проекта изменяется по мере исполнения, причем изменение проектного потенциала является элементом изменения потенциала предприятия. По завершении проекта его социофизический потенциал не пропадает, а остается в составе потенциала предприятия. Поэтому помимо выполнения собственно проекта, одной из целей инновационной проектной деятельности может быть формирование социофизического потенциала предприятия.

Любой объект рассматривается как социофизический объект, после того, как для него определяется социофизический потенциал. Любой социофизический объект, с точки зрения социофизического моделирования – это социофизическая система. В процессе выполнения проекта социофизические потенциалы формируются у проекта, у предприятия, у спроектированного объекта. Протекающие процессы с позиции социофизического моделирования рассматриваются как социофизи-

ческие системные процессы в едином социофизическом пространстве. Интерпретация социофизических процессов связывается с интерпретацией аспектов движения. Так, динамика экономической компоненты социофизического потенциала интерпретируется как экономическая модель поведения социофизического объекта. Следует отметить, что экономическая модель проекта, описанного с социофизической точки зрения, отличается от модели проекта, описанного как экономический объект, поскольку помимо экономической учитываются другие компоненты – технологические, информационные и т. д.

Известно, что законы движения физических систем формулируются исходя из принципа наименьшего действия Гамильтона [13]. Базовый принцип формирования социофизического потенциала носит название принципа максимума социофизического действия. Таким образом, законы нефизических аспектов движения социофизических систем формулируются исходя из принципа, имеющего интерпретацию, противоположную интерпретации принципа наименьшего действия [18]. Применительно к анализу объектов принцип максимума социофизического действия может интерпретироваться как принцип разумного поведения. С точки зрения экономической рациональности [26] интерпретация принципа максимума сводится к тому, что субъект рассматривается как ограниченно рациональный субъект.

Характер изменения социофизического потенциала предприятия соотносится с динамикой переменных предприятия [6]. Соответственно, характер изменения социофизического потенциала проекта соотносится с динамикой переменных проекта. Управление проектом, с социофизической точки зрения, рассматривается в контексте управления социофизическим потенциалом предприятия, на котором проект реализуется. Моделирование предприятия и проекта в едином социофизическом пространстве открывает возможность их сопоставления и координированного управления.

Величина накопленного потенциала определяется следующей формулой:

$$x(q, t) = \int_{\tau=0}^t q(t-\tau) \psi(\tau) d\tau, \quad (1)$$

где $q(t)$ – это переменная состояния, множество которых характеризует предприятие или проект как объект управления; t – время; τ – параметр времени; $\psi(\tau)$ – социофизическая функция. Социофизическая функция $\psi(\tau)$ обладает следующими свойствами: $|\psi(\tau)| \rightarrow 0$, если $t \rightarrow \infty$; $\psi(t) = 0$, если $t < 0$; $\|\psi\| = 1$.

Экономическая интерпретация накопленного потенциала X заключается в следующем: накопленный потенциал отражает текущую экономическую оценку ценности исторически сформированного актива, измеряемого переменной q . Социофизическая функция μ – это функция, отражающая представление об объекте как об интегрированной социофизической системе. Социофизическая функция проекта учитывает не только время, но и сложившиеся разнообразные индивидуальные свойства как предприятия, на котором проект исполняется, так и проектируемого изделия.

Для исследуемого проекта необходимо определить ресурсный ($x_{\text{рес}}$) и результирующий ($x_{\text{рез}}$) накопленные потенциалы. Может быть определен коэффициент, равный тангенсу угла (α) наклона касательной к характеристике, связывающей эти потенциалы (рис. 1а). В качестве одного из накопленных ресурсных потенциалов для предприятия может рассматриваться накопленный потенциал внеоборотных активов:

$$x_{\text{рес}}^{\text{предп}} = \int_{\tau=0}^t q_{\text{ва}}(t-\tau) \psi(\tau) d\tau, \quad (2)$$

где $q_{\text{ва}}(t-\tau)$ – это величина внеоборотных активов в момент времени $t-\tau$, сдвинутый в прошлое на τ , относительно времени t определения потенциала внеоборотных активов. В качестве одного из результирующих накопленных потенциалов для предприятия может рассматриваться потенциал выручки:

$$x_{\text{рез}}^{\text{предп}} = \int_{\tau=0}^t q_{\text{в}}(t-\tau) \psi(\tau) d\tau, \quad (3)$$

где $q_{\text{в}}(t-\tau)$ – это величина выручки, зафиксированной в момент времени $t-\tau$, сдвину-

том в прошлое на τ относительно момента времени t определения потенциала выручки. Соответственно, для проекта, в роли ресурсного потенциала может рассматриваться накопленный потенциал затрат на оборудование проекта, в роли результирующего потенциала – накопленный потенциал той части выручки, которая обязана реализации проекта. Следует отметить, что распределение потенциалов на ресурсный и результирующий потенциалы определяется постановкой задачи. Описание модели проекта начинается с модели, имеющей форму связи потенциалов

$$x_{\text{рез}}^{\text{проект}} = f(x_{\text{рес}}^{\text{проект}}), \quad f' = \frac{dx_{\text{рез}}^{\text{проект}}}{dx_{\text{рес}}^{\text{проект}}} = \text{tg } \alpha. \quad (4)$$

На рисунке 1а эта характеристика проекта представлена линией AA' . Она соответствует тому состоянию предприятия и тем объектам, которые производятся на предприятии до момента начала выполнения проекта. Необходимость в создании и производстве технически более совершенного объекта, например, необходимость в использовании и обработке новых материалов, или реализация новых тактико-технических свойств проектируемых объектов или иные потребности, реализуемые в инновациях, приводят к изменению модели объекта. Изменение потенциала ресурса на одну единицу после технологических изменений приводит к изменению результирующего потенциала на большую величину, чем аналогичное изменение потенциала результата до технологических изменений. Так что угол наклона линии модели потенциалов увеличивается $\alpha \rightarrow \beta$, $\beta > \alpha$. Новой модели объекта соответствует линия BB' . Угол наклона линии по мере реализации проекта увеличивается и становится равным $\text{tg } \beta$. Штриховая линия на рисунке описывает социофизическую траекторию динамических процессов, разворачивающихся на предприятии, связанных с технологическими трансформациями. Отрезок траектории между точками O и O' представляет социофизическую траекторию, моделирующую процессы, разворачивающиеся на предприятии при выполнении конкретного проекта.

Общие требования к проекту могут формулироваться в виде требований к длительности его выполнения (ΔT), к финансовым результатам, которые должны быть достигнуты

(h_0), например, в форме требования обеспечения систематических доходов в размере h_0 , $\frac{\text{руб.}}{\text{ед. врем.}}$, и в форме других требований. Социофизическая интерпретация указанных требований сводится к следующему. Предположим, что в момент времени t_0 принято решение о реализации проекта. Требования к проекту с социофизической точки зрения представляют собой барьер, который должен быть преодолен. В рассматриваемом случае барьер принимает форму финансово-экономического барьера, преодоление которого является только одной из целей проекта. Форма барьера приведена на рисунке 1б. Если по окончании проекта через время ΔT выполнения проекта должна быть обеспечена дополнительная регулярная выручка в размере не менее h_0 , усл. ед., то с точки зрения социофизического подхода, величина h_0 определяет высоту барьера. В общем случае, высота барьера может изменяться по мере увеличения времени. Необходимо отметить, что высота барьера (U) связана не только с обязательным выполнением упо-

мянутых финансово-экономических требований, но также и с необходимостью обеспечения роста других компонент.

Социофизические коэффициенты, обозначенные далее коэффициентом k с индексами, определяются через потенциалы и поэтому могут быть сопоставлены с понятием уровня технологического уклада, представленного на анализируемом предприятии. Поскольку понятие технологического уклада в настоящее время применяется к совокупности производств, применительно к предприятию используется уточняющий термин, а именно, «технологический уклад предприятия». Так что, уровень технологического уклада предприятия – это, с позиции социофизического моделирования, коэффициент, отражающий эффективность освоения разнообразных ресурсов предприятием. Особенностью определения уровня технологического уклада предприятия с использованием накопленных социофизических потенциалов является возможность учета индивидуальных особенностей предприятия, отражающихся в накопленных потенциалах. Поскольку накопленные потенциалы могут быть определены также и для проекта, то применительно к проекту может быть определен уровень технологического уклада проекта. Сопоставление накопленных потенциалов переменных различных типов позволяет определить различные коэффициенты, каждый из которых определяет формирование результата в соответствии с технологическим уровнем освоения ресурса.

Следует отметить следующее преимущество использования социофизического подхода к анализу инновационных проектов: величина накопленного потенциала дает интегральную оценку ценности актива за все время его формирования. Иными словами, в величине накопленного потенциала учитываются не просто значения актива за все время его анализа, но и промежуток времени анализа. Это следует прямо из формулы (1). Таким образом, формулирование цели проекта в виде некоторой величины накопленного потенциала предполагает выполнение согласованных требований, как к длительности проекта, так и к графикам формирования требуемых активов. С точки зрения социофизического пред-

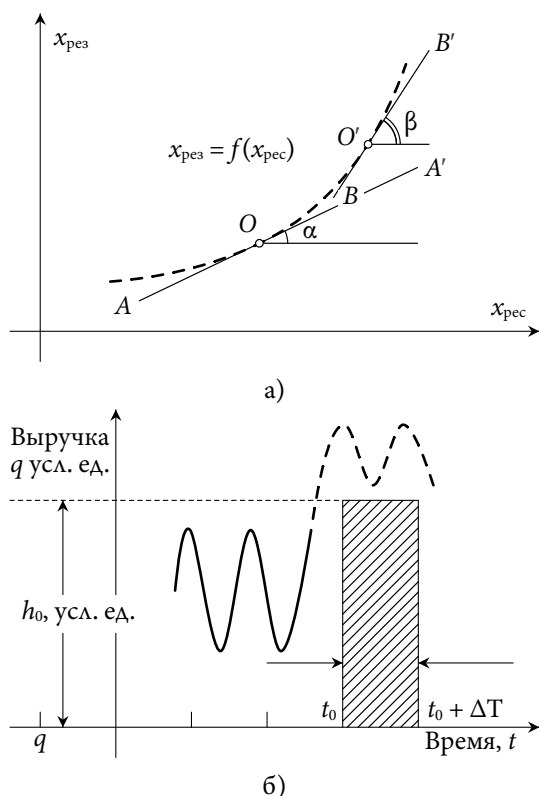

Рисунок 1 – Модель проекта и форма барьера (пунктиром показана линия связывающая потенциалы предприятия)

Figure 1 – The model of the project and the shape of the barrier (the dashed line connects the potentials of the enterprise)

ставления, цели проектов различаются, если у них одинаковыми являются длительность и сумма запрашиваемых финансовых активов, но различаются графики освоения.

Экономическая эффективность инновационного проекта ($r_{эфф}$) создания технически сложного изделия определяется как результат уточнения оценки финансовых затрат и финансовых результатов в сочетании с оценкой времени выполнения этапов проекта и жизненного цикла проекта в целом. Численно она определяется как отношение разности $\Delta x_{рес}$ накопленных потенциалов ресурсов, которые надо было бы потратить, если бы проект выполнялся без технологических усовершенствований ($x'_{рес}$) и потенциалов проекта с технологическими усовершенствованиями ($x_{рес}$) к величине накопленного потенциала проекта $x_{проект}$:

$$r_{эфф} = \frac{\Delta x_{рес}}{x_{проект}} = \frac{|x'_{рес} - x_{рес}|}{x_{проект}}. \quad (5)$$

Достижение проектных результатов может обеспечиваться в рамках существующего на предприятии технологического уклада (рис. 2а). Этот случай характерен для инвестиционных проектов. Пусть в момент времени начала проекта t_0 потенциал предприятия оценивается парой величин ($x_{рес}(t_0)$, $x_{рез}(t_0)$). Требуется обеспечить потенциал в размере $x_{рез}(t_1) = x_{рез}(t_0) + \Delta x_{рез}$ к моменту времени t_1 . Потенциал внешних инвестиций предприятия оценивается величиной $\Delta x_{рес}$. Это означает, что предприятие, пользуясь исключительно внешними инвестициями, может обеспечить результирующий потенциал в размере $\Delta x'_{рез} = \Delta x_{рес} \cdot \tan \alpha$. Этого, может оказаться недостаточным. Потенциал $\Delta x'_{рез}$ может рассматриваться как величина, предопределяемая инвестициями предприятия, не связанными с проектом. С точки зрения развиваемого социофизического подхода, объяснение сводится к тому, что, потребляя внешний инвестиционный потенциал, предприятие генерирует собственный потенциал, равный $\Delta x'_{рез}$.

Схема социофизического описания проектных результатов в случае, когда на предприятии изменяется технологический уклад, в целом подобна схеме описанной ранее. Она реализуется в том случае, когда по каким-либо

причинам недостаток в результирующем потенциале не может быть скомпенсирован ресурсным потенциалом. С точки зрения моделирования выделяются два случая: первый случай связан с недостатком времени на достижения требуемой величины результирующего потенциала. Второй случай связан с принципиальной невозможностью достижения требуемой величины результирующего потенциала при существующем на предприятии уровне технологического уклада. Вторая схема описания социофизических процессов отличается от приведенной первой схемы в том, как моделируется переход на новые технологии. На рисунке 2б показан случай, когда предприятие переходит на новую технологию ($\alpha \rightarrow \beta$) по окончании проекта к моменту времени t_1 . Социофизическое моделирование выполнения проекта заключается в моделировании движения объекта из точки $O(t_0)$ в точку $O''(t_1)$ по окончании проекта. Дальнейшее развитие предприятия осуществляется вдоль линии $O'O''$. Эффект от перехода на новую технологию может быть описан двояким способом.

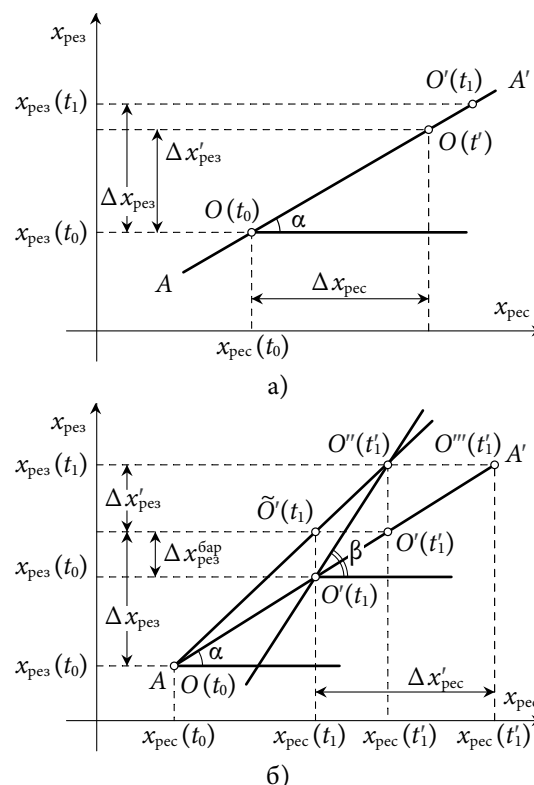

Рисунок 2 – Выполнение проекта в рамках существующего на предприятии (а) и при изменяющемся (б) технологическом укладе
Figure 2 – Implementation of a project carried out within the existing (a) and changing (b) technological structure of the enterprise

Первый способ оценки указывает на дополнительный потенциал, который приобретает предприятие от такого перехода. Он отражается отрезком $\Delta x'_{\text{рез}}$ с вершинами в точках O'' и O' (рис. 2б). Второй способ оценки указывает на экономию ресурсов и моделируется отрезком $\Delta x'_{\text{рес}}$. Потенциал предприятия в момент начала выполнения проекта определяется величинами $(x_{\text{рез}}(t_0), x_{\text{рез}}(t_0))$. Проектная цель в рамках социофизического подхода рассматривается как обеспечение потенциала в размере $x_{\text{рез}}(t_1) = x_{\text{рез}}(t_1) + \Delta x_{\text{рез}}$ к моменту времени t_1 . В случае инвестиционного проекта с сохранением технологии, действительное изменение определялось бы точками $O(t_0)$ и $\tilde{O}''(t_1)$. Изменение высоты барьера $\Delta x_{\text{рез}}^{\text{бар}}$, обусловленное изменением технологического уклада, определяется отрезком $O''\tilde{O}''(t_1)$.

Методика принятия решений

Итак, достижение определенной величины накопленного потенциала объявляется целью выполнения проекта. Инвестиционные решения прямо связаны с характеристиками предприятия. Они определяются тем, изменяются ли показатели технологического уклада предприятия, и если изменяются, то насколько. Каждый из показателей технологического уклада характеризует определенную сторону динамики функционирования предприятия. Показатель текущего уровня технологического уклада характеризует текущие динамические свойства предприятия; показатель среднего уровня технологического уклада характеризует динамические свойства предприятия в среднем за некоторый промежуток времени. Это может быть произвольный промежуток времени длиной в полгода, год, два года, или промежуток времени продолжительности, которая интересует исследователя. Показатель абсолютной величины технологического уклада предприятия характеризует динамические свойства предприятия на всем промежутке времени развития предприятия. Начальный момент времени может быть отнесен как угодно далеко к моменту начала деятельности предприятия. Для точки A , соответствующей текущим значениям ресурсного и результирующего потенциалов (рис. 3) определяются:

– текущая величина уровня технологического уклада:

$$k_{\text{тек}} = \operatorname{tg} \gamma \quad (6)$$

– средняя величина уровня технологического уклада:

$$k_{\text{ср}} = \operatorname{tg} \beta \quad (7)$$

– абсолютная величина уровня технологического уклада:

$$k_{\text{абс}} = \operatorname{tg} \alpha \quad (8)$$

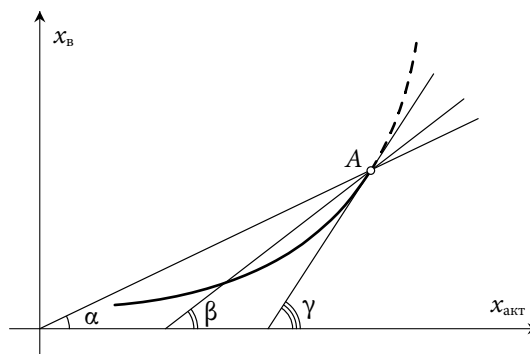

Рисунок 3 – Определение уровней технологического уклада предприятия

Figure 3 – Determining the levels of the technological structure of the enterprise

Методика принятия инвестиционного решения в случае, когда на предприятии сохраняется показатель уровня технологического уклада, отличается от случая, когда показатель меняется. Рассмотрим первый случай, когда уровень технологического уклада предприятия сохраняется некоторое время до выполнения проекта, и не изменяется после его выполнения.

Принятие решения о реализации проекта или отказе от него с позиции социофизического моделирования связано с сопоставлением показателей уровней технологических укладов для анализируемого проекта и для предприятия. Сравниваются показатели, полученные на основании расчетов потенциалов сопоставимых величин. Часто, перечни регистрируемых параметров проекта и предприятия не совпадают. В этом случае можно воспользоваться расчетом показателей по методу цепочки. Идея расчета показателя уровня технологического уклада по методу цепочки заключается в использовании того свойства, что искомая величина не изменяется, если ее умножить и разделить на одну и ту же величину:

$$k_{(\cdot)} = \frac{\Delta x_{\text{рез}}}{\Delta x_{\text{рес}}} = \frac{\Delta x_{\text{рез}}}{\Delta x_{\text{рес}}^{(1)}} \cdot \frac{\Delta x_{\text{рес}}^{(1)}}{\Delta x_{\text{рес}}^{(2)}} \cdot \dots \cdot \frac{\Delta x_{\text{рес}}^{(n)}}{\Delta x_{\text{рес}}}, \quad (9)$$

где $k_{(\cdot)}$ – это один из коэффициентов $k_{\text{тек}}$, $k_{\text{ср}}$, $k_{\text{абс}}$. В формуле (9) введенные вспомогательные сомножители имеют вид отношения потенциалов:

$$k_{i+1}^i = \frac{\Delta x_{\text{рес}}^{(i)}}{\Delta x_{\text{рес}}^{(i+1)}}, \quad (10)$$

где $\Delta x_{\text{рес}}^{(i)}$, $\Delta x_{\text{рес}}^{(i+1)}$ – изменения потенциалов активов предприятия, определенные для соответствующих промежутков времени. k_{i+1}^i – сравнительный показатель (текущий, средний или абсолютный) уровней укладов формирования активов за номерами i и $i + 1$. Более удобным является вычисление коэффициентов k_{i+1}^i в базовых величинах. Для этого необходимо дополнительно умножить и разделить уравнение (10) на базовую величину потенциала ресурса, который рассматривается в качестве базового:

$$k_{i+1}^i = \frac{\Delta x_{\text{рес}}^{(i)}}{\Delta x_{\text{рес}}^{(i+1)}} \cdot \frac{\Delta x_{\text{баз}}}{\Delta x_{\text{баз}}} = \frac{\tilde{\Delta x}_{\text{рес}}^{(i)}}{\tilde{\Delta x}_{\text{рес}}^{(i+1)}}, \quad (11)$$

где через $\tilde{\Delta x}_{\text{рес}}^{(i)}$ и $\tilde{\Delta x}_{\text{рес}}^{(i+1)}$ обозначены потенциалы активов предприятия в относительных величинах. В дальнейшем символ тильды над обозначением потенциалов опускается, чтобы не загромождать запись формул. Поскольку каждый из коэффициентов рассчитывается на одних и тех же временных горизонтах, то можно утверждать, что каждый из коэффициентов k_{i+1}^i показывает относительные темпы формирования потенциалов активов. Если $k_{i+1}^i > 1$, то относительный темп формирования потенциала i -го актива сравнительно выше, чем относительный темп формирования потенциала $(i + 1)$ -го актива. Соответственно, если $k_{i+1}^i < 1$, то темп формирования потенциала i -го актива ниже, чем темп формирования потенциала $(i + 1)$ -го актива. Логика вычисления коэффициентов k_{i+1}^i показывает, что сопоставляться могут не только темпы формирования одних и тех же активов в различных подразделениях предприятия, но и темпы формирования разных активов в одном подразделении предприятия, а также темпы формирования разных активов в разных подразделениях предприятия. В итоге, требуемый показатель уровня технологического уклада получается как произведение цепочки:

$$k_{(\cdot)} = \frac{\Delta x_{\text{рез}}}{\Delta x_{\text{рес}}} = \frac{\Delta x_{\text{рез}}}{\Delta x_{\text{рес}}^{(1)}} \cdot \prod_{i=2}^n k_i^{(i-1)} \cdot \frac{\Delta x_{\text{рес}}^{(n)}}{\Delta x_{\text{рес}}}. \quad (12)$$

Коэффициенты k_{i+1}^i образуют матрицу, которую можно назвать структурной моделью предприятия, определенной на некотором промежутке времени. Обобщенный вид структурной модели предприятия представлен в таблице 1. Следует еще раз отметить, что в качестве элементов могут выбираться различные активы структурных единиц предприятия – цеха, группы цехов и т. д. Полная структурная модель предприятия составляется для текущих, средних и абсолютных коэффициентов технологических укладов.

Принятие решения о реализации проекта или отказе от него с позиции социофизического моделирования связано с анализом коэффициента технологического уклада проекта, вычисленного на сопоставимых с предприятием активах на предполагаемом промежутке времени выполнения проекта. Рассмотрим два случая, когда принимаются решения о реализации двух одинаковых проектов. Отличие сводится к различию потенциалов предприятий, на которых предполагается реализация проекта.

1) На рисунке 4а приведен случай, когда проект, планируемая динамика потенциалов которого отображается отрезком OA , имеет такой же угол наклона, что и кривая потенциалов предприятия. Если за время проекта потенциалы предприятия изменятся в соответствие с отрезком BB' , то суммарное изменение с учетом проектных потенциалов отразится отрезком BB'' . Здесь соблюдается равенство отрезков: $OA' = B'B''$.

Таблица 1 – Структурная модель предприятия в разрезе μ -го актива

Table 1 – Structural model of the enterprise in the context of the μ -asset

Актив		Пред- прият.	Цех 1	...	...	Подраз- делен. N
		$i = 0$	$i = 1$	...	...	$i = N$
Пред- прият.	$j = 0$			...	...	...
Цех 1	$j = 1$	$k_{1,0}^{\mu}$		...	...	$k_{1,N}^{\mu}$
...	...	...	...	...	...	...
Подраз- делен. N	$j = N$	$k_{N,0}^{\mu}$	$k_{N,1}^{\mu}$	...	...	

В результате выполнения проекта показатель абсолютной величины уровня технологического уклада увеличится с величины $k_{абс} = \tan \alpha$ до величины $k'_{абс} = \tan \alpha'$. Показатели значений среднего и текущего уровней технологического уклада предприятия не изменятся. В целом, случай 1 характерен для реализации инвестиционных проектов на предприятии, находящемся в фазе развития. Проект должен быть принят к реализации.

2) На рисунке 4б приведен случай, когда проект, планируемая динамика потенциалов которого отображается отрезком OA , имеет такой же угол наклона, что и кривая потенциалов предприятия. Иными словами, проектные характеристики в обоих случаях одинаковы. Отличие заключается в том, что предприятие находится в фазе стабилизации или в фазе стагнации. Если за время выполнения проекта потенциалы предприятия изменятся в соответствии с отрезком BB' , то суммарное изменение с учетом проектных потенциалов отразится, как и в случае 1, отрезком BB'' . Здесь также соблюдается следующее условие равенства отрезков: $OA = B'B''$.

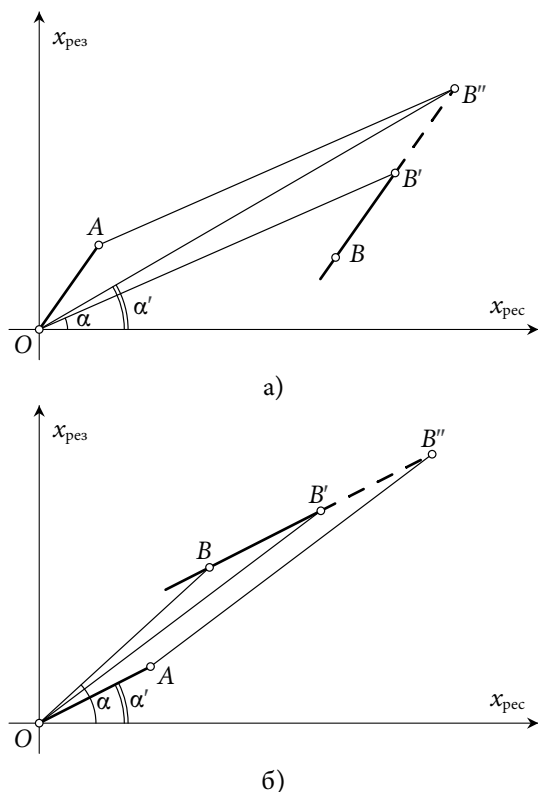

Рисунок 4 – Принятие решения о реализации инвестиционного проекта

Figure 4 – Making a decision on the implementation of an investment project

В отличие от случая 1, в результате выполнения проекта показатель абсолютной величины уровня технологического уклада уменьшится с величины $k_{абс} = \tan \alpha$ до величины $k'_{абс} = \tan \alpha'$. Показатели значений среднего и текущего уровней технологического уклада предприятия не изменятся. Проект должен быть отклонен. Результаты принимаемых решений определяются не только проектными характеристиками, но и характеристиками предприятия. Одинаковые проекты для одних предприятий могут быть приняты к исполнению; для других – отвергнуты.

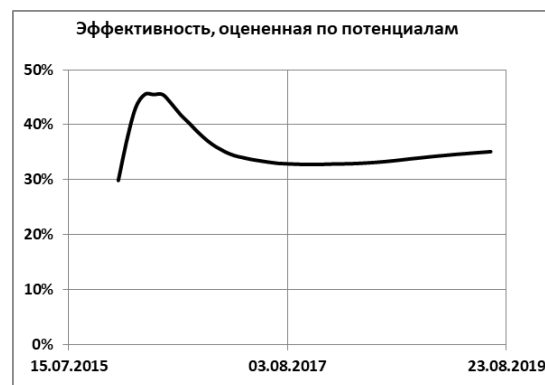

Рисунок 5 – Иллюстрация расчетов накопленных потенциалов предприятия

Figure 5 – Illustration of calculations of the accumulated potential of the enterprise

а)

б)

Рисунок 6 – Иллюстрация определения эффективности проекта
Figure 6 – Illustration of project performance definition

Результаты моделирования

Использование социофизического подхода позволяет получать адекватные результаты, обладающие высокой информативностью. В качестве иллюстрации на рисунке 5 приводятся результаты расчетов потенциалов предприятия, выполненные на горизонте данных в 14 лет. Анализ графиков показывает, что уровень неопределенности в исходных данных превышает 50 %, в ряде случаев она достигает 90 %. Использование потенциалов позволяет повысить адекватность модели. Это создает предпосылки для использования социофизического подхода при принятии инвестиционных решений.

На рисунке 6 приводятся результаты оценки эффективности реального проекта по исходным данным (рис. 6а) и по потенциалам (рис. 6б). Эффективность определяется путем сопоставления накопленных потенциалов запланированного и фактического производства товарной продукции проекта. Сопоставление графиков подтверждают высокую

информативность социофизических моделей применительно к моделированию проектов.

Заключение

В статье изложены элементы методики моделирования проектов создания сложных технических объектов, базирующихся на социофизическом подходе. Приведены определения социофизического потенциала объекта, накопленного потенциала актива объекта, соответствующих потенциалов предприятия и проекта, реализуемого на этом предприятии. Подход является методологической основой для формирования проекта создания системы управления жизненным циклом объекта. Изложены особенности принятия решений, направленных на управление проектом, реализуемого в рамках предприятия. Теоретические результаты проиллюстрированы результатами расчетов накопленных потенциалов предприятия, а также результатами оценки эффективности проекта с использованием накопленных потенциалов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аралов О.В., Сайко Е.В. (2011). Разработка математической модели оценки финансовой реализуемости плана ОКР по созданию сложных технических систем // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. № 3. С. 36–41.

2. Балакин Д.А., Волков Б.И., Еленина Т.Г., Кузнецов А.С., Пытьев Ю.П. (2014). Математическое моделирование субъективных суждений в теории измерительно-вычислительных систем // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. Т. 18. № 2. С. 33–78.

3. Бычкова О.Ю., Преображенский А.П. (2019). Об особенностях реализации и разработок инновационного проекта в компании // Вестник Воронежского института высоких технологий. № 4 (31). С. 82–85.

4. Виленский П.А., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. (2008). Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. М. : Дело.

5. Вишняков А.А. (1999). Совершенствование механизма оценки реализуемости инновационных проектов: диссертация на соискание

ученой степени кандидата экономических наук. Саратов.

6. Гизатуллин Х.Н., Мустаев И.З., Фатхуллина Л.З. (2009). Инновационные модели финансового менеджмента предприятия. Уфа : АН РБ, Гилем.

7. Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВлаДар.

8. Гужов В.В. (2014). Особенности оценки и управления рисками в инновационных проектах // Вестник УМО. Экономика, статистика и информатика. № 5. С. 17–21.

9. Капустин В.Ф. (1993). Неопределенность: виды, интерпретации, учет при моделировании и принятии решений // Вестник СПбГУ. Вып. 2. С. 108–114.

10. Ковалев В.В. (2014). Финансовый менеджмент: теория и практика. М. : Проспект.

11. Анисимов С.Н., Колобов А.А., Омельченко И.Н., Орлов А.И., Иванилова А.М., Краснов С.В. (2006). Проектирование интегрированных производственно-корпоративных структур: эффективность, организация, управление. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана.

12. Курако Д.В., Дроздов М.А., Рагозина М.А. (2018). Особенности инновационных проектов ракетно-космической отрасли // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т. 2. № 4 (14). С. 699–701.

13. Ландау Л.Д., Лившиц Е.М. (1973). Механика. Т. 1. М. : Наука.

14. Лубянская Э.Б., Анисимов Ю.П. (2019). Особенности системы стратегического управления инновационными проектами в условиях цифровой экономики // Организатор производства. Т. 27. № 2. С. 81–93.

15. Лукашов В.Н., Лукашов Н.В. (2019). Определение величины ставки дисконтирования для инвестиционного проектирования и оценки бизнеса: о различии подходов к исчислению и применению // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 35. Вып. 1. С. 83–112. DOI: 10.21638/spbu05.2019.104.

16. Мустаев И.З. (2012). Экономические модели инноватики. Уфа : Изд-во УГАТУ.

17. Мустаев И.З. (2017). Социофизические модели инноватики. Уфа : РИК УГАТУ.

18. Мустаев И.З., Гизатуллин Х.Н. (2015). Использование накопленных потенциалов для построения моделей развития // Журнал экономической теории. № 3. С. 122–134.

19. Моргенштерн О., фон Нейман Дж. (2012).

Теория игр и экономическое поведение. М. : Наука.

20. Орлов А.И. (2009). Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. Ростов-н/Д : Феникс.

21. Орлов А.И. (2013). Критерии выбора показателей эффективности научной деятельности // Контроллинг. № 3 (49). С. 72–78.

22. Орлов А.И. (2014). Организационно-экономическое обеспечение инновационной деятельности в ракетно-космической отрасли // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 102. С. 112–143.

23. Охезина Г.М. (2013). Методы оценки перспективности и реализуемости процессных инноваций на промышленном предприятии: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Н. Новгород.

24. Палюх Б.В., Бурдо Г.Б. (2011). Метод интеллектуальной оценки решений при проектировании технологии в многономенклатурных производствах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 17. № 2. С. 342–350.

25. Русаков С.Н. (2015). Методика оценки технологической реализуемости производства инновационной продукции двойного назначения // Экономические и гуманитарные науки. № 4 (279). С. 45–54.

26. Саймон Г. (1978). Рациональность как процесс и продукт мышления // American Economic Review. Т. 68, № 2. С. 1–16.

27. Славянов А.С. (2016). Проблемы оптимизации ресурсного потенциала ракетно-космической промышленности в условиях сокращения бюджетных расходов // Инновации в менеджменте. № 3 (9). С. 58–69.

28. Смоляк С.А. (2006). О методологии оценки эффективности реальных инвестиционных проектов // Российский экономический журнал. № 9-10. С. 63–73.

29. Танака К. (1986). Итоги рассмотрения факторов неопределенности и неясности в инженерном искусстве // Нечеткие множества и теория возможностей. Последние достижения. М. : Радио и связь. С. 37–50.

30. Хрусталёв Е.Ю., Славянов А.С., Сахаров И.Е. (2013). Методы и инструментальный выбор механизмов экономической защиты наукоемких производств на примере ракетно-космической промышленности // Экономиче-

ский анализ: теория и практика. № 30 (333). С. 2–11.

31. Чурсин А.А., Русинов А.А., Волков В.А. (2012). Оценка рисков устойчивого развития высокотехнологичных областей промышленности при внедрении инновационных технологий // Экономика и управление в машиностроении. № 1. С. 25–29.

32. Шарп У., Александер Г., Бейли Дж. (2001). Инвестиции. М.: ИНФРА-М.

33. Artzner P., Delbaen F., Eber J.-M. et al. (1999). Coherent Measures of Risk, *Math. Finance*, no. 3, pp. 203–228.

34. Borgo S., Leitão P. (2007). Foundations for a Core Ontology of Manufacturing *Integrated Series, Information Systems*, no. 14, pp. 751–775. DOI: 10.1007/978-0-387-37022-4.

35. Brealey R., Myers S. (1997). Principles of corporate finance. McGraw-Hill.

36. Chesbrough H. (2007). Open Business Models. Boston, Harvard Business School Press.

37. Chungoora N., Gunendran G. A., Young R. I. M., Usman Z., Anjum N. A., Palmer C., Harding J. A., Case K., Cutting-Decelle A. F. (2012). Extending Product Lifecycle Management for Manufacturing Knowledge Sharing. Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. Part B, *Journal of Engineering Manufacture*, vol. 226, no. A12, pp. 2047–2063. DOI: 10.1177/0954405412461741.

38. Deci E. L., Ryan R. M. (1985). Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York, Plenum Press.

39. Enkel E., Perez-Freije J., Gassmann O. (2005). Minimizing market risks through customer integration in new product development: Learning from bad practice, *Creativity and Innovation Management*, vol. 14, no. 4, pp. 425–437.

40. Forkel M. (1994). Cognitive tools an approach for problem solving. Munchen, Hanser Verlag.

41. Heider F. (1958). The Psychology of Interpersonal Relations. NJ, Lawrence Erlbaum. John Wiley & Sons Inc. DOI: 10.1037/10628-000.

42. Huber A. Presentation by Siemens CEO. Milan: World Manufacturing Forum. URL: <http://www.ims.org/2014/07/world-manufacturing-forum-2014/> (accessed 01.04.2020).

43. Kiritsis D., Bufardi A., Xirouchakis P. (2004). Research issues on product lifecycle management and information tracking using smart embedded systems, *Advanced Engineering Informatics*, vol. 17, no. 3-4, pp. 189–202.

44. Markowitz H. M. (1952). Portfolio Selection, *J. Finance*, vol. 7, no. 1, pp. 77–91.

45. Mausner B., Snyderman B. B., Herzberg F. (1993). Motivation to Work. Edison, NJ, Transaction.

46. Palmer C., Usman Z., Canciglieri O., Malucelli A., Young R. I. M. (2017). Interoperable manufacturing knowledge systems, *International journal of production research*, vol. 56, no. 8, pp. 2733–2752.

47. Pshebelskaya L. U. (2014). Risks of innovative projects and methods to reduce them, *Belarusian State Technological University*, no. 7 (171), pp. 18–20.

48. Ray S. R., Jones A. T. (2006). Manufacturing Interoperability, *Journal of Intelligent Manufacturing*, vol. 17, no. 6, pp. 681–688. DOI: 10.1007/s10845-006-0037-x.

49. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов / утв. 21.06.1999 Минэкономики РФ, Минфин РФ, Госстроем РФ // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

50. Schreiber A. Th., Hoog R., Akkermans H., Anjewierden A., Shadbolt N., Velde W. (2000). Knowledge engineering and management. In: *The Common KADS methodology*. Cambridge, The MIT Press.

51. Treynor J. L. (1961). Market Value, Time and Risk, *Unpublished manuscript*, no. 95, pp. 95–209.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мустаев Ирек Закиевич – доктор экономических наук; Уфимский государственный авиационный технический университет (450000, Россия, Уфа, ул. К. Маркса, 12); fermi_moustaev@mail.ru.

Максимова Наталья Константиновна – ОДК-Уфимское моторостроительное производственное объединение (450039, Россия, Уфа, ул. Ферина, 2); natalia_02.78@mail.ru.

Мустаев Тимур Ирекович – Уфимский государственный авиационный технический университет (450000, Россия, Уфа, ул. К. Маркса, 12); tima.mus.1321@gmail.com.

PROJECT MANAGEMENT FOR CREATING TECHNICALLY COMPLEX PRODUCTS BASED ON THE USE OF SOCIO-PHYSICAL MODELS

I.Z. Mustaev^a, N.K. Maksimova^b, T.I. Mustaev^a

^aUfa State Aviation Technical University

^bUEC-Ufa Engine-Building Production Association

ABSTRACT:

The article is concerned with the presentation of an approach to the management of innovative projects of complex technical items performed at the enterprise. Modeling is based on the socio-physical approach used for analyzing and predicting the behavior of socio-physical objects.

The subject of the article is an innovative project for creating a complex technical object. It is shown that the proposed approach allows taking into account individual economic, technological and other features of the enterprise where the project is implemented, as well as taking into account the technical features of the designed object. A comparison of the nature of the decision to implement the project using the socio-physical approach and using the estimate of the present value of the project is given. The advantages of the approach in project modeling are noted.

Within the framework of socio-physical modeling, the concepts of the socio-physical potentials of a technical object, project, and enterprise where the project is implemented are formalized. The mathematical description of the accumulated potential is given. The formula contains a socio-physical function whose properties are given. The structure of socio-physical models of enterprises and projects is revealed. An illustration of the dynamics of changes in the potentials of a project implemented as part of an enterprise is given. The definition of the technological structure of the enterprise is introduced, as well as formulas for calculating the levels of the technological structure of the project and the enterprise. A graphic illustration of the project execution process performed within the existing technological structure of the enterprise and with the changing technological structure of the enterprise is given. The article introduces a structural model of the enterprise that is formed as a result of calculating the accumulated potentials of the enterprise's organizational units involved in the implementation of an innovative project. Elements of decision-making related to project management using the structural model are described. The results of calculations confirming the efficiency of using the accumulated potentials for both the enterprise and the project are presented.

KEYWORDS: innovation project, socio-physical potential, accumulated socio-physical potential, socio-physical approach, socio-physical object.

FOR CITATION: Mustaev I.Z., Maksimova N.K., Mustaev T.I. (2020). Project management for creating technically complex products based on the use of socio-physical models, *Management Issues*, no. 5, pp. 71–86.

REFERENCES

1. Aralov O.V., Sayko E.V. (2011). Development of a mathematical model for assessing the financial feasibility of an R&D plan for the creation of complex technical systems, *Science and technology of pipeline transport of oil and oil products*, no. 3, pp. 36–41.
2. Balakin D.A., Volkov B.I., Elenina T.G., Kuznetsov A.S., Pytev Yu.P. (2014). Mathematical modeling of subjective judgments in the theory of measuring and computing systems, *Intellectual systems. Theory and applications*, vol. 18, no. 2, pp. 33–78.
3. Bychkova O.Yu., Preobrazhensky A.P. (2019). On the features of the implementation and development of an innovative project in the company, *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, no. 4 (31), pp. 82–85.
4. Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A.

(2008). Evaluation of the effectiveness of investment projects. Theory and practice. Moscow, Business.

5. Vishnyakov A.A. (1999). *Improving the mechanism for assessing the feasibility of innovative projects*. Ph. D. thesis. Saratov.

6. Gizatullin Kh.N., Mustaev I.Z., Fatkhullina L.Z. (2009). Innovative models of enterprise financial management. Ufa, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Gilem.

7. Glazyev S.Yu. (1993). The theory of long-term technical and economic development. Moscow, VlaDar.

8. Guzhov V.V. (2014). Features of risk assessment and management in innovative projects. *Economics, statistics and informatics. Bulletin of Educational Methodical Association*, no. 5, pp. 17–21.

9. Kapustin V.F. (1993). Uncertainty: types, interpretations, accounting in modeling and decision-making, *Bulletin of St. Petersburg State University*, no. 2, pp. 108–114.

10. Kovalev V.V. (2014). Financial management: theory and practice. Moscow, Prospect.

11. Anisimov S.N., Kolobov A.A., Omelchenko I.N., Orlov A.I., Ivanilova A.M., Krasnov S.V. (2006). Designing integrated production and corporate structures: efficiency, organization, management. Moscow, Publishing house of MSTU.

12. Kurako D.V., Drozdov M.A., Ragozina M.A. (2018). Features of innovative projects of the rocket and space industry, *Actual problems of aviation and cosmonautics*, vol. 2, no. 4 (14), pp. 699–701.

13. Landau L.D., Livshits E.M. (1973). *Mechanics*. Vol. 1. Moscow, Nauka.

14. Lubyanskaya E.B., Anisimov Yu.P. (2019). Features of the system of strategic management of innovative projects in the digital economy, *Production organizer*, vol. 27, no. 2, pp. 81–93.

15. Lukashov V.N., Lukashov N.V. (2019). Determination of the value of the discount rate for investment design and business valuation: on the difference in approaches to calculation and application, *Bulletin of St. Petersburg University. Economy*, vol. 35, no. 1, pp. 83–112. DOI: 10.21638/spbu05.2019.104.

16. Mustaev I.Z. (2012). Economic models of innovation. Ufa, USATU Publishing House.

17. Mustaev I.Z. (2017). Sociophysical models of innovation. Ufa, USATU.

18. Mustaev I.Z., Gizatullin Kh.N. (2015). Using the accumulated potentials for building development models, *Journal of Economic Theory*, no. 3, pp. 122–134.

19. Morgenstern O., J. von Neumann (2012).

Game theory and economic behavior. Moscow, Nauka.

20. Orlov A.I. (2009). Management: organizational and economic modeling. Rostov-on-Don, Phoenix.

21. Orlov A.I. (2013). Criteria for choosing indicators of the effectiveness of scientific activities, *Controlling*, no. 3 (49), pp. 72–78.

22. Orlov A.I. (2014). Organizational and economic support of innovative activity in the rocket and space industry. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, no. 102, pp. 112–143.

23. Okhezina G.M. (2013). Methods for assessing the viability and feasibility of process innovations in an industrial enterprise: Ph. D. thesis. Nizhny Novgorod.

24. Palyukh B.V., Burdo G.B. (2011). The method of intellectual evaluation of decisions in the design of technology in multi-product industries, *Bulletin of the Tambov State Technical University*, vol. 17, no. 2, pp. 342–350.

25. Rusakov S.N. (2015). Methodology for assessing the technological feasibility of the production of innovative dual-use products, *Economic and humanitarian sciences*, no. 4 (279), pp. 45–54.

26. Simon G. (1978). Rationality as a process and a product of thinking, *American Economic Review*, vol. 68, no. 2, pp. 1–16.

27. Slavyanov A.S. (2016). Problems of Optimizing the Resource Potential of the Rocket and Space Industry in the Context of Reducing Budgetary Expenditures, *Innovations in Management*, no. 3 (9), pp. 58–69.

28. Smolyak S.A. (2006). On the methodology for assessing the effectiveness of real investment projects, *Russian economic journal*, no. 9–10, pp. 63–73.

29. Tanaka K. (1986). Results of consideration of factors of uncertainty and ambiguity in the art of engineering. In: *Fuzzy sets and theory of possibilities. Recent achievements*. Moscow, Radio and communication, pp. 37–50.

30. Khrustalev E.Yu., Slavyanov A.S., Sakharov I.E. (2013). Methods and tools for choosing mechanisms for economic protection of high-tech industries on the example of the rocket and space industry, *Economic analysis: theory and practice*, no. 30 (333), pp. 2–11.

31. Chursin A.A., Rusinov A.A., Volkov V.A. (2012). Assessment of the risks of sustainable development of high-tech industries in the implementa-

tion of innovative technologies, *Economics and Management in Mechanical Engineering*, no. 1, pp. 25–29.

32. Sharpe W., Alexander G., Bailey J. (2001). Investments. Moscow, INFRA-M.

33. Artzner P., Delbaen F., Eber J.-M. *et al.* (1999). Coherent Measures of Risk, *Math. Finance*, no. 3, pp. 203–228.

34. Borgo S., Leitão P. (2007). Foundations for a Core Ontology of Manufacturing *Integrated Series, Information Systems*, no. 14, pp. 751–775. DOI: 10.1007/978-0-387-37022-4.

35. Brealey R., Myers S. (1997). Principles of corporate finance. McGraw-Hill.

36. Chesbrough H. (2007). Open Business Models. Boston, Harvard Business School Press.

37. Chungoora N., Gunendran G. A., Young R. I. M., Usman Z., Anjum N. A., Palmer C., Harding J. A., Case K., Cutting-Decelle A. F. (2012). Extending Product Lifecycle Management for Manufacturing Knowledge Sharing. Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers. Part B, *Journal of Engineering Manufacture*, vol. 226, no. A12, pp. 2047–2063. DOI: 10.1177/0954405412461741.

38. Deci E. L., Ryan R. M. (1985). Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York, Plenum Press.

39. Enkel E., Perez-Freije J., Gassmann O. (2005). Minimizing market risks through customer integration in new product development: Learning from bad practice, *Creativity and Innovation Management*, vol. 14, no. 4, pp. 425–437.

40. Forkel M. (1994). Cognitive tools an approach for problem solving. Munchen, Hanser Verlag.

41. Heider F. (1958). The Psychology of Interpersonal Relations. NJ, Lawrence Erlbaum. John Wiley & Sons Inc. DOI: 10.1037/10628-000.

42. Huber A. Presentation by Siemens CEO. Mi-

lan: World Manufacturing Forum. URL: <http://www.ims.org/2014/07/world-manufacturing-forum-2014/> (accessed 01.04.2020).

43. Kiritsis D., Bufardi A., Xirouchakis P. (2004). Research issues on product lifecycle management and information tracking using smart embedded systems, *Advanced Engineering Informatics*, vol. 17, no. 3-4, pp. 189–202.

44. Markowitz H. M. (1952). Portfolio Selection, *J. Finance*, vol. 7, no. 1, pp. 77–91.

45. Mausner B., Snyderman B. B., Herzberg F. (1993). Motivation to Work. Edison, NJ, Transaction.

46. Palmer C., Usman Z., Canciglieri O., Malucelli A., Young R. I. M. (2017). Interoperable manufacturing knowledge systems, *International journal of production research*, vol. 56, no. 8, pp. 2733–2752.

47. Pshebelskaya L. U. (2014). Risks of innovative projects and methods to reduce them, *Belarusian State Technological University*, no. 7 (171), pp. 18–20.

48. Ray S. R., Jones A. T. (2006). Manufacturing Interoperability, *Journal of Intelligent Manufacturing*, vol. 17, no. 6, pp. 681–688. DOI: 10.1007/s10845-006-0037-x.

49. Methodological recommendations for assessing the effectiveness of investment projects (as approved on 21.06.1999 by Ministry of Economy, Ministry of Finance, Gosstroy of Russian Federation. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 01.04.2020).

50. Schreiber A. Th., Hoog R., Akkermans H., Anjewierden A., Shadbolt N., Velde W. (2000). Knowledge engineering and management. In: *The Common KADS methodology*. Cambridge, The MIT Press.

51. Treynor J. L. (1961). Market Value, Time and Risk, *Unpublished manuscript*, no. 95, pp. 95–209.

AUTHORS' INFORMATION:

Irek Z. Mustaev – Advanced Doctor in Economic Sciences; Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx St., Ufa, 450000, Russia); fermi_moustaeve@mail.ru.

Natal'ya K. Maksimova – UEC-Ufa Engine-Building Production Association (2, Ferin St., Ufa, 450039, Russia); natalia_02.78@mail.ru.

Timur I. Mustaev – Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx St., Ufa, 450000, Russia); tima.mus.1321@gmail.com.

ИЗДЕРЖКИ ПОДЧИНЕНИЯ ЗАКОНУ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

В.В. Мортиков^{1а}

^аЛуганский национальный университет имени Владимира Даля

АННОТАЦИЯ:

Развивается теория издержек подчинения закону. В своей деятельности организации встречаются с различными трудовыми издержками соблюдения закона. В частности, организации вынуждены подчиняться нормам, призванным защищать работников от увольнений. Менеджеры отслеживают информацию в сфере труда, публикуемую регуляторами, прогнозируют изменения в своих обязательствах, планируют адаптацию к ним.

Трудовые издержки подчинения закону являются объектом внимания представителей институционализма Д. Норта, Р. Познера, А. Полински, С. Шавелла, специалиста в области защиты занятости О. Мироненко и др. Однако, современный менеджмент нуждается в дополнительных исследованиях издержек, связанных с выполнением различных норм в сфере управления персоналом.

Наша цель – систематизировать трудовые издержки соблюдения закона, проанализировать трансформацию некоторых обязательств в издержки, оценить некоторые из них.

Мы рассматриваем издержки подчинения закону в управлении персоналом как систему. Классификация этой системы может быть осуществлена на основе уровней, субъектного состава субъектов управления. Формальные и неформальные, легальные и внезаконные нормы и издержки, связанные с ними, – неотъемлемая часть данной системы. Одной из составных трудовых издержек соблюдения закона являются трансакционные трудовые издержки, относящиеся к контролю за выполнением различных обязательств, такими как оценка деятельности работников. Также анализируются трансформационные издержки подчинения закону в трудовой сфере.

Мы проводим разделение между управляемыми и неуправляемыми трудовыми издержками подчинения закону. Раскрывается роль управления издержками подчинения закону в управлении персоналом. Бремя издержек подчинения закону может быть значительным. Одним из путей решения этой проблемы является перенос бремени обязательств и издержек между работодателем и работником путем внесения соответствующих нормативных изменений.

Автор обращает внимание на проблему неподчинения закону и на издержки, связанные с этим. Штрафы и другие санкции сравниваются с трудовыми издержками подчинения закону. Рациональные решения должны приниматься на основе такого сравнения. Определяется значение оценки трудовых издержек подчинения закону. Предлагается один из методов расчета таких издержек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление персоналом, издержки соблюдения закона, управление издержками соблюдения закона, измерение издержек соблюдения закона, трансформационные издержки подчинения закону, трансакционные издержки подчинения закону, издержки внезаконности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мортиков В.В. (2020). Издержки подчинения закону в управлении персоналом // Вопросы управления. № 5. С. 87–97.

Введение и постановка проблемы

Управление персоналом современной организации невозможно представить без соблюдения субъектами управленческой деятельности различных законов, норм, правил, регламентов. В процессе такого соблюдения субъек-

ты управленческой деятельности несут определенные издержки: расходуются усилия, денежные средства, время.

Именно размеры, структура издержек соблюдения правовых норм во многом определяют поведение субъектов управленческой

¹ AuthorID РИНЦ: 1068039

деятельности. Внимание к данным издержкам обусловлено необходимостью управления ими. Анализ издержек соблюдения законов права субъектами управления персоналом дает возможность власти продуцировать эффективные правовые нормы; менеджерам – более эффективно управлять персоналом и издержками, связанными с этим.

Обзор литературы

Исследование издержек подчинения закону, соблюдения закона (*costs of law observance, compliance costs*) осуществляется, в частности, представителями институционализма при экономическом анализе законотворческой и законоприменительной деятельности [1–3].

В литературе по экономической теории, экономике труда, управлению персоналом анализу издержек подчинения закону в трудовой сфере уделяется недостаточно внимания, в частности из-за того, что эта проблема лежит на стыке правовой и экономической наук. Следует, однако, отметить, что значительное количество работ посвящено проблеме издержек, связанных с правовой защитой занятости [4; 5]. В некоторых публикациях затрагивается проблема трансакционной составляющей трудовых издержек соблюдения закона [6; 7].

Целью статьи является анализ экономических издержек, связанных с соблюдением законов права в области управления персоналом.

Результаты исследования

Отношения между работодателями и работниками, по сути, сводятся к обмену между ними комплексом правомочий. Данные правомочия закрепляются в законодательстве страны, административно-территориальных образований, инструктивно-нормативной документации предприятий. Издержки соблюдения закона в деятельности по управлению персоналом являются обратной стороной защиты прав сторон этих отношений.

Издержки соблюдения закона работодателем

Рабочая сила не является собственностью работодателя, он может лишь использовать нанимаемого сотрудника. Именно правомочия, возникающие вследствие различных аспектов

Таблица 1 – Издержки подчинения закону в трудовой сфере по классификационным признакам
Table 1 – Costs of obedience to the law in the labor sphere by classification

№	Критерий, классификационный признак издержек	Виды издержек, источники возникновения издержек
1	Объекты издержек	Оплата труда; безопасность труда; прием, увольнение сотрудников и др.
2	Субъекты не-сения издержек и управления ими	Издержки государства и его институтов; издержки работодателей, наемных работников и их представителей
3	Характер издержек (что расходуется)	Денежные затраты, затраты времени, моральные издержки
4	Природа возникновения издержек	Трансформационные, трансакционные
5	Соблюдение или нарушение закона	Издержки подчинения закону, издержки внезаконности
6	Сфера действия	Индивидуальные; внутриорганизационные; связанные с внутриведомственными, межведомственными нормами; связанные с нормами местных, федеральных органов власти
7	Критерий формальности	Формальные, неформальные; писанные, неписанные
8	Возможность управления	Управляемые, ограниченно управляемые, неуправляемые
9	Инфорсмент	Нормы, требующие: 1) чрезмерно высоких затрат и высоких на их соблюдение; 2) умеренных или небольших затрат; 3) не требующие затрат

использования рабочей силы и следует принимать во внимание при рассмотрении издержек соблюдения закона. В трудовом законодательстве, трудовых договорах и иных юридических документах устанавливаются нормы, которые задают «планку» издержек работодателя, связанных с наёмом, увольнением и использованием рабочей силы. В отсутствие этих норм соответствующих издержек не было бы вообще.

Трудовые издержки соблюдения закона можно классифицировать по разным признакам, критериям, в разных направлениях (табл. 1)

Среди издержек соблюдения норм, подчинения им выделяются формальные и нефор-

мальные, денежные и неденежные издержки. Статья посвящена рассмотрению издержек, которых требует соблюдение формальных, правовых норм.

Работодатель принимает на себя определенные обязательства и помимо общего законодательства, правовых актов территорий должен подчиняться требованиям генерального, отраслевого договоров; коллективного договора, заключенного с работниками своего предприятия, а также добровольно взятым на себя обязательствам. Таким образом, можно выделить издержки соблюдения работодателем правовых актов и обязательств, действующих на общенациональном уровне, уровне отраслей, регионов, отдельных предприятий.

Целесообразно структурировать издержки соблюдения закона как по отдельным нормам, так и по различным направлениям обязательств работодателя:

- по качеству рабочих мест, включая требования техники безопасности;
- по зарплате и условиям выплаты вознаграждения, социальным выплатам;
- в отношении безопасности рабочих мест;
- в отношении карьеры и профессионального обучения наемных работников;
- в отношении использования работника в соответствии с его профессией, квалификацией; в отношении расширения или сужения выполняемых работником функций, его переводов с одной работы на другую;
- по порядку увольнения;
- в отношении рабочего времени (отпуска, производственные перерывы).

Следует указать на взаимосвязь одних издержек соблюдения закона с другими. Когда работодатель по причине ограниченности средств не в состоянии зафиксировать и реализовать в трудовом договоре повышенных обязательств по безопасности труда, он, случается, пытается восполнить это повышением оплаты труда специалиста.

В деятельности по управлению персоналом имеет смысл обращать внимание на деление издержек соблюдения закона на трансформационные и трансакционные. Издержки, связанные с возмещением затрат по продуктивной трудовой деятельности являются трансформационными. Таковыми являются

издержки, обусловленные необходимостью выплаты работнику минимальной зарплаты (ст. 133 ТК РФ) [8]. К трансформационным издержкам следует отнести и затраты на создание безопасных условий труда (ст. 212 ТК РФ), поскольку такие условия являются предпосылкой для нормальной трудовой деятельности. Использование в производственном процессе более квалифицированного высокооплачиваемого труда сотрудников, для которых безопасность их деятельности имеет существенное значение, предъявляет повышенные требования к управлению данными издержками.

Часть издержек подчинения закону являются трансакционными, то есть связанными с обслуживанием сделки по найму и использованию рабочей силы. К таковым можно отнести издержки, связанные с заключением трудового договора (ст. 65–70 ТК РФ), прекращением, расторжением трудового договора, с необходимостью уведомления работника об увольнении, выдачей ему справки о работе и трудовой книжки и т. д. (ст. 77–84 ТК РФ), поскольку данные затраты опосредуют начало и окончание сделки организации-работодателя и работника. Возьмем, к примеру, издержки, обусловленные соблюдением пп. 3, 5, 6 ст. 81 ТК РФ, в которых говорится о том, что расторжение трудового договора по инициативе работодателя может произойти из-за «несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации», «неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание», «однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей». Для установления таких «несоответствия», «неисполнения» и «нарушения», как правило, требуются дополнительные затраты времени компетентных специалистов. Трансакционных затрат требует и соблюдение ст. 179 ТК РФ, регулирующей сокращение численности (или штата) работников: «преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам с более высокой производительностью труда и квалификацией». Эти и иные издержки подобного рода на практике выражают-

ся в необходимости тратить время (а соответственно и денежные средства на содержание) кадровых служб, менеджеров всех уровней, включая и линейных руководителей, на организационные вопросы, связанные с приемом и увольнением кадров.

В институциональной теории используются выражения «издержки обеспечения прав и принуждения к их соблюдению» [9, с. 45], «издержки подчинения закону». Под данными издержками понимаются затраты, связанные с судебным и несудебным принуждением экономических субъектов к соблюдению норм права. Ст. 398–418 ТК РФ устанавливают процедуры разрешения коллективных трудовых споров. Деятельность примирительной комиссии, посредника, трудового арбитража сопровождается затратами ресурсов, которые следует отнести к трансакционным.

Водораздел между трансформационными и трансакционными издержками соблюдения трудовых норм провести в ряде случаев сложно. Издержки, обусловленные соблюдением норм об испытательном сроке (ст. 70 ТК РФ), могут быть отнесены одновременно и к трансформационным (поскольку в течение этого срока испытуемый выполняет нужную для организации работу), и к трансакционным, поскольку в этот период происходит проверка способностей испытуемого.

Помимо предпринимательских издержек, связанных с выполнением совокупности обязательств перед работником, существуют издержки, обусловленные нарушением своих договорных обязательств самим работником. Это издержки, связанные с порчей имущества нанимателя работником, созданием работником угрозы морально-психологической стабильности трудового коллектива и др.

Работодатель несет ответственность и издержки не только за собственные действия в отношении работников, но и за действия своих подчиненных – менеджеров. Нарушение прав работников со стороны менеджеров среднего и высшего звеньев может стоить работодателю дополнительных затрат.

Возможности управления издержками соблюдения закона

Издержки соблюдения закона, являются объектом управления со стороны государства

и в какой-то мере субъекта, который их несет. Принимая те или иные трудовые стандарты, нормы, законодатель регулирует величину издержек, связанных с их соблюдением. Вот последние события в нормативном регулировании поведения экономических субъектов, оказывающих влияние на издержки их деятельности, а через это и на управление персоналом:

– с 1 января 2020 года, в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2019 № 463-ФЗ [10] и приказом Минтруда России, вступил в силу новый МРОТ – 12 130 руб., что устанавливает более высокий уровень трансформационных издержек;

– в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2019 № 216-ФЗ, организации грозят штрафы от 20 до 50 тыс. руб., а директору – от 7 до 10 тыс. руб. в том случае, если водители не будут делать перерывов на отдых во время пути; использование транспорта без тахографа при условии, что этот прибор обязателен, также грозит компании и директору штрафом [11];

– в 2020 году снимаются некоторые ограничения на использование труда визовых иностранцев. С этого года в Москве, Амурской области и Республике Бурятия строительные компании вправе трудоустраивать работников-иностранцев без учета допустимой доли, которая действовала в их отношении здесь ранее [12];

– с 1 января 2020 года все компании и ИП перешли на электронные трудовые книжки, что в перспективе сократит издержки делопроизводства в кадровых службах организаций;

– сокращение трансакционных трудовых издержек произойдет и при вступлении в силу законопроекта № 736455-7 (пока проходит первое чтение). Будет разрешен обмен электронными заявлениями и прочими документами, необходимыми для заключения трудового договора между работниками и работодателем (сейчас заявления в электронном виде принимаются лишь от дистанционных сотрудников).

В условиях сложной эпидемиологической ситуации весной-летом 2020 года появились новые нормы, существенно поднявшие из-

держки подчинения закону как работодателей, так и наемных работников.

Отдельная организация также может влиять на издержки соблюдения трудовых норм, соответствующих обязательств. Однако, ее возможности влияния, управления данными издержками ограничены и зависят от:

1) эффективности правоохранительной, судебной систем;

2) сложившихся в стране, бизнес-среде неписанных правил в отношении соблюдения норм трудового законодательства;

3) силы профсоюзов и других организаций, представляющих интересы работников (издержки соблюдения закона возрастают при сильных профсоюзах, в таком случае также затрудняется управление данными издержками);

4) традиций в отношении соблюдения норм коллективных трудовых соглашений.

Издержки подчинения работодателя одним обязательствам в трудовой сфере могут быть значительно выше, нежели другим. Все зависит от специфики предприятия, рынков, на которые оно выходит со своей продукцией, особенностей страны, ее традиций в отношениях работодателей и работников.

Оценивая свои возможности управления издержками соблюдения закона, работодателю следует принимать во внимание и величину затрат, которые требуются работнику для защиты своих прав в социально-трудовой сфере. Целесообразно оценивать саму вероятность защиты своих прав работником.

Работодателю целесообразно по каждой норме соотносить издержки ее соблюдения и то, во что обходится уход от выполнения данной нормы. В социально-экономической литературе получили распространение понятия «издержки нелегальности», «цена нелегальности». Имеются в виду издержки заключения и реализации соглашений вне правового поля. В структуру данных издержек включаются возможные санкции со стороны государственных органов, дополнительное время на согласование позиций сторон.

Практика нарушения работодателями трудового законодательства в России достаточно распространена. Основные нарушения касаются:

– практики приема работников (распространен прием на работу без официального оформления);

– вопросов увольнения сотрудников (незаконные увольнения);

– рабочего времени и времени отдыха, заключения и выполнения индивидуальных и коллективных трудовых договоров;

– оплаты труда.

Работодатели выдают зарплату «в конвертах», пытаются экономить на отчислениях в бюджет и фонды социального страхования. Во время испытательного срока нередко труд работников оплачивается не в полном объеме, что незаконно. В 90-е годы часто нарушалась норма о денежной форме оплаты труда: использовалась насильственная натуроплата. В условиях несовершенства российского законодательства 90-х годов XX столетия, отсутствия ясных, защищаемых законом прав, широкое распространение получили факты невыплаты, длительных задержек заработной платы работникам. Проблема нарушений со сроками выплаты зарплаты осталась и по сегодняшний день.

Сознательно идя на нарушение различных норм, работодатели стремятся сократить свои трудовые издержки на оплату труда, улучшение его условий и др. Источниками издержек нелегальности для работодателей могут быть иски работников в свою защиту, к примеру, в защиту своего права на своевременное получение зарплаты, а также штрафы. Так, ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях устанавливает различные размеры штрафов за уклонение организации от заключения трудового договора [13].

Ценой нелегальности может быть утрата репутации на рынке труда. В данном случае работодатель может потерять доверие потенциальных соискателей рабочих мест. Чтобы его вернуть, могут потребоваться дополнительные расходы. Однако такая утрата может оказаться и необратимой.

Заклячая соглашение вне правового поля, работодатель рискует тем, что работник может без особых последствий для себя отказаться от выполнения своих обязательств, что также следует включить в состав издержек нелегальности.

Случается, что нарушение одних норм трудового законодательства обходится, как правило, без последствий, а нарушение других – вообще недопустимо либо сопровождается высокими санкциями. Скажем, можно допускать отклонения от буквы закона в отношении сверхурочных работ, но отклонение от закона в вопросах увольнения может повлечь за собой разного рода издержки.

Издержки соблюдения иных социальных норм

Нормы права – лишь часть тех норм и правил, которые существуют в любом обществе. В каждом обществе, в каждой бизнес-среде существуют неписанные нормы, правила поведения, в т. ч. и в управлении персоналом. Издержки подчинения этим нормам в строгом смысле не являются издержками подчинения закону, но вместе с тем имеют с ними общие черты. Кроме того, затраты, которые несет предприниматель, подчиняясь неписаными правилам, позволяют ему оптимизировать издержки соблюдения закона. И наоборот, соблюдая закон, работодатель в большинстве случаев улучшает свои отношения с бизнес-средой.

Корпоративная культура, то есть нормы, действующие внутри компании также накладывают свой отпечаток на поведение работодателя и менеджеров. Последние могут быть поставлены перед необходимостью расходовать средства на проведение корпоративных вечеринок, празднование дней рождения сотрудников и т. п.

Необходимо заметить, что помимо юридических существуют еще и моральные обязательства работодателя перед работником. В известном смысле можно говорить об издержках, связанных с данными обязательствами. К примеру, работника, отдавшего несколько десятилетий работе на фирму, хозяин не увольняет, поскольку чувствует себя обязанным перед ним.

В данном случае следует выделять издержки подчинения обязательству сохранить рабочее место и сохранить занятость данному конкретному работнику на данное время занимающему это рабочее место. Обязательство сохранить рабочее место может обойтись работодателю в более высокую сумму, нежели обя-

зательство сохранить занятость данному работнику. В каком случае выгоднее ликвидировать неэффективное рабочее место, чем держать его ради того, чтобы не увольнять данного конкретного специалиста.

Говоря об издержках обеспечения прав сторон трудовых соглашений, следует заметить, что они различаются в зависимости от типа последних. В работах по институциональной экономике выделяются, в частности, классическое и имплицитное соглашения. Классическое трудовое соглашение может быть выбрано предприятием при развитом юридическом механизме применения санкций, ведь оно опирается на исключительно судебную процедуру защиты сторонами своих интересов. Поэтому чем эффективнее деятельность судебных органов, чем ниже издержки доступа к закону, тем привлекательнее классическое трудовое соглашение. Наоборот, при значительных издержках доступа к закону по сравнению с издержками нелегальных способов разрешения конфликтов оптимальным будет выбор имплицитного (неявного) соглашения, основанного на неписанных нормах, устных договоренностях работодателя и работника.

В странах, где деятельность судебной системы не отличается высокой эффективностью, издержки доступа к закону высоки, более привлекательным оказывается в ряде случаев имплицитное трудовое соглашение. Кроме того, устные договоренности работодателя и работника позволяют первому более гибко, без особых затрат реагировать на колебания рыночного спроса на его продукцию в трудовой сфере. Работодатель, скажем, может заключить устное соглашение с работником о том, что последний будет работать несколько дольше и интенсивнее, чем того требуют нормативные документы.

Преимущества имплицитного соглашения для работника обнаруживаются, в частности, тогда, когда выяснение того, были ли выполнены взятые работодателем на себя обязательства или нет, представляется сложным. Как проконтролировать положение соглашения о том, что работодатель будет продвигать работника по служебной лестнице по мере появления соответствующих вакансий и профессионального роста работника?

Необходимо также заметить, что не все стороны трудовых отношений регулируются законодательно, а также неписаными нормами. Например, в законодательстве России не существует обязательств какой-либо из сторон трудовых отношений инициировать коллективные переговоры. Работодатель может сознательно уклоняться от заключения коллективного договора, в котором предоставляются дополнительные льготы и гарантии к тем, которые уже предусматриваются существующим законодательством. Поэтому иногда коллективные договоры на предприятиях не заключаются, что, помимо прочего, позволяет работодателю экономить на соответствующей части издержек.

Измерение издержек соблюдения закона

Исследование издержек соблюдения закона в управлении персоналом предполагает их измерение. Конечно, больше всего методик такого измерения существует в отношении издержек защиты занятости [14]. На наш взгляд имеет смысл взглянуть на общеэкономические подходы к определению затрат соблюдения закона. При этом следует выделять статический и динамический аспекты вопроса. В отношении каждой нормы, каждого обязательства менеджменту целесообразно задавать вопрос, во сколько обходится соблюдение данной нормы: а) в условиях относительной внутриорганизационной стабильности; б) в условиях динамических внутриорганизационных изменений, изменений внешней среды функционирования организации.

Говоря о статическом аспекте вопроса, имеется в виду то, сколько стоит работодателю постоянное приспособление к трудовым нормам. Речь идет о ситуации, когда, во-первых, во внутриорганизационных, социально-трудовых отношениях изменений не происходит в течение более или менее продолжительного времени; во-вторых, изменений не претерпевает внешняя среда функционирования организации.

В условиях же динамичного изменения внешней среды предприятия могут появляться издержки вследствие замедления реакции работодателя на эти изменения. Могут потребоваться дополнительные затраты, связанные, к примеру, с необходимостью выплаты сред-

ней минимальной зарплаты. Соблюдение данной нормы в период резкого спада спроса на продукцию предприятия может выразиться в некупаемых затратах на оплату труда. Обязательство предварительно уведомлять работников и центр занятости о намечающемся увольнении не позднее чем за два месяца (в случае массовых увольнений – за три месяца) на практике может выразиться в необходимости держать какое-то время на работе и платить зарплату абсолютно ненужному специалисту. Право работника на получение уведомления об изменении оплаты труда не менее чем за 2 месяца ограничивает свободу и гибкость работодателя в приспособлении к динамично меняющимся технико-организационным, технологическим условиям производства, что также сопряжено с дополнительными издержками.

Некоторые издержки, связанные с соблюдением той или иной нормы, определить несложно. Речь идет, к примеру, о таких нормах, как ст. 152, 153 ТК РФ о двойной оплате работы в сверхурочное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. Издержки, связанные с выплатой выходного пособия при увольнении работника, также определяются без затруднений.

Следует заметить, что, в условиях относительно совершенных планирования и организации труда, отсутствия различных «сюрпризов» со стороны рынка сбыта, поставщиков ресурсов, организации стараются избегать использования сверхурочной деятельности сотрудников, их работы в праздничные и выходные дни, ночное время. Таким образом, отпадает или минимизируется необходимость в повышенной оплате труда в данное время.

Для определения значительной части издержек соблюдения закона необходимо изучение механизма трансформации различных ограничений, связанных с подчинением работодателя нормам и правилам, в его затраты.

Речь идет, например, о подчинении ст. 60 ТК РФ. Работодатель несет определенные издержки, обусловленные необходимостью подчинения ст. 60, которая запрещает ему требовать от специалиста выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. Данные издержки можно установить более или менее

приблизительно, исходя из: а) потерь, связанных с невыполнением соответствующей работы, которая могла бы быть сделана специалистом, на перевод которого существуют ограничения; б) издержек, обусловленных привлечением для выполнения соответствующей работы специалиста со стороны и т. д.

Или возьмем, к примеру, издержки, связанные с необходимостью заблаговременного сообщения работнику о его увольнении. Для определения данных издержек можно исходить из величины заработной платы и связанных с ней отчислений для оплаты труда работника, в котором отсутствует потребность; времени, в течение которого данного работника приходится держать; возможностей его использования в это время на другой работе.

Заслуживает внимания вопрос об издержках соблюдения нормы о выплате минимальной зарплаты. При установлении минимальной оплаты на уровне, превышающем равновесную величину для данного рынка труда и данной категории работников, издержками соблюдения закона является разница между централизованно установленной минимальной оплатой и равновесной оплатой. Есть различные причины того, почему владелец предприятия вынужден держать сотрудника, чья отдача ниже минимальной ставки оплаты: этот сотрудник – узкий специалист и есть надежда на то, что его в дальнейшем можно будет использовать продуктивно; нежелание нести издержки, в том числе и моральные, связанные с его увольнением и др.

Целесообразно также определять разницу между той суммой, которую готов и считает необходимым тратить работодатель на улучшение содержания труда, его условий, и той, которую требуют существующие нормы.

Работодателю и его управленцам целесообразно представлять себе стоимость обязательств, диктуемых теми нормами права, с соблюдением которых им приходится сталкиваться наиболее часто. Ниже приводится расчет стоимости обязательств, диктуемых ст. 72.2 ТК РФ. Этой статьей закрепляется порядок, при котором при переводе на нижеоплачиваемую работу за работниками сохраняется средний заработок по прежней работе.

Предположим, что работодатель вследствие производственной аварии вынужден был перевести на 6 рабочих дней 3 сотрудников на устранение последствий аварии, на выполнение функций, не требующих того уровня квалификации, навыков, которых требовала их основная работа. Разница между средним заработком на основной работе и на новой составила на весь период для первого работника 10 000 руб., для второго – 3 000 руб., для третьего – 2 000 руб. В результате общие расходы работодателя, связанные с соблюдением ст. 72.2 за период преодоления последствий аварии составили $10 + 3 + 2 = 15$ тыс. руб.

Издержки соблюдения закона несет и наемный специалист. Его трудовая деятельность должна отвечать должностной инструкции, правилам внутреннего трудового распорядка. Работник вынужден тратить усилия, время на повышение своей компетенции, получение свидетельств об образовании, переквалификации, что является необходимым условием для работы. Определенные усилия расходуются на адаптацию к требованиям нового рабочего места, соответствующим нормативным документам при смене работы. Неписанные правила поведения диктуют в ряде культур, в отношении ряда позиций, что соискатель должен оплатить свое трудоустройство в виде взятки, услуги.

Так же как и для работодателя, администрации организации, для наемного работника весьма актуален вопрос об издержках внелегальности. Скажем, с юридической точки зрения отсутствие легального трудоустройства работника в РФ не сопряжено со штрафами и другими санкциями. Тем не менее, издержки внелегальности в данном случае существуют. Это лишение права на пенсию по возрасту или ее части, невозможность получить оплачиваемые больничный или отпуск. Кроме того, если такой работник захочет получить официальный статус безработного, его пособие будет минимальным.

Выводы

В целом, издержки соблюдения закона составляют весомую часть затрат субъектов управления персоналом. Эта часть в условиях динамичных подвижек правовой системы РФ, различных форс-мажорных событий пре-

терпевает существенные изменения. Именно поэтому актуальным представляются дальнейшие исследования данных издержек. Перспективными направлениями могут стать исследо-

вание издержек соблюдения отдельных норм Трудового кодекса, анализ издержек соблюдения неписаных правил поведения в трудовой сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Posner R. (2014). *Economic Analysis of Law*. USA, New York, Wolters Kluwer Law and Business.
2. Shavell S. (2004). *Foundation of Economic Analysis of Law*. USA, Harvard, Harvard University Press.
3. Polinsky A. (2011). *An Introduction to Law and Economics*. USA, New York, Aspen Publishers.
4. Employment Protection Legislation: Strictness of employment protection legislation: regular employment (Edition 2019). In: OECD Employment and Labour Market Statistics. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/data/employment-protection-legislation/strictness-of-employment-protection-legislation-regular-employment_data-00318 (accessed 30.05.2020).
5. Мироненко О.Н. (2014). Факторы издержек защиты занятости для работодателей (эмпирическое исследование по межстрановой выборке предприятий) // Вопросы экономики. № 7. С. 127–143.
6. Протасова Е.Н. (2014). Трансакционные издержки на рынке труда: понятие, состав и значение // Перспективы науки. № 2 (53). С. 140–144.
7. Гиниева С., Долженко Р. (2014). Трудовые отношения с позиции трансакционных издержек // Известия УрГЭУ. № 5 (55). С. 11–17.
8. Трудовой Кодекс РФ 2020 // Гарант.Ру. URL: <https://vladrieltor.ru/trudovoykodeks> (дата обращения: 30.05.2020).
9. Норт Д. (1997). Институты, институцио-
нальные изменения и функционирование экономики. М. : ИНФРА-М.
10. О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» : Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 463-ФЗ // Гарант.Ру. URL: <http://base.garant.ru/73355387/> (дата обращения: 30.05.2020).
11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 26.07.2019 № 216-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329976/ (дата обращения: 30.05.2020).
12. Изменения в трудовом законодательстве с 2020 года // Система Главбух. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/98662-izmeneniya-v-trudovom-zakonodatelstve-2020> (дата обращения: 30.05.2020).
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2020) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.05.2020).
14. Мироненко О.Н. (2009). Влияние законодательства о защите занятости на рынок труда: опыт межстрановых сопоставлений. ВШЭ. Препринт WP15/2009/03. Серия WP15. URL: <http://docplayer.ru/32337366-O-n-mironenko-moskvagosudarstvennyu-universitet-vyssshaya-shkola-ekonomiki-2009.html> (дата обращения: 30.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мортиков Виталий Владимирович – доктор экономических наук, профессор; Луганский национальный университет имени Владимира Даля (91034, Луганск, квартал Молодежный, 20а); mvit2015@mail.ru.

COSTS OF COMPLIANCE WITH THE LAW IN PERSONNEL MANAGEMENT

V.V. Mortikov^{2a}

^aLugansk National University named after Volodymyr Dahl

ABSTRACT:

The theory of the costs of compliance with the law is developed. In their activities, organizations face various labor costs of compliance with the law. In particular, organizations are forced to comply with regulations designed to protect employees from layoffs. Managers monitor the information from the world of work published by regulators, predict changes in their obligations, and plan to adapt to them.

The labor costs of compliance with the law are the focus of representatives of institutionalism such as D. North, R. Posner, A. Polinsky, S. Shavell, an expert in the field of employment protection O. Mironenko, etc. However, modern management needs additional research on the costs associated with the implementation of various standards in the field of personnel management.

Our goal is to systematize the labor costs of complying with the law, analyze the transformation of certain obligations into costs, and evaluate some of them.

We consider the costs of compliance with the law in human resources management as a system. Classification of this system can be carried out on the basis of levels of the subject structure of subjects of management. Formal and informal, legal and extra-legal norms and the costs associated with them are an integral part of this system. One of the labor costs components of compliance with the law is transaction labor costs related to monitoring the fulfillment of various obligations, such as evaluating the performance of employees. The article also analyzes the transformational costs of complying with the law in the labor sphere.

We distinguish between manageable and unmanageable labor costs of compliance with the law. The role of cost management of compliance with the law in personnel management is revealed. The cost burden of complying with the law can be significant. One way to solve this problem is to rebalance the burden of obligations and costs between the employer and the employee by making appropriate regulatory changes.

The author draws attention to the problem of disobedience to the law and the costs associated with it. Fines and other penalties are compared to the labor costs of compliance with the law. Rational decisions should be made based on this comparison. The value of the assessment of labor costs of compliance with the law is determined. One of the methods for calculating such costs is proposed.

KEYWORDS: personnel management, costs of compliance with the law, cost management of compliance with the law, cost measurement of compliance with the law, cost transformation of compliance with the law, transaction of compliance with the law, extra-legal costs.

FOR CITATION: Mortikov V.V. (2020). Costs of compliance with the law in personnel management, *Management Issues*, no. 5, pp. 87–97.

REFERENCES

1. Posner R. (2014). *Economic Analysis of Law*. USA, New York, Wolters Kluwer Law and Business.
2. Shavell S. (2004). *Foundation of Economic Analysis of Law*. USA, Harvard, Harvard University Press.
3. Polinsky A. (2011). *An Introduction to Law and Economics*. USA, New York, Aspen Publishers.
4. Employment Protection Legislation: Strictness of employment protection legislation: regular employment (Edition 2019). In: OECD Employment and Labour Market Statistics. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/employment/data/employment-protection-legislation/strictness-of-employment->

²RSCI AuthorID: 1068039

protection-legislation-regular-employment_data-00318 (accessed 30.05.2020).

5. Mironenko O.N. (2014). Factors of employment protection costs for employers (an empirical study on a cross-country sample of enterprises), *Problems of Economics*, no. 7, pp. 127–143.

6. Protasova E.N. (2014). Transaction costs in the labor market: concept, composition and meaning, *Prospects for science*, no. 2 (53), pp. 140–144.

7. Ginieva S., Dolzhenko R. (2014). Labor relations from the standpoint of the transaction cost theory, *Izvestiya of USUE*, no. 5 (55), pp. 11–17.

8. Labor Code of the Russian Federation 2020. Garant.Ru. URL: <https://vladrieltor.ru/trudovoykodeks> (accessed 30.05.2020).

9. North D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow, INFRA-M.

10. On amendments to Article 1 of the Federal Law “On the Minimum Wage”, Federal Law No. 463-FZ dated December 27, 2019. Garant.Ru. URL: <http://base.garant.ru/73355387/> (accessed 30.05.2020).

11. On amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Federal Law No. 216-FZ dated July 26, 2019. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329976/ (accessed 30.05.2020).

12. Changes in labor legislation from 2020. Glavbuh system. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/98662-izmeneniya-v-trudovom-zakonodatelstve-2020> (accessed 30.05.2020).

13. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated 30.12.2001 (as amended on 24.04.2020) (as amended and supplemented, entered into force on 01.06.2020). Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed 30.05.2020).

14. Mironenko O.N. (2009). Impact of employment protection legislation on the labor market: experience of cross-country comparisons. HSE. Preprint WP15/2009/03. WP15 series. URL: <http://docplayer.ru/32337366-O-n-mironenko-moskvagosudarstvennyy-universitet-vyshshaya-shkola-ekonomiki-2009.html> (accessed 30.05.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Vitaliy V. Mortikov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Lugansk National University named after Volodymyr Dahl (20a, Molodezhny Quarter, Lugansk, 91034); mvit2015@mail.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Е.И. Васильева^{1а}, Т.Е. Зерчанинова^{2а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Проблема исследования. Статья посвящена исследованию проблем реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. В качестве примера рассматривается государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Цель исследования. Исследование направлено на анализ институциональных изменений государственной политики России в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и выявление барьеров, снижающих ее результативность.

Методология и методы. Методологическая база исследования представлена концепцией государственной политики, положениями институционального и системно-деятельностного подходов в государственном управлении, а также теорией и практикой программно-целевого управления. При проведении исследования использован комплекс количественных и качественных методов: анализ официальных документов, анализ контента официальных сайтов, анализ статистических данных, вторичный анализ результатов социологических опросов.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что содействие добровольному переселению соотечественников на территорию России является основным направлением для подавляющего большинства регионов России. В то же время выявлены проблемы, с которыми сталкиваются соотечественники при переселении: трудности при получении гражданства, жилищная проблема, проблема трудоустройства, проблема информированности о государственной поддержке. Доказана актуальность корректировки содержания и конкретных задач политики государства, ориентированных на взаимодействие с соотечественниками. Представляется важным продолжить исследования лучших практик реализации государственной политики в отношении соотечественников в субъектах Российской Федерации. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на федеральном и региональном уровнях.

Научная новизна. Выявлены институциональные основы государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и формальные институты (правовые нормы, формализованная структура и задачи) государственной поддержки соотечественников. Разработана концептуальная модель государственной политики поддержки соотечественников. Выявлены проблемы реализации государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соотечественники за рубежом, государственная политика, государственная поддержка, государственная программа, институциональный подход, концептуальная модель.

¹AuthorID РИНЦ: 215177

²AuthorID РИНЦ: 326908, ORCID: 0000-0002-1582-1982

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е. (2020). Институционализация и реализация государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы управления. № 5. С. 99–111.

Введение

В результате распада СССР миллионы русских людей оказались за пределами Российской Федерации. Многие из них испытали на себе различные формы дискриминации и давления по национальному признаку, что привело к миграционной волне среди русских на постсоветском пространстве. Это обстоятельство потребовало выработки в 90-е годы концептуальных и методологических основ государственной политики Российской Федерации в данной сфере. «Новые вызовы межнациональным и межгосударственным отношениям (грузино-осетинский конфликт 2008 г., украинский кризис с конца 2013 г. и др.) оставляют проблему поддержки соотечественников актуальной до сегодняшнего дня» [1, с. 28].

Зарубежный опыт реализации диаспоральной политики в разных странах показывает, что взаимодействие с соотечественниками трансформируется в соответствии с меняющимися политическими и социальными обстоятельствами, имеет реактивный и ситуативный, а в некоторых случаях эклектичный характер, обусловленный разными ведущими мотивами взаимодействия с целевыми группами. Однако, государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, за последние годы не претерпела принципиальных изменений, что порождает ряд проблем её реализации, влияющих на её результативность.

Цель исследования – проанализировать институциональные изменения государственной политики России в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и выявить проблемы, снижающие её результативность.

Теоретические основы, методология и методы исследования

Вопросам взаимодействия с соотечественниками в последнее время уделяется значительное внимание в *policy agenda* многих государств. Если в 80-х гг. XX века только 15–20 стран располагали каким-либо государственным органом или учреждением, отвеча-

ющим за работу с соотечественниками, то уже в 2014 году половина государств мира имела организации, занимающиеся данным направлением [2, с. 182]. Как отмечает П. Щедровицкий, «парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус мировой державы, стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах соотечественников, проживающих в других государствах, которыми для России являются те, кто добровольно относит себя к „Русскому миру“» [3].

В последнее время появляется все больше научных исследований российских ученых, посвященных положению соотечественников за рубежом [4] и вопросам реализации государственной политики в отношении соотечественников [1; 5]. Зарубежные исследователи также уделяют внимание положению диаспор и диаспоральной политике государства [2; 6; 7].

Методологическая база исследования представлена концепцией государственной политики, положениями институционального и системно-деятельностного подходов в государственном управлении, а также теорией и практикой программно-целевого управления.

Институциональный подход позволяет выявить совокупность норм, правил, регулирующих государственную поддержку соотечественников и деятельность организаций, реализующих государственную политику в отношении них. «Формальные институты утверждаются конкретными полномочными органами и фиксируются в качестве нормативно-правовых актов. В отличие от них, неформальные институты опираются на более широкое основание в виде культурных традиций и ценностей, которые связаны с воспроизведением устойчивых практик поведения» [8, с. 258]. Данное исследование посвящено формальным институтам, регулирующим государственную поддержку соотечественников. Это правовые нормы, закрепленные в законах Российской Федерации и её субъектов, в указах Президента РФ, в государственных программах и т. д.

Системно-деятельностный подход позволяет изучить конкретное содержание и направления деятельности органов государственной власти и организаций, комплекс конкретных мероприятий и действий, направленных на поддержку соотечественников. На основе данного подхода рассматривается концептуальная модель государственной политики поддержки соотечественников. Структура концептуальной модели представлена взаимосвязанными элементами: 1) субъекты, 2) объекты, 3) принципы, 4) цель, 5) средства и методы, 6) результаты.

В работе использованы следующие методы исследования:

1. Анализ официальных документов органов государственной власти Российской Федерации и её субъектов; нормативных правовых актов, относящихся к теме исследования; отчетных и аналитических документов органов государственной власти, реализующих государственную поддержку соотечественников.

2. Анализ информации и документов, размещенных на официальных сайтах организаций, осуществляющих поддержку, консолидацию и иные мероприятия в отношении соотечественников.

3. Анализ статистических показателей, характеризующих переселение соотечественников из-за рубежа.

4. Вторичный анализ результатов социологических исследований по теме исследования.

Становление государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом в 1990-е гг.

Первой программой, направленной на взаимодействие с соотечественниками, стала республиканская долгосрочная программа «Миграция» от 18 мая 1992 г. В ней были определены 32 благоприятных региона для компактного расселения беженцев из постсоветских стран [9].

В программе отмечалась «нецелесообразность расселения в сложившихся курортных зонах, на отдельных курортах, а также в населенных пунктах, имеющих статус памятников культуры и заповедных зон» [9].

Данным территориям предполагалось предоставление льгот финансово-кредитного ха-

рактера и целевое выделение финансовых и материально-технических ресурсов [9].

Основной объем полномочий был возложен на Федеральную миграционную службу и ее территориальные подразделения. На местные органы управления были возложены такие направления работы, как расселение переселенцев на территории и создание условий для их закрепления (например, предоставление жилья, предоставление земельных участков и т. п.). Пик миграционных процессов пришелся на период, когда не все субъекты имели представительства ФМС, были существенно ограничены федеральным законодательством и в финансовых средствах.

Таким образом, возможности регионов в содействии расселению и обустройству переселенцев учтены не были. В программе была заложена квота в 200 тыс. переселенцев в год, которая, уже к 1992 г. была превышена в несколько раз. В этих условиях на местах были вынуждены решать проблему массового притока беженцев и вынужденных переселенцев «своими силами». Низкое качество миграционного законодательства приводило к затягиванию процесса легализации переселенцев в России, приводило к росту коррупции в данной сфере, и, как следствие, возвратной миграции. Отсутствие легального статуса делало невозможным получение данными лицами дальнейшей помощи в переселении и адаптации на новой территории. В результате люди были вынуждены покидать территорию России, так и не получив никакой помощи, или оставаться на нелегальном положении, не имея возможности получать государственные и муниципальные услуги. Альтернативные федеральным инструменты поддержки регионы предложить не могли, что было вызвано дотационным характером региональных и местных бюджетов. Также следует отметить низкую активность переселенческих организаций в работе с мигрантами в данный период.

В 1994 году была принята Федеральная миграционная программа, которая расширила перечень относительно благоприятных для переселения территорий до 40 регионов [10]. При этом выделялись недостатки территории вселения, например, сложная социальная

ситуация, недостаток производственных площадей, экологическое неблагополучие и т. д. Кроме того, максимально возможное количество переселенцев ставилось в прямую зависимость от численности населения в регионе (не более 10 %, а в условиях социально-экономического кризиса эту максимальную величину предлагалось уменьшить, по крайней мере, в 2–3 раза).

Статистика за 1992–1996 гг., указанная в Федеральной миграционной программе, свидетельствует о том, что основной поток переселенцев пришелся на Северо-Кавказский и Поволжский макрорегионы – 242,8 и 206,7 тыс. чел. соответственно [11]. То есть за 4 года в эти регионы в совокупности переехало почти полмиллиона человек, и, как следствие, произошел «подъем сельского хозяйства в указанных регионах» [12]. Положительное влияние переселения соотечественников на демографическое положение наблюдалось и в других регионах. Однако, миграционная ситуация 1990-х гг. привела к увеличению нагрузки на регионы в условиях отсутствия необходимых механизмов ее обеспечения. В этот период складываются характерные черты российской миграционной политики: правоохранительно-карательный, централизованный, бюрократизированный.

К 2000 году доля русских среди мигрантов снизилась: в 1993 году она составляла 76 %, а в 2000 – уже 55 % [13, с. 143]. Таким образом, можно сделать вывод, что все чаще в качестве переселенцев стали выступать трудовые мигранты, что породило процесс культивирования угроз и рисков, связанных с миграцией, рост «мигранто- и этнофобии, которой государство ничего практически не противопоставляло» [12].

Таким образом, после распада СССР поддержка соотечественников не относилась к приоритетным направлениям внешней политики России в отношении новых государств, появившихся на постсоветском пространстве. В этой связи государственная политика в отношении соотечественников вызывала разочарование.

С приходом В. В. Путина изменилось отношение к роли соотечественников. Потенциал русской диаспоры в странах СНГ стал

рассматриваться как значимый ресурс для решения демографических проблем. В 2001 году, выступая на первом Всемирном конгрессе российских соотечественников, В. В. Путин заявил, что «Россия заинтересована в возвращении соотечественников из-за рубежа» [14].

Государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом на современном этапе

В 1999 году был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (99-ФЗ). «Таким образом, правовой статус российских соотечественников за рубежом становится объектом государственной деятельности (следовательно, правового регулирования, государственного управления, прокурорского надзора, судебной защиты) и, одновременно с этим, предметом государственной политики» [15, с. 83].

Согласно 99-ФЗ, «государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников является составной частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность правовых, дипломатических, социальных, экономических, организационных мер, мер в области информации, образования, культуры и иных мер... для претворения в жизнь принципов и целей, установленных настоящим Федеральным законом» [16].

Проанализировав институциональные основы государственной политики поддержки соотечественников, перейдем к ее концептуальной модели, сформировавшейся в России на настоящее время (рис. 1).

В 2006 г. была разработана государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [17]. Во многом предусмотренная система механизмов реализации программы была основана на принципах, заложенных еще в 1990-е годы.

Государственная политика в отношении соотечественников разрабатывается и реализуется на двух уровнях управления – федеральном и региональном. Миграционное направление является одним из основных в регио-

Рисунок 1 – Концептуальная модель государственной политики поддержки соотечественников [16]

Figure 1 – Conceptual model of state policy to support compatriots [16]

нальной деятельности по поддержке соотечественников, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. Региональная активность по данному направлению проводится по линии реализации программы. Следует отметить, что в выстроенной системе механизмов ее реализации частично был учтен опыт 1990-х гг.

Государственная политика в отношении соотечественников на современном этапе включает два основных направления:

- 1) содействие добровольному переселению соотечественников на территорию России;
- 2) социально-гуманитарное сотрудничество с соотечественниками за рубежом.

Рассмотрим первое направление, так как именно оно является основным в большинстве субъектов РФ.

Реализация государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом

В настоящее время механизм реализации программы отработан и действует успешно. По состоянию на 1 января 2020 года, 76 субъектов Российской Федерации в 8 федеральных округах принимали участие в реализации про-

граммы. В 2019 году на территорию РФ переселилось 108,5 тыс. соотечественников (рис. 2).

«Всего в 2019 году от соотечественников принято 65,1 тыс. заявлений (на 153,3 тыс. чел.), из них 51,5 % – за рубежом (33,5 тыс. шт. на 87,6 тыс. чел.), 48,5 % – на территории Российской Федерации (31,6 тыс. шт. на 65,7 тыс. чел.)» [19]. По сравнению с 2018 г., данный показатель ниже на 7 %, однако возрастает доля заявителей, подавших заявления в уполномоченные органы, расположенные в иностранных государствах [19].

«При этом соотечественники в качестве постоянного места жительства в основном выбирали субъекты Российской Федерации, расположенные в Центральном, Сибирском и Уральском федеральных округах, которые совместно в отчётном квартале приняли 68 % всех переселенцев. Среди регионов в IV квартале 2019 года наибольшее число участников Государственной программы и членов их семей приняли Тульская (2,31 тыс. чел.), Калужская (1,98 тыс. чел.), Челябинская (1,97 тыс. чел.), Новосибирская (1,60 тыс. чел.), Липецкая (1,25 тыс. чел.), Омская (1,06 тыс. чел.), Воронежская (1,06 тыс. чел.), Свердловская (1,04 тыс. чел.), Калининградская (0,84 тыс. чел.) и Кемеровская (0,72 тыс. чел.) области» [19].

Наименьшая доля вселений приходится на Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральный округа. С 1 января 2020 года к территориям приоритетного заселения будут отнесены субъекты РФ, входящие исключительно в состав Дальневосточного федерального округа. Тем не менее, доля переселенцев в ДФО остается по-прежнему низкой.

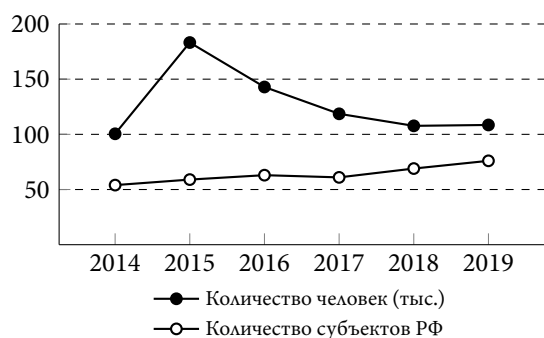

Рисунок 2 – Показатели реализации программы за 2014–2019 гг. [18]

Figure 2 – Indicators of program implementation for 2014–2019 [18]

Наибольшее количество переселенцев составляют граждане «Казахстана (31 %), Таджикистана (22,8 %), Армении (11,9 %), Узбекистана (8 %), Молдавии (8,1 %), Украины (5,8 %)» [19]. Вместе с тем, граждане Украины составили 30,3 % всех переселенцев за 2014–2019 годы.

Большой привлекательностью для переселенцев обладают промышленно-развитые территории. Основная часть переселенцев переезжает жить в городскую местность; на сельские территории приходится только 24,9 % участников программы [19]. Таким образом, программа не решает проблему сокращения численности населения, проживающего в сельских территориях.

Лучшая практика реализации программы переселения предусматривает трудоустройство каждого её участника, а при желании и возможности – трудоспособных членов их семей. Для этого формируется банк вакантных рабочих мест для трудоустройства переселенцев, сведения из которого ежемесячно размещаются на сайте региональных органов управления и представляются в МИД России и Управление МВД России для информирования. Положительное решение о приеме соотечественника принимается межведомственной комиссией территории вселения и уполномоченным органом на основании критериев отбора участников программы в соответствии с информацией об образовании, опыте работы соотечественника и варианте трудоустройства в территории вселения. Помимо осуществления трудовой деятельности в качестве наемных работников статус переселенца могут получить лица, являющиеся индивидуальными предпринимателями, а также студенты. Таким образом, помощь в трудоустройстве участников программы и членов их семей имеет большое значение с точки зрения её результативности и позволяет снизить возвратную миграцию среди её участников.

Проблемы реализации государственной политики в отношении соотечественников

С момента принятия в программу регулярно вносились изменения, которые способствовали её качественному улучшению. Однако еще остаются недоработки, снижающие результативность проводимой политики.

Прежде всего, необходимо отметить, что интенсивность региональной активности в реализации государственной политики в отношении соотечественников зависит от наличия финансовых ресурсов. В связи с ростом демографических проблем именно направление переселения соотечественников становится приоритетом региональной политики. Вопросы социально-гуманитарного сотрудничества являются приоритетом только у Москвы. Таким образом, преобладающим является именно «ресурсный» подход к соотечественникам. Вместе с тем, на наш взгляд, переселение соотечественников из других стран не должно рассматриваться как способ решения демографических проблем и проблем социально-экономического развития территорий. Вместо этого необходимо повышать привлекательность регионов для местного населения.

Сокращение численности трудоспособного населения приводит к усилению потребности регионов страны в квалифицированных кадровых ресурсах.

Например, в Красноярском крае «нужны не только высококвалифицированные и квалифицированные работники, но и люди рабочих профессий» [20]. Мурманская область «испытывает дефицит квалифицированных кадров инженерно-технического профиля, строительных и общепромышленных специальностей, жилищно-коммунального хозяйства (арматурщики, бетонщики, каменщики, монтажники, электромонтеры, слесари, сварщики различных специализаций, инженеры и техники), работников общепита (повара, пекари), судоремонта (судокорпусники-ремонтники, слесари-судоремонтники). Востребованы также работники сферы здравоохранения и образования: врачи различной специализации, медицинские сестры, преподаватели-преподаватели и учителя начальных классов» [21].

Однако переселенцы зачастую сталкиваются с проблемами при трудоустройстве. Интересными являются результаты социологического опроса 100 участников программы, переселившихся в сибирские регионы: «абсолютное большинство участников опроса трудоустроились без содействия государственных органов (61,44 % не обращались в ком-

петентные органы, 28,91 % обращались, однако трудоустройство произошло без их содействия)... Кроме того, половина опрошенных (50,6 %) говорили о том, что работодатель предпочитает нанять гражданина России, а не переселенца» [22, с. 36]. То есть еще одна важная проблема – неинформированность работодателей о статусе соотечественников. Местное население и работодатели не отличают соотечественников от трудовых мигрантов, что необходимо преодолевать как на региональном, так и на федеральном уровнях.

В этих условиях растет численность тех, кто переселяется в Россию вне программы. «Согласно статистике, миграционный прирост населения в 2019 году составил 285 792 чел. ... При этом основной поток составляют граждане бывших советских республик. Баланс по ним составил 256 434 человека, по сравнению с 29 358 человек из дальнего зарубежья» [23]. При этом участниками программы стали только 153,3 тыс. чел. [19].

Основной проблемой для переселенцев является жилищный вопрос. О возможностях решения данной проблемы в Красноярском крае рассказал в интервью журналу «Русский век» В. Н. Катречко, начальник УФМС России по Красноярскому краю: «Хочу сразу отметить, что программой не гарантируется обеспечение жильем помещениями участников Госпрограммы и членов их семей.

Жилищное обустройство соотечественников, прибывших в край на постоянное место жительства, предполагается в два этапа. На этапе временного размещения в местах вселения им оказывается содействие по аренде жилья на вторичном рынке, обеспечению местами в общежитиях, гостиницах, а также предоставлению служебного жилья работодателем... В сельской местности предполагается выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, содействие приобретению стройматериалов... Также предполагается оказывать содействие в погашении основного долга по кредитам на приобретение жилья, в том числе выкуп доли, строительство или долевое участие в строительстве квартиры, дома (части дома)» [20].

Как свидетельствуют научные исследования, именно жилищная проблема является од-

ной из наиболее актуальных для переселенцев [24, с. 140]. В этой связи органы местного самоуправления могли бы активизировать работу по принятию на учет бесхозных объектов недвижимого имущества, занесения их в единую региональную базу для выбора для потенциальных переселенцев.

Важным аспектом реализации программы является расширение её информационного сопровождения. Соотечественники могут получить информацию от органов государственной власти, через СМИ. Согласно результатам опроса участников программы, переселившихся в сибирские регионы, «22,89 % участников опроса отмечали как недостаток сведений в указанных источниках, так и трудности в поиске информации. В связи с этим необходима, с одной стороны, интенсификация информирования о программе по всем возможным каналам (через интернет-порталы, периодическую печать, теле- и радиопередачи, представительства компетентных органов за рубежом), а также расширение информационных блоков о территориях вселения и условиях участия в программе» [22, с. 36].

В этой связи целесообразно агрегировать информацию по всем субъектам РФ в рамках единого проактивного сервиса, предоставляющего развернутую информацию в зависимости от запроса пользователя и его характеристик: уровня образования, профессии, возраста и пр. Создание данного онлайн-сервиса актуально в связи с тем, что многие выбирают регион вселения, находясь за пределами России, а проблема отсутствия четкой, понятной, доступной информации является одной из основных [24, с. 140].

Одной из проблем является также то, что ни на региональном, ни на федеральном уровне нет единого органа, отвечающего за реализацию государственной политики в отношении соотечественников, при этом функционируют межведомственные комиссии. «Идея о необходимости формирования единого компетентного органа неоднократно выдвигалась как научным сообществом, так и представителями органов власти, однако до сегодняшнего дня он так и не был создан» [1, с. 30].

Сложность и разноплановость треков получения гражданства и оформления на ра-

боту иммигрантов также снижает эффективность реализации программы. Только в 2020 году были приняты изменения, которые существенным образом упростят получение гражданства соотечественников. Таким образом, более 30 лет Россия фактически игнорировала свой статус как правопреемницы СССР, распространяя на значительную часть мигрантов из СНГ те же требования к оформлению пребывания, что и на иммигрантов из других стран.

Несмотря на переселение сотен тысяч людей, малое и незначительное внимание уделяется адаптации и ассимиляции мигрантов в территории вселения. Параллельно не проводится никакой работы с россиянами относительно их отношения к переселенцам. Согласно результатам проведенного 12–13 июля 2014 г. опроса ВЦИОМ о поддержке вынужденных переселенцев с Украины, «половина россиян (50 %) ратует за то, чтобы российские власти обеспечили украинских беженцев всем необходимым и создали условия для проживания в нашей стране... 39 % опрошенных считают правильным, чтобы беженцы были отправлены на Украину, однако лишь после того, как там сложатся нормальные условия для их жизни» [25]. Таким образом, отношение россиян к переселенцам является амбивалентным даже к максимально этнически близким жителям Украины. Следовательно, целесообразно было бы усилить работу по повышению уровня толерантности к соотечественникам, переселяющимся из-за рубежа, их адаптации на территории вселения, особенно в сельской местности, поскольку жители крупных городов относятся к мигрантам более толерантно [25].

Заключение

В статье были проанализированы институциональные основы и концептуальная модель государственной политики в отношении соотечественников, сформировавшаяся в России на настоящее время.

Проведенный анализ институционализации и реализации государственной политики в отношении соотечественников позволил сделать следующие выводы.

1. Государственная политика поддержки соотечественников основана на принципах, заложенных еще в 1990-е гг. и включает два про-

тивоположных направления: содействие добровольному переселению соотечественников на территорию России и социально-гуманитарное сотрудничество с соотечественниками за рубежом.

2. Миграционное направление политики по поддержке соотечественников является основным для большинства регионов России. Это объясняется тем, что соотечественников рассматривают в качестве ресурса для решения региональных проблем (проблемы убыли населения, старения населения, диспропорций рынка труда). Вместе с тем, на наш взгляд, переселение соотечественников из других стран не должно рассматриваться как способ решения демографических проблем и проблем социально-экономического развития территорий. Вместо этого необходимо повышать привлекательность регионов для местного населения.

3. В целом растет количество соотечественников, участвующих в программе, увеличивается и количество участников, переселяющихся в сельскую местность. Сокращение, происходящее в последние годы, обусловлено сокращением миграции с территории Украины.

4. Привлечение востребованных экономикой региона квалифицированных специалистов разного профиля из-за рубежа и переселение их на постоянное место жительства в Россию является одним из важнейших источников развития человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост как страны в целом, так и отдельных регионов.

5. Выявлены проблемы, с которыми сталкиваются соотечественники при переселении: трудности при получении гражданства, жилищная проблема, проблема трудоустрой-

ства, проблема информированности о государственной поддержке и др.

6. Доказана актуальность корректировки содержания и конкретных задач политики государства, ориентированных на взаимодействие с соотечественниками.

7. В региональных программах недостаточно учтена специфика субъектов РФ. Поэтому необходимо привести их содержание в соответствие с социально-экономическим положением субъектов РФ.

8. Несмотря на то, что наиболее актуальной является проблема недостатка квалифицированных кадров в сельской местности, по-прежнему доминирует переселение соотечественников в города. Представляется необходимым усилить направленность программы в этой части, прежде всего, за счет включения в программу органов местного самоуправления и предоставление им целевых субвенций на данное направление работы.

9. Необходимо повысить уровень информированности соотечественников о возможностях, которые предоставляют региональные программы переселения.

10. Рекомендуется усилить работу среди местного населения территории вселения, а также работодателей по разъяснению статуса соотечественников, их отличий от трудовых мигрантов, а также по повышению уровня толерантности к соотечественникам, переселяющимся из-за рубежа, их адаптации на территории вселения, в целях профилактики социальных конфликтов.

11. Предлагается изучить и распространить лучшие практики реализации государственной политики в отношении соотечественников в субъектах Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безгачева В.В. (2016). Государственная политика Российской Федерации по поддержке зарубежных соотечественников: содержание и механизмы реализации (на примере Сибирского федерального округа в 2000-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 411. С. 28–33.

2. Gamlen A. (2014). Diaspora Institutions and Diaspora Governance, *International Migration Review*, vol. 48, pp. 180–217.

3. Кто и что стоит за доктриной Русского Мира? Интервью с П. Щедровицким // Русский Архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-doctrina (дата обращения: 24.04.2020).

4. Герасимова В.А. (2019). Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. Т. 2. № 1. С. 904–921.

5. Тарханова Э.И. (2016). Эволюция и основные направления оптимизации политики Рос-

сийской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы политологии. № 4 (24). С. 106–123.

6. Ragazzi F. (2014). A Comparative Analysis of Diaspora Policies, *Political Geography*, vol. 41, pp. 74–89.

7. Kovács E. (2017). Post-Socialist Diaspora Policies: Is There a Central-European Diaspora Policy Path? *Hungarian Journal of Minority Studies*, vol. I, pp. 89–109.

8. Дуран Т.В., Костина Н.Б. (2018). Качество среднего профессионального образования в условиях трансформации: институциональный подход к исследованию // Вопросы управления. № 6. С. 257–263.

9. О республиканской долговременной программе «Миграция» : Постановление Правительства Российской Федерации от 18 мая 1992 г. № 327. Документ утратил силу // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901608017> (дата обращения: 07.04.2020).

10. О Федеральной миграционной программе : Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668. Документ утратил силу // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.04.2020).

11. О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 гг. : Постановление Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414 // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9052544> (дата обращения: 09.03.2017).

12. Евменова О.Н. Государственное регулирование миграционной политики в 1991–2005 гг. на территории Российской Федерации // Конкурс молодых историков «Наследие предков – молодым». URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1030-gosudarstvennoe-regulirovanie-migratsionnoj-politiki-v-1991-2005-gg-na-territorii-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 20.07.2020).

13. Население России – 2002. (2004). Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М. : КДУ. 223 с.

14. Выступление Президента России Владимира Путина на Первом Всемирном конгрессе российских соотечественников // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira/> (дата обращения: 20.07.2020).

15. Меркулова А.П. (2013). Конституционно-правовая характеристика государственной политики Российской Федерации в отношении со-

отечественников за рубежом // Современное общество и право. № 1 (10). С. 77–90.

16. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.07.2020).

17. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.07.2020).

18. Мониторинг Государственной программы // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring (дата обращения: 27.05.2020).

19. Мониторинг Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2019 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1755550> (дата обращения: 09.03.2020).

20. Блохина В. (2011). Мы рады принимать соотечественников // Русский век. № 3. URL: https://www.ruvek.ru/publications/my_rady_prinimat_sootechestvennikov_5357/ (дата обращения: 20.06.2020).

21. Бережнова А. (2019). В поисках лучших возможностей // Русский век. № 3. URL: https://www.ruvek.ru/publications/v_poiskakh_luchshikh_vozmozhnostey_11465/ (дата обращения: 14.04.2020).

22. Безгачева В.В. (2016). Государственная программа по добровольному переселению в Россию соотечественников глазами переселенцев в 2000-е гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. № 406. С. 33–39.

23. В 2019 году число мигрантов из стран СНГ в Россию удвоилось // Информационное агентство «Красная весна». URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Frossaprimavera.ru%2Fnews%2Fe0fc860b> (дата обращения: 20.07.2020).

24. Стегний В.Н., Антипов К.А. (2015). Проблемы адаптации беженцев из Украины в России // Власть. Т. 23. № 6. С. 138–145.

25. ВЦИОМ: 14 % опрошенных россиян уже

в той или иной форме принимают участие в помощи беженцам с Украины // Информационное

агентство «Амител». URL: <https://www.amic.ru/news/275042/> (дата обращения: 20.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Васильева Елена Игоревна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); vasilyeva-ekb@yandex.ru.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (660020, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); zerchaninova-te@ranepa.ru.

INSTITUTIONALIZATION AND IMPLEMENTATION OF PUBLIC POLICY TOWARDS COMPATRIOTS LIVING ABROAD

E.I. Vasileva^{3a}, T.E. Zerchaninova^{4a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The problem of the study. The article is devoted to the study of the problems of implementing public policy towards compatriots abroad. As an example, we consider the national program to assist in the voluntary relocation of compatriots living abroad to the Russian Federation.

Purpose of research. The research is aimed at analyzing institutional changes in Russia's public policy towards compatriots living abroad and identifying barriers that reduce its effectiveness.

Methodology and methods. The methodological base of the research is represented by the concept of public policy, the provisions of institutional and system-activity approaches in public administration, as well as the theory and practice of program-oriented management. The research uses a set of quantitative and qualitative methods: analysis of official documents, analysis of the content of official websites, analysis of statistical data, secondary analysis of the results of sociological surveys.

Research result. As a result of the study, it was found that the promotion of voluntary resettlement of compatriots to the territory of Russia is the main focus for the vast majority of Russian regions. At the same time, the problems faced by compatriots during relocation were identified: difficulties in obtaining citizenship, housing problems, employment problems, and awareness of public support. The relevance of adjusting the content and specific tasks of public policy focused on interaction with compatriots is proved. It is important to continue research on the best practices of implementing public policy towards compatriots in the constituent entities of the Russian Federation. The results of the study can serve as a basis for improving public policy towards compatriots living abroad at the Federal and regional levels.

Scientific novelty. The author reveals the institutional foundations of public policy towards compatriots living abroad, and the formal institutions (legal norms, formalized structure and tasks) of public support for compatriots. A conceptual model of public policy of support for compatriots has been developed. The problems of implementing the public policy towards compatriots living abroad are revealed.

FUNDING: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-011-00760.

KEYWORDS: compatriots living abroad, public policy, public support, national program, institutional approach, conceptual model.

³RSCI AuthorID: 215177

⁴RSCI AuthorID: 326908, ORCID: 0000-0002-1582-1982

FOR CITATION: Vasileva E.I., Zerchaninova T.E. (2020). Institutionalization and implementation of public policy towards compatriots living abroad, *Management Issues*, no. 5, pp. 99–111.

REFERENCES

1. Bezgacheva V.V. (2016). State policy of the Russian Federation to support foreign compatriots: content and implementation mechanisms (on the example of the Siberian Federal District in the 2000s), *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 411, pp. 28–33.
2. Gamlen A. (2014). Diaspora Institutions and Diaspora Governance, *International Migration Review*, vol. 48, pp. 180–217.
3. Who and what is behind the doctrine of the Russian World? Interview with P. Shchedrovitsky, *Russian Archipelago*. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-doctrina (accessed 24.04.2020).
4. Gerasimova V.A. (2019). Russian compatriots abroad, *Post-Soviet studies*, vol. 2, no. 1, pp. 904–921.
5. Tarkhanova E.I. (2016). Evolution and the main directions of optimization of the policy of the Russian Federation in relation to compatriots living abroad, *Questions of political science*, no. 4 (24), pp. 106–123.
6. Ragazzi F. (2014). A Comparative Analysis of Diaspora Policies, *Political Geography*, vol. 41, pp. 74–89.
7. Kovács E. (2017). Post-Socialist Diaspora Policies: Is There a Central-European Diaspora Policy Path? *Hungarian Journal of Minority Studies*, vol. I, pp. 89–109.
8. Duran T.V., Kostina N.B. (2018). Quality of secondary professional education in the conditions of transformation: institutional approach to research, *Management Issues*, no. 6, pp. 257–263.
9. On the republican long-term program “Migration”, Decree of the Government of the Russian Federation No. 327 dated May 18, 1992. The document is no longer valid. Consortium Code. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901608017> (accessed 07.04.2020).
10. On the Federal Migration Program, Decree of the President of the Russian Federation of August 9, 1994, no. 1668. The document is no longer valid. ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 07.04.2020).
11. On the Federal Migration Program for 1998–2000, Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1414 dated November 10, 1997. Consortium Code. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9052544> (accessed 09.03.2017).
12. Evmenova O.N. State regulation of migration policy in 1991–2005 on the territory of the Russian Federation. Competition of young historians “Heritage of the ancestors – to the young.” URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1030-gosudarstvennoe-regulirovanie-migratsionnoj-politiki-v-1991-2005-gg-na-territorii-rossijskoj-federatsii> (accessed 20.07.2020).
13. Vishnevsky A.G. (ed.) (2004). Population of Russia – 2002. Tenth Annual Demographic Report. Moscow, KDU, 223 p.
14. Speech by Russian President Vladimir Putin at the First World Congress of Russian Compatriots. World Coordination Council of Russian Compatriots Living Abroad. URL: <http://vksrs.com/publications/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira/> (accessed 20.07.2020).
15. Merkulova A.P. (2013). Constitutional and legal characteristics of the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad, *Modern society and law*, no. 1 (10), pp. 77–90.
16. On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad, Federal Law No. 99-FZ dated May 24, 1999. Consultant-Plus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 20.07.2020).
17. On measures to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad, Decree of the President of the Russian Federation No. 637 dated June 22, 2006. Consultant-Plus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 20.07.2020).
18. Monitoring of the State Program. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://mv.d.rf/mvd/structure1/Glavnije_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring (accessed 27.05.2020).
19. Monitoring of the State Program for Assisting the Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad in the Territories of Settlement of the Subjects of the Russian Federation in the IV quarter of 2019. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1755550> (accessed 09.03.2020).
20. Blokhina V. (2011). We are glad to receive compatriots, *Russian age*, no. 3. URL: https://www.ruvek.ru/publications/my_rady_prinimat_sootechestvennikov_5357/ (accessed 20.06.2020).

21. Berezhnova A. (2019). In search of the best opportunities, *Russian age*, no. 3. URL: https://www.ruvek.ru/publications/v_poiskakh_luchshikh_v_ozmozhnostey_11465/ (accessed 14.04.2020).

22. Bezgacheva V.V. (2016). State program for the voluntary resettlement of compatriots to Russia through the eyes of settlers in the 2000s (on the example of the regions of the Siberian Federal District), *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 406, pp. 33–39.

23. In 2019, the number of migrants from the CIS countries to Russia doubled. Information Agency

“Red Spring”. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Frossaprimavera.ru%2Fnews%2Fef0fc860b> (accessed 20.07.2020).

24. Stegny V.N., Antipiev K.A. (2015). Problems of adaptation of refugees from Ukraine to Russia, *Power*, vol. 23, no. 6, pp. 138–145.

25. Russian Public Opinion Research Center: 14 % of the Russians surveyed are already taking part in one form or another in helping refugees from Ukraine. Information Agency “Amitel”. URL: <https://www.amic.ru/news/275042/> (accessed 20.07.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Elena I. Vasileva – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); vasilyeva-ekb@yandex.ru.

Tatiana E. Zerchaninova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 660020, Russia); zerchaninova-te@ranepa.ru.

ИВЕНТМЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ПРОДВИЖЕНИИ ИМИДЖА РЕГИОНА

С.Н. Большаков^{1а}, Ю.М. Большакова^{2а}, О.Д. Притула^б

^аЛенинградский государственный университет имени А. И. Пушкина

^бРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования обуславливается необходимостью оценки процессов региональной идентичности, имиджа регионов и конструирования имиджа средствами событийного маркетинга, использования инструментов имиджмейкинга и имиджмаркетинга в продвижении региона. Региональная идентичность является предпосылкой построения имиджа, регионы все чаще используют инструменты территориального маркетинга для продвижения на национальном и международном уровне.

В статье анализируются проблемы конструирования имиджа региона, теоретические и методологические аспекты формирования имиджа региона. В статье на примере Санкт-Петербурга предлагается конкретный набор событийных мероприятий, продвигающих комплексный потенциал региона. В статье раскрываются проблемы ивентменеджмента в продвижении имиджа региона. Раскрываются основные стратегические цели PR-кампании и ожидания целевых групп.

Актуальность исследования также определяется необходимостью раскрытия имиджевого потенциала региона, что определяется количеством и качеством коммуникаций, информационного сопровождения событий, информации, распространяемой от имени региона и о нём во внешних коммуникативных средах.

Целью исследования является анализ и оценка процессов конструирования региональной идентичности и имиджа регионов средствами и инструментами ивентменеджмента и событийного маркетинга.

Методами исследования является структурно-функциональный анализ, контент-анализ, вторичный анализ социологических данных.

Научная новизна заключается в раскрытии опыта региона – г. Санкт-Петербурга – в создании и реализации ряда событийных мероприятий международного уровня, анализа регионального опыта формирования имиджа, продвижения ценностей региона. Результаты исследования позволяют говорить об успешном ивентменеджменте, наличии стратегических установок в реализации коммуникационной концепции продвижения региона среди целевых аудиторий. Менеджмент мероприятий для имиджмейкинга территории достаточно сложный процесс, в котором принимают участие все локальные сообщества региона и страны в целом. Достоинства города Санкт-Петербурга как региона рассматриваются рефреном для специальных событий в контексте культурно-исторического наследия.

Результаты исследования показывают, что имидж региона является базовым элементом его стратегического публичного капитала, оказывающего влияние на совокупность процессов функционирования региона во внешнем пространстве, в международных отношениях, в мировой экономике и т. д.

¹AuthorID РИНЦ: 277851, ORCID: 0000-0002-4884-2077, ScopusID: 56809171300, ResearcherID: G-1913-2014

²ORCID: 0000-0001-5951-416X, ScopusID: 56993943400

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная идентичность, ивентменеджмент, имидж региона, PR-компаний.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Большаков С.Н., Большакова Ю.М., Притула О.Д. (2020). Ивентменеджмент как инструмент формирования региональной идентичности и его роль в продвижении имиджа региона // Вопросы управления. № 5. С. 112–120.

Актуальность исследования

Развитие регионов сегодня – это постоянный поиск новых идей, разработка проектов, программ и стратегий, конструирование схем управления региональными процессами.

Имидж региона или территории – это целенаправленно конструируемый образ той или иной территории с определенным эмоционально-психологическим воздействием на группы общественности.

К. Циммербауэр пишет, что идея институционализации региона и формирования региональной идентичности происходит путем создания регионального имиджа [1]. Таким образом, идентичность и имидж рассматриваются как взаимосвязанные как концептуально, так и в повседневной практике регионального развития, что способствует росту конкурентоспособности региона. Региональная идентичность является предпосылкой успешного построения имиджа, но регионы все чаще продвигаются за своими пределами, хотя они также становятся узнаваемыми на национальном и международном уровне в рамках такого процесса институционализации, жители региона идентифицируют себя с соответствующим образом (например: «москвичи», «петербуржцы» и т. п.).

Дж. Маккарти пишет, что города все чаще стремятся конструировать имидж и события вокруг сферы культуры, связанной с конкретными ареалами городских пространств, часто обозначаемыми как «культурные кварталы», для достижения результатов культурного возрождения и имиджевого продвижения, и в таких городских кварталах реализуются практики публичного искусства, что способствует продвижению имиджа места и выделяет особенность местной самобытности. Однако эти цели потенциально противоречивы, поскольку проецируемый имидж не обязательно отражает идентичность места [2]. Это критически важный вопрос с учетом необходимости достижения результатов регенерации, которые носят инклюзивный, широкий характер и учи-

тывают контекст. Тем не менее, примеры схем общественного искусства в Северном квартале Манчестера и в Соборном квартале Белфаста позволяют объединить цели в отношении имиджа и идентичности с помощью приемов культуры и искусства [3].

С. Паскуанелии и др. [4; 5] пишут, что маркетинг и местный брендинг все активнее используются в качестве инструментов для местного и регионального развития, все более важное место занимает имиджмейкинг и брендинг мест в развитии экономических процессов, привлечении прямых иностранных инвестиций. Процесс имиджмейкинга, как пишет С. Паскуанелии, важен в контексте разработки и реализации местной политики, тому примерами служат регионы Онтарио (Канада), Тосканы (Италия) и Западной Швейцарии, которые помогают выявить общие факторы влияния имиджа на продвижение региона, в частности: а) формирование политики по привлечению инвестиций, б) связь между брендом места и территориальным маркетингом, в) сложность управления региональными и местными процессами. Исследователи отмечают важность данного контекста в свете алгоритмизации стратегического планирования развития региона и выбора инструментов реализации политики [6].

Герт Хосперс, анализируя продвижение региона Эресунн, отмечает важность его пространственно-экономической трансформации, прилагаемые усилия в реализации стратегии позиционного маркетинга [6]. Регион Эресунн самым тесным образом связывает датские территории Зеландию и Хуведстаден и шведский лен Сконе, способствуя их кооперации, региональной идентичности на основе использования европейской модели приграничного сотрудничества. Позиция брендинга Эресунна основана на уникальных региональных особенностях, бренда места (например, Эресуннский мост, дат. Øresundsbroen). Однако, Эресунн является противоречивым «воображаемым пространством», где конурбация

может быть квалифицирована как «общеевропейский региональный центр Северной Европы», что способствует продвижению имиджа региона. Но вместе с тем, как пишет Герт Хосперс, жители по-прежнему сталкиваются со многими повседневными проблемами трансграничной интеграции, и это оказывает влияние на несоответствие между идентичностью и имиджем [7].

Новый для российской практики подход к позиционированию имиджа региона для внешних и внутренних аудиторий – имидж-билдинг средствами ивентменеджмента – фокусируется на управляемых, креативных, событийных, глубоко эмоциональных технологиях в конструировании образа территории.

Целью исследования является анализ и оценка процессов конструирования региональной идентичности и имиджа регионов средствами и инструментами ивентменеджмента и событийного маркетинга.

Основные задачи исследования состоят в раскрытии значения имиджа в продвижении и развитии региона, анализе роли ивентменеджмента в формировании и продвижении региона на международном уровне, оценке использования публичного капитала региональными органами управления, анализе региональной практики ивентменеджмента.

Методология исследования основывается на анализе теоретических и методологических работ отечественных и зарубежных авторов, вторичном анализе социологических данных, фокусированных интервью с представителями органов региональных органов управления.

Результаты исследований

Ивентменеджмент – это управленческая деятельность по разработке, организации и проведению специальных мероприятий для значимых аудиторий. Основная задача – сделать из мероприятия настоящее событие, которое способно дать наибольший прирост публичного капитала базисному субъекту PR.

Памятники архитектуры, уникальные сооружения, необычные природные ландшафты – это статичные элементы территории. Они выступают фактором регионального имиджмейкинга, порождающим имиджевые потоки малой интенсивности. События – экономи-

ческие форумы, театральные и кинофестивали, традиционные и нетрадиционные праздники – динамичны, эмоционально насыщены, конкретны и адресны (привлекают определенные группы общественности). Они порождают для региона принципиально иной формат имиджевой коммуникации – формат имиджевых потоков высокой интенсивности. Туристы и инвесторы посещают территорию во время проведения того или иного события, а музеи, выставки и традиционная малоинтенсивная имиджевая программа – дополнение.

В наше время наряду с глобализацией, которая ликвидирует государственные границы в экономических процессах и взаимодействиях, одновременно нарастает и тенденция регионализации, которая повышает автономность регионов и их роль. Последствия глобализации для региональной политики заметны: территории, которые были ранее закрыты от товаров и услуг других регионов из-за расстояния или таможенных барьеров, теперь задействованы в конкурентных отношениях [8].

Имиджевый потенциал региона в значительной мере определяется количеством и качеством информации, распространяемой от его имени и о нём во внешних коммуникативных средах [9].

Цена выигрыша в межтерриториальной конкуренции – повышение качества жизни населения, совершенствование экономической и социальной среды, эффективное использование внутренних возможностей, объективных и субъективных преимуществ. Цена проигрыша – потеря внутренней энергии, стагнация во многих значимых средах, откат на периферию внутригосударственного внимания и международных отношений.

Имидж – это целенаправленно конструируемый образ с определенным эмоционально-психологическим воздействием на целевые группы. Он создается администрацией, СМИ, выдающимися деятелями различных сфер общества, населением. Это относительно устойчивая совокупность эмоциональных и рациональных представлений, складывающихся на основе получаемой информации и в результате собственного опыта.

Имидж региона – базовый элемент его стратегического публичного капитала. Он

влияет на всю сферу функционирования региона во внешнем пространстве, в международных отношениях, в мировой экономике и т. д. Он не может быть нейтральным, он всегда имеет оценочный признак.

Регион в контексте брендбилдинга рассматривается как продукт с совокупностью потребительских характеристик, пользующийся спросом.

Региональная репутация – создавшееся на протяжении определенного времени общественное мнение о достоинствах и недостатках региона.

Регионам необходим уникальный, неповторимый, притягательный образ для наращивания конкурентных преимуществ и для оптимального функционирования в современном глобализированном мире, а также для повышения результативности использования совокупного регионального потенциала.

Ивентменеджмент (англ. *eventmanagement*) – относительно новый феномен для российской действительности. Анализ специальной литературы в области связей с общественностью показал, что, к сожалению, очень небольшой круг авторов формулирует какую-либо дефиницию понятий «ивент», «специальное событие», «специальное мероприятие». Большинство специалистов (как теоретиков, так и практиков) предпочитают обходить момент определения термина и скорее описывают его через функции, цели, задачи, типы или конкретные формы мероприятий [10].

Под ивентом целесообразно понимать профессионально организованное технологическим субъектом PR, локализованное во времени и пространстве публичное событие для членов целевых аудиторий, главной целью которого является форсированное формирование и (или) подкрепление позитивного имиджа организации или территории, иного базисного субъекта и интенсивный прирост их паблицитного капитала.

Если PR-кампания направлена на снижение имиджа, какой-либо негативной идеи, идеологии или негативного по своему социальному содержанию вида деятельности, соответствующие специальные мероприятия будут нести социально-значимый и позитивный характер.

В более широком смысле специальное событие – это любая акция с участием целевой общественности, в ходе которой субъект интенсивно (т. е. в режиме уплотнения времени и пространства) приращивает свой паблицитный капитал. В узком смысле – это только такая акция, которая заранее спланирована и специально организована.

Ивент – это специфическая коммуникативная технология, совокупность процедур и операций, направленная на организацию и проведение особого события для сегментов целевой общественности, результатом которой должен стать интенсивный прирост паблицитного капитала базисного субъекта PR (в т. ч. органов регионального управления, региональной и муниципальной власти).

PR-события призваны деконструировать привычный и рутинный ход жизни организации или региона, изменять обыденное мироощущение. Это некая перемена времени и пространства. Это средство приращения паблицитного капитала. Проведение ивента предполагает объективную причину или повод.

Об ивентменеджменте следует говорить применительно к конструированию образа региона, то есть об управлении организацией специальных событий для формирования стратегически цельного и эмоционально полного образа территории. Художественная и эмоциональная насыщенность, зрелищность, элементы игры, ассоциативная связь с регионом – компоненты успешного события.

Неожиданная идея, сочетание несочетаемого, игра с ассоциациями – эти черты в одинаковой степени присущи праздникам, акциям, рассчитанным и на внешние, и на внутренние группы общественности. Событие способно объединять миллионы людей в одно время и в одном пространстве, дает возможность целевым группам пережить яркие эмоциональные ощущения одновременно (концерты, церемонии открытия значимых спортивных мероприятий). Посредством прямых теле- и радиотрансляций и интернета участниками события могут становиться и люди на расстоянии.

Мероприятие должно нести то же настроение, те же характеристики, которые планируется привязывать к образу территории. При этом необходимо привлекать внимание кон-

кретных, интересующих групп общественности. Событийная коммуникация обязана способствовать региональной идентичности, отражать цели и ценности региона. Менеджмент мероприятий для имиджмейкинга территории – сложный процесс, в котором должны принимать участие профессиональные сообщества.

Достоинства города Санкт-Петербурга как региона рассматриваются рефреном для специальных событий. Говоря в дальнейшем об ивентменеджменте в Санкт-Петербурге, должны обратить внимание на такую важную отличительную черту города, как сезонность. Первый летний месяц – главное время для ивентов региона [11].

Белые ночи – основной туристический сезон. В это время проводится джазовый фестиваль «Свинг белой ночи», который с 1994 года регулярно устраивает Давид Голощекин, рок-фестиваль «Окна-открой», концерты *Stereo21*, многочисленные танцевальные *open air*, куда приезжают актуальные клубные музыканты Европы. В Доме Кино в рамках фестиваля «Послание человеку» демонстрируются мультфильмы и короткометражки; показ лучших иностранных и русских фильмов на «Фестивале фестивалей». Институт «Промарт» традиционно проводит серию выставок «Современное искусство в традиционном музее»: западные и местные художники показывают свои работы и инсталляции в малых городских музеях, публика приглашается к активному участию. Самое заметное и красочное общегородское событие лета в Петербурге – праздник выпускников «Алые паруса» [12].

Базовый посыл целевой молодежной аудитории и идеология праздника сформулирован в его девизе: «Вместе с Россией!»:

- «Россия – страна возможностей!» (2009);
- «Вместе с Россией» (2014);
- «Будущее начинается сегодня» (2017);
- «Вместе с Россией» (2018).

В 2016 году праздник «Алые паруса» был признан лучшим городским событием в Европе. Первое место грандиозному шоу присудило авторитетное жюри 11-го Международного фестиваля событийного маркетинга и живых коммуникаций EuBea. Увидеть чудо «Алых

парусов» своими глазами на набережные Петербурга пришли 2,1 млн человек, что является абсолютным рекордом. Телетрансляция «Алых парусов – 2018» на Пятом канале собрала 7,1 % по аудитории «Все 18+», что является историческим максимумом. Доля аудитории водной феерии по Санкт-Петербургу – 37,2 %. В данной номинации шоу «Алые паруса» обошло Первый канал (шоу «КВН 60 лет. Юбилейный выпуск»), Россия 1 («София»), НТВ (финал шоу «Ты супер!» в Кремле), ТВ-Центр («Новый год в прямом эфире» на Красной площади). Событие широко освещалось и в мировой прессе.

Городские культурные события зимой связаны с наступлением Нового года, Рождества и каникул. В Мариинском театре в последнем месяце года традиционно дают «Щелкунчика» и «Новогодний гала-концерт» 31 декабря, в Филармонии и на сцене Михайловского театра под Новый год проходит международный фестиваль «Площадь Искусств».

С апреля вновь начинаются всевозможные музыкальные и театральные события. Май и начало июня в Санкт-Петербурге – самое благодатное время. 11 мая, как правило, начинается Фестиваль искусств «Звезды белых ночей», 27 мая отмечается «День города». Значимым символом (ивентом) открытия сезона в пригородах Петербурга служит церемония пуска Петергофских фонтанов 24 мая.

Ивентменеджмент – управленческая деятельность по разработке, организации и проведению разнообразных специальных мероприятий. Задача – сделать из мероприятия настоящее событие, которое участники будут долго вспоминать и после его окончания. События призваны нарушать привычный и рутинный ход жизни организации или региона, изменять обыденное мироощущение. Это некая перемена времени и пространства.

Не менее важен для региона «Петербургский международный экономический форум» (ПМЭФ) как ивент экономического характера, имеющий большое имиджевое значение не только для Санкт-Петербурга, но и для страны в целом. Форум приобрел свою актуальность, так как российский бизнес стал проявлять все большую активность на международной арене, как актер событий глобальных

Таблица 1 – Основные стратегические цели
PR-кампании и ожидания целевых групп
Table 1 – The main strategic goals of the PR campaign
and the expectations of target groups

№ п/п	Стратегические цели PR-кампании	Ожидания представите- лей контактных групп общественности
1	Повысить имидж России, как активно развивающейся страны с высоким потенциалом экономического роста.	Потенциальные участники ПМЭФ Цель коммуникации: создание положительного имиджа Форума, обоснование необходимости посещения мероприятия, привлечение к помощи в организации и проведении форума, установление обратной связи.
2	Укрепить имидж все большей значимости, приоритетности и статусности ПМЭФ, как в России, так и на международной арене.	Партнеры. Обоснование необходимости активного сотрудничества с Форумом, создание ажиотажа вокруг мероприятия.
3	Сделать мероприятие престижным, ожидаемым, интересным, многообещающим.	Российские и зарубежные СМИ. Создание информационного пространства мероприятия соответствующего его масштабу, формирование долгосрочных партнерских отношений, создание лояльного отношения со стороны СМИ.
4	Повысить лояльность деловой мировой экономической элиты к российской власти.	Население и гости города. Усиление лояльности к федеральным и городским властям, повышение интереса к мероприятиям, проводимым в дни Форума.

мирохозяйственных связей. Одно из достоинств ивента заключается в доверительной обстановке, в которой происходит дискуссия, что способствует успешному объединению усилий властей, науки и бизнеса. Именно неформальное общение создало условия не только для взаимопонимания различных групп общества и профессиональных элит, но и их сотрудничества.

Организаторы проектируют и культурную программу для участников форума. Пример культурных мероприятий традиционно проводимых в рамках ПМЭФ: прием специальных гостей в Эрмитаже, концерт на Дворцо-

вой площади с участием оркестра Мариинского театра, а также мировых звезд.

Организация и проведение ПМЭФ затрагивает различные сферы деятельности власти, бизнес-сообщества, политических и дипломатических кругов, населения г. Санкт-Петербурга и страны в целом. Поэтому PR-кампания по организации и проведению форума рассчитана на большую по численности, степени активности и другим признакам группу.

Целевые группы общественности данного мероприятия, согласно документу: правительства (государственные чиновники), парламентарии и политики, представители бизнеса, дипломатический корпус, помощники участников мероприятия, СМИ (пресса, ТВ, радио, информагентства, в т. ч. интернет), спонсоры, партнеры (сюда же входят эксперты, аналитики, ученые), организаторы, стендисты, мировая общественность, население РФ и города.

Необходимо обратить внимание на заявленные в документе стратегические цели PR-кампании и ожидания целевых групп (табл. 1).

Таким образом, это имидж страны, имидж российской власти. Важно зафиксировать критерии имиджа мероприятия: статусность, приоритетность, престижность, ожидаемость, интересность, т. е. такие функциональные признаки специального мероприятия, которые подчеркивают успех у аудитории.

Город становится известным, укрепляется его деловой имидж, появляется возможность презентовать собственные проекты для потенциальных инвесторов, налаживаются международные отношения между российским правительством и политическими элитами других стран.

Заключение

В заключении важно отметить, что понимание репутации и имиджа региона означает анализ форм выражения образов региона во времени и в разных странах, культурах и типах целевой аудитории [13]. Различные исследования показывают, что попытки изменить репутацию региона или места требует значительных временных затрат и терпения, что не всегда совпадает с желаниями органов власти и избирательными циклами, когда политические лидеры регионов должны добивать-

ся и демонстрировать успехи и результаты. Губернатор региона (мэр города) является ответственным лицом за качество репутационного менеджмента, является ведущим лицом формирующим события локального или национального масштаба, информационный повод для целевых аудиторий, что требует от человека не только высокой квалификации, но и должного уважения как внутри, так и вовне организации. Иными словами здесь важны навыки публичной дипломатии для тех, кто несет ответственность за имиджмейкинг и брендинг города, региона. Всеобщая цифровизация и большие данные делают репутацию измеримой и поддающейся количественной оценке, что означает, что она станет важной частью того, как измеряется эффективность в целом, например, на уровне города, региона или места назначения. Все более усложняется практика измерения и оценки имиджа

и публичного капитала и бренда. Репутация страны (например, Испании) может значительно отличаться от репутации ее городов (например, Барселоны). Анализ коммуникационных стратегий показывает, что все меньше внимания уделяется СМИ и рекламе, которые становятся менее эффективными. Однако, они должны быть активными в формировании и менеджмента, публичных коммуникаций. Цифровизация и большие данные облегчают продвижение региона.

Немаловажным является и наращивание публичного капитала для культурного облика Петербурга в рамках форума – мероприятия в Мариинском театре, грандиозные концерты на Дворцовой площади, экскурсии, торжественные приемы на высшем уровне – всё это способствует формированию проактивной стратегии продвижения имиджа Санкт-Петербурга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zimmerbauer K. (2011). From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion, *European Planning Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 243–260.
2. Kučerová S. R., Kučera Z., Novotná K. (2018). Formation of a regional image through geography textbooks: The case of north-west Bohemia, *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, no. 3, pp. 176–195.
3. McCarthy J. (2006). Regeneration of Cultural Quarters: Public Art for Place Image or Place Identity? *Journal of Urban Design*, vol. 11, no. 2, pp. 243–262.
4. Pasquinelli C., Vuignier R. (2020). Place marketing, policy integration and governance complexity: an analytical framework for FDI promotion, *European Planning Studies*, vol. 28, no. 7, pp. 1413–1430.
5. Liberato D., Alén E., Liberato P., Domínguez T. (2018). Governance and cooperation in Euroregions: border tourism between Spain and Portugal, *European Planning Studies*, vol. 26, no. 7, pp. 1347–1365.
6. Hospers G.-J. (2006). Borders, bridges and branding: The transformation of the Øresund region into an imagined space, *European Planning Studies*, vol. 14, no. 8, pp. 770–774.
7. Moscovitz H. (2020). Regional identity and economic development in 'recovering' regions: Exploring the Walloon case, *Regional and Federal Studies*, no. 1, pp. 1–28.
8. Блинов А. Региональный маркетинг как основа эффективного развития региона // Интернет-холдинг Олега Соскина. URL: <http://soskin.kiev.ua/> (дата обращения: 15.09.2019).
9. Гавра Д. (2009). Внешний имидж государства: понимание категории и структурные модели // Имидж государства/региона: современные подходы. СПб.
10. Каверина Е. (2008). Создание событий: гуманитарные технологии в корпоративных коммуникациях. СПб.
11. Программа развития Петербурга как туристического центра. Части I, II. URL: <http://www.hotelinvest.ru/reviews/> (дата обращения: 25.09.2019).
12. Служба территориального маркетинга Санкт-Петербурга и Ленинградской области. URL: <http://www.spbbusiness.ru/> (дата обращения: 11.11.2019).
13. Катлип С., Сентер А., Брум Г. (2000). Паблик рилейшнз. Теория и практика. М., СПб., Киев.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Большаков Сергей Николаевич – доктор политических наук, профессор; Ленинградский государственный университет имени А. И. Пушкина (196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10); snbolshakov@mail.ru.

Большакова Юлия Михайловна – кандидат политических наук; Ленинградский государственный университет имени А. И. Пушкина (196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10); academy.prof.com@gmail.com.

Притула Оксана Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент; Новгородский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (173003, Россия, Великий Новгород, ул. Германа, 31); pritula-od@ranepa.ru.

EVENT MANAGEMENT AS A TOOL FOR REGIONAL IDENTITY DEVELOPMENT AND ITS ROLE IN PROMOTING THE IMAGE OF THE REGION

S.N. Bolshakov^{3a}, Yu.M. Bolshakova^{4a}, O.D. Pritula^b

^aPushkin Leningrad State University

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

The relevance of the research is determined by the need to assess the processes of regional identity, regional image and image construction by means of event marketing, the use of image-making and image-marketing tools in promoting the region. Regional identity is a prerequisite for image construction, and regions are increasingly using territorial marketing tools for promotion at the national and international level.

The article analyzes the problems of constructing the image of the region, theoretical and methodological aspects of the regional image development. The article uses the example of Saint Petersburg to propose a specific set of event-related arrangements that promote the region's integrated potential. The article reveals the problems of event management in promoting the image of the region. The main strategic goals of the PR campaign and the expectations of target groups are revealed.

The relevance of the research is also determined by the need to reveal the image potential of the region, which is determined by the quantity and quality of communications, information support of events, information distributed on behalf of the region and about the region in external communication environments.

The purpose of the research is to analyze and evaluate the processes of constructing regional identity and image of regions by means of event management and event marketing tools.

The research methods are structural and functional analysis, content analysis, and secondary analysis of sociological data.

The scientific novelty consists in revealing the experience of the region – the city of Saint Petersburg – in creating and implementing a number of international events, analyzing the regional experience of image development, and promoting the values of the region. The results of the research allow us to talk about successful event management, the presence of strategic installations in the implementation of the communication concept of promoting the region among target audiences. Event management for image-making of the territory is a rather complex process that involves all local communities of the region and the country as a whole. The advantages of the city of Saint Petersburg as a region are considered to be a refrain for special events within the context of cultural and historical heritage.

³RSCI AuthorID: 277851, ORCID: 0000-0002-4884-2077, ScopusID: 56809171300, ResearcherID: G-1913-2014

⁴ORCID: 0000-0001-5951-416X, ScopusID: 56993943400

The results of the study show that the image of a region is a basic element of its strategic public capital, which affects the totality of the region's functioning in the external space, in international relations, in the world economy, and so on.

KEYWORDS: regional identity, event management, regional image, PR-companies.

FOR CITATION: Bolshakov S.N., Bolshakova Yu.M., Pritula O.D. (2020). Event management as a tool for regional identity development and its role in promoting the image of the region, *Management Issues*, no. 5, pp. 112–120.

REFERENCES

1. Zimmerbauer K. (2011). From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion, *European Planning Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 243–260.
2. Kučerová S. R., Kučera Z., Novotná K. (2018). Formation of a regional image through geography textbooks: The case of north-west Bohemia, *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, no. 3, pp. 176–195.
3. McCarthy J. (2006). Regeneration of Cultural Quarters: Public Art for Place Image or Place Identity? *Journal of Urban Design*, vol. 11, no. 2, pp. 243–262.
4. Pasquinelli C., Vuignier R. (2020). Place marketing, policy integration and governance complexity: an analytical framework for FDI promotion, *European Planning Studies*, vol. 28, no. 7, pp. 1413–1430.
5. Liberato D., Alén E., Liberato P., Domínguez T. (2018). Governance and cooperation in Euroregions: border tourism between Spain and Portugal, *European Planning Studies*, vol. 26, no. 7, pp. 1347–1365.
6. Hospers G.-J. (2006). Borders, bridges and branding: The transformation of the Øresund region into an imagined space, *European Planning Studies*, vol. 14, no. 8, pp. 770–774.
7. Moscovitz H. (2020). Regional identity and economic development in 'recovering' regions: Exploring the Walloon case, *Regional and Federal Studies*, no. 1, pp. 1–28.
8. Blinov A. Regional marketing as the basis for effective development of the region. Internet holding of Oleg Soskin. URL: <http://soskin.kiev.ua/> (accessed 15.09.2019).
9. Gavra D. (2009). External image of the state: understanding the category and structural models. Image of the state or region: modern approaches. St. Petersburg.
10. Kaverina E. (2008). Event creation: humanitarian technologies in corporate communications. St. Petersburg.
11. Development program of St. Petersburg as a tourist center. Parts I, II. URL: <http://www.hotelinvest.ru/reviews/> (accessed 25.09.2019).
12. Territorial Marketing Service of St. Petersburg and the Leningrad Region. URL: <http://www.spbusiness.ru/> (accessed 11.11.2019).
13. Cutlip S., Center A., Broome G. (2000). Public relations. Theory and practice. Moscow, St. Petersburg, Kiev.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey N. Bolshakov – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor; Pushkin Leningrad State University (10, Petersburg Highway, Saint Petersburg, Pushkin, 196605, Russia); snbolshakov@mail.ru.

Yuliya M. Bolshakova – Ph.D. of Political Sciences; Pushkin Leningrad State University (10, Petersburg Highway, Saint Petersburg, Pushkin, 196605, Russia); academy.prof.com@gmail.com.

Oksana D. Pritula – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Novgorod Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (31, German St., Veliky Novgorod, 173003, Russia); pritula-od@ranepa.ru.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Т.М. Резер^{1а}, Я.А. Григоренко^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Цель. Проанализировать состояние института семьи как социальной ценности государства в условиях демографического кризиса на основе проводимой государственной политики и изучения исторического опыта.

Методы. В основу методологии исследования положена концепция устойчивого развития социально-экономических систем, а также теория развития человеческого потенциала. В исследовании использовался метод исторического и сравнительного анализа института семьи как социальной ценности государства в разные исторические периоды развития государства и в условиях демографического кризиса. Авторами систематизированы факторы, улучшающие демографическую ситуацию и способствующие развитию института семьи и человеческого потенциала.

Результаты. На основе статистической отчетности Росстата России за двадцатилетний период представлена динамика основных демографических показателей, касающихся института семьи и населения, и иных данных, подтверждающих снижение естественного прироста. Рассматриваются исторические, социальные и экономические причины, повлиявшие на изменение статуса семьи и ее значимости для общества.

Установлены причины и периоды демографических кризисов в России, что обусловлено историческими событиями: Первая мировая война (1914–1918 гг.); Гражданская война (1917–1922 гг.); Великая Отечественная война (1941–1945 гг.); послевоенный период до распада СССР и последующие ему события 90-х гг. XX столетия; современный период демографической ситуации в стране.

Научная новизна. Авторы обосновывают идею о том, что снижение рождаемости на фоне высокого уровня смертности и процесса старения населения напрямую связаны с изменением роли института семьи как ценности государства в современном российском обществе, а также с последствиями этого явления – изменением уровня и качества жизни населения, падением исторически сложившихся морально-нравственных устоев общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт семьи, социальные ценности государства, демографические кризисы, причины демографических кризисов, государственная политика, развитие института семьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Резер Т.М., Григоренко Я.А. (2020). Институт семьи как социальная ценность государства в условиях демографического кризиса // Вопросы управления. № 5. С. 121–131.

Современная Россия столкнулась с рядом социальных, экономических и политических проблем, среди которых к важнейшей относится проблема семьи как особого социального института, а также демографическая ситуация в стране. В последние годы тенденция явного роста населения в России не наблюдается, напротив, отмечается развитие негативных тенденций в этой сфере. Данное явление именуется демографическим кризисом,

то есть массовым изменением численности населения, под которым может пониматься как убыль населения, так и перенаселение территорий.

Обращение к теме исследования «Институт семьи как социальная ценность государства в условиях демографического кризиса» обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, семья как социальная ценность государства в качестве самостоятельного со-

¹ AuthorID РИНЦ: 420086, ORCID: 0000-0002-4793-9918

циального института практически не рассматривалась, а как конституционная ценность была исследована С. В. Нарутто, изучившей конституционно-правовое закрепление семьи как ценности для государства и общества [1].

Во-вторых, ухудшающаяся демографическая обстановка в стране потребовала рассмотрения особого статуса и ценностей социального института семьи в обществе.

В-третьих, появилась научная необходимость анализа причин убыли населения с позиции исторического наследия в сфере формирования ценностного отношения к институту семьи со стороны общества в целом и граждан в частности.

В-четвертых, выросло новое поколение граждан в России, которое является носителем новой системы ценностей.

Перечисленные тенденции отражают имеющиеся вызовы и противоречия:

- на научно-публичном уровне: между возросшими требованиями со стороны гражданского общества к созданию условий для развития института семьи и имеющимися проблемами в современной науке в области изучения этого социального феномена социальной ценности государства в условиях демографического кризиса;

- на социально-публичном уровне: между потребностью государства в наличии качественного института семьи для решения демографических проблем и недостаточным изучением в современных научных работах в области теории и практики рассмотрения эффективности и результативности решений, принимаемых органами государственного управления в этой сфере;

- на научно-методическом уровне: между необходимостью ориентирования исследований на комплексность в изучении института семьи как социальной ценности государства в условиях демографического кризиса и недостаточностью научно обоснованного методического обеспечения реализации направлений государственной политики в этой сфере, учитывающего современные особенности и вызовы в формировании системы ценностей у молодых людей в отношении семьи в современных социально-экономических условиях.

Рассмотрим содержание понятия «убыль населения». В первом случае под убылью населения понимается обстановка, когда в государстве или отдельном регионе страны идет спад рождаемости, находящейся ниже уровня естественного прироста населения, а также ниже уровня смертности.

В настоящее время такая ситуация характерна для Российской Федерации. Современный демографический кризис образовался не в начале этого века, скорее он стал следствием демографических кризисов прошлого столетия, на фоне которых произошло изменение структуры института семьи в российском обществе. Обратимся к истории развития института семьи, чтобы проанализировать демографические кризисы и их влияние на депопуляцию и изменение структуры института семьи и его ценности в обществе.

В конце XIX – начале XX века в Российской империи наблюдались одни из самых высоких показателей уровня рождаемости и распространённости брака в мире. Отталкиваясь от первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и опираясь на последующие данные переписей населения, проводимыми УГВИ МВД и ЦСК МВД в России до 1914 года, можно сделать вывод, что население страны ежегодно росло примерно на 1,7 % в год, то есть в среднем на 2,4 млн чел. Пиком рождаемости стал промежуток с 1902 по 1912 год, когда население страны ежегодно увеличивалось на 3,7 млн чел. в год.

Согласно данным УГВИ МВД и ЦСК МВД Российской империи, в это десятилетие среди людей в возрастной группе от 45–50 лет доля тех, кто никогда не состоял в браке, была равна всего лишь 9 %, из которых 4 % были женщины и 5 % – мужчины [2]. Вывод: 91 % населения России в 1912 году состоял в официальных брачных отношениях, что способствовало эффективному развитию института семьи как национальной ценности государства и не вызывало демографический кризис.

Несомненно, высокая степень распространённости брачности в Российской империи была следствием многовекового уклада быта русского народа, а именно почитания и уважения института семьи, религиозных канонов, по которым развод считался великим грехом.

Из вышеуказанных аргументов и данных следует, что прочность брачных уз и семейных ценностей российской семьи той эпохи благоприятно сказывались на демографической ситуации, но данная тенденция была прервана последующими историческими событиями, породившими зачатки современной депопуляции населения страны в XXI веке и нравственный кризис института семьи как ценности государства в настоящее время в виду сменившейся системы ценностей нового поколения.

Первая волна демографического кризиса и начала деструкции института семьи пришлось на годы Первой мировой войны, в которой Россия, по различным подсчетам историков, потеряла до 5 млн чел., а иностранные специалисты оценили диапазон людских потерь Российской империи в этой войне от 1,3 до 5,4 млн чел. Известный отечественный демограф и статистик Б. Ц. Урланис оценил более подробно общую цифру потери населения в 2 254 369 чел., учитывая боевые безвозвратные и небоевые потери, характерные для каждой войны.

Война нарушила половое равновесие в пользу женщин во многих возрастных группах – прежде всего, в группе населения репродуктивного возраста.

В поколении, рожденном в промежутке между 1892 и 1896 гг., общая численность мужского населения сократилась на 6 %. Это обусловило нарушение в возрастной стабильности вступления в брак, привело к изменению семейных ценностей российского общества той поры. Первая мировая война увеличила число неполных семей и детей, оставшихся сиротами, оставила большое количество женщин вне брака. В возрастнo-половой пирамиде возникли две демографические «ямы»: произошло стремительное уменьшение численности людей, родившихся в довоенные и военные годы той эпохи, произошло значительное сокращение мужского населения в результате участия этой группы в военных действиях [3].

Не успела Россия оправиться от последствий, принесенных Первой мировой войной, как наступила вторая волна демографического кризиса, обусловленная многочисленными разрушениями в разных сферах жизнедеятельности населения Гражданской войной

1917–1922 гг. Развернувшаяся на всю территорию страны, она стала новой демографической катастрофой, нанесшей серьезный удар и по институту семьи России тех лет. В годы Гражданской войны по разным подсчетам отечественных демографов погибло от 10,3 до 12 млн чел. населения России. Другим страшным последствием Гражданской войны стали эпидемии и голод, унесшие жизни людей порядка 2 млн чел. только с 1918 по 1920 год [3].

В результате Первая мировая война и Гражданская война привели к изменению структуры института семьи и демографическому кризису, а последующие за ними голод и эпидемии усилили депопуляцию населения страны.

Особенно сильно в то время изменилась роль женщины в семье и обществе под влиянием произошедших социально-политических процессов. Пропаганда новой советской власти приветствовала и положительно оценивала новую роль женщины не только в семье, но и в обществе. Произошло широкое привлечение женщин в производственную, хозяйственно-экономическую и несемейную деятельность, что не было характерно ранее для российской семьи и не соответствовало ее традициям и ценностям.

Граждане стали ориентироваться на более поздние браки, что привело к резкому снижению в стране детской популяции. Для России, не знавшей подобной ситуации, это стало настоящей демографической катастрофой. Наметилось нарушение национального демографического перехода – постоянное снижение смертности не случилось, а снижение рождаемости оказалось слишком резким, что было обусловлено новыми социальными явлениями. Прерывный характер демографического перехода стал специфической чертой демографической ситуации в новой России, а вместе с ним наступил и кризис института семьи, который ранее в нашей стране был не известен. В годы после Гражданской войны в Советской России процессы демографического кризиса и дестабилизации института семьи продолжались развиваться и дальше. Итогом этих негативных явлений стало постепенное снижение суммарного коэффициента рожденных детей на протяжении всего XX века, не смотря на социальные условия, создаваемые государством.

Снова обратимся к истории России. Отталкиваясь от данных всеобщей переписи населения 1897 года и последующих ее реестров, вытекает следующее: суммарный коэффициент рождаемости в Российской империи был ранее равен 5,93 ребенка на одну семью, и эти же цифры подтверждал известный экономист и статистик того времени Ю. Э. Янсон.

Однако, несмотря на Первую мировую войну и последующую за ней Гражданскую войну, суммарный коэффициент рождаемости не упал, а, напротив, даже вырос и составил 6,8 детей на одну семью, о чем свидетельствует первая Всесоюзная перепись 1926 года [4].

Впоследствии этот показатель был сокращен в связи с происходящими в стране политическими и социально-экономическими событиями. Массовый голод 1932–1933 гг., политические и идеологические репрессии 30-х гг. нанесли тяжелый удар по демографической ситуации в стране и институту семьи как ценности государства потому, что в то суровое и тяжелое время начался внутренний раскол в семье на основе политических и идеологических расхождений между супругами, когда по тем или иным причинам один из членов семьи мог донести на родственника, сдав его в руки соответствующих органов. Ко второй Всесоюзной переписи населения 1937 года суммарный коэффициент рождаемости в довоенный 1940 год был равен 4,25 ребенка на одну семью, что обуславливало прирост населения [5].

Несмотря на снижающийся коэффициент рождаемости, о демографическом кризисе в СССР можно было не поднимать вопрос, но случилась третья волна демографического кризиса, произошедшая уже в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СССР и РСФСР, находящиеся в составе большой страны Советов, понесли потери в 27 млн чел. Современные ученые оценивают эту цифру в 25–27 млн чел., а сам диапазон потерь составляет от 7 до 46 млн чел. [4].

В целом людские потери только РСФСР в Великой Отечественной войне составили примерно 13,95 млн чел., или 48 % от всех потерь Советского Союза, из которых 6,75 млн – безвозвратные потери военнослужащих и 7,2 млн – мирные жители, погибшие в ходе боевых действий на территории оккупации,

а также в тыловых районах и концентрационных лагерях.

По предварительной оценке Росстата, население РСФСР на момент 1946 года составляло 97,5 млн чел. Во время первой послевоенной переписи населения 1959 года на территории РСФСР проживало 117,5 млн чел. За тринадцать послевоенных лет население смогло вырасти на 20 млн чел., благодаря суммарному коэффициенту рождаемости, составлявшему 2,8 детей на одну семью. С тех пор естественный прирост населения ежегодно составлял 600–700 тыс. чел. в год. Однако с 1970-х годов рождаемость в стране пошла на спад, ввиду чего произошло суженное воспроизводство населения, усугубившееся в начале 1990-х годов новым политическим кризисом, существенно отразившимся на развитии человеческого потенциала и продолжительности жизни населения [5].

После распада СССР демографическая проблема, а вместе с ней новый кризис института семьи не стали исключением и для России. Итогами социально-политической ситуации и экономического кризиса в 1998 году стали технический дефолт и обесценивание рубля. Первая чеченская война 1994–1996 гг., резкий рост преступности, вспышка ВИЧ-инфекции способствовали сокращению населения и усугублению проблемы развития института семьи в России. Смертность населения в 1990-е годы в России превышала рождаемость в 1,5 раза, что демографами было обозначено как «Русский крест». Снижение уровня рождаемости сопровождалось ростом разводов и сокращением числа браков, пиком которого стала «рекордная» цифра в 1998 году, когда число зарегистрированных браков за год составило всего лишь 849 тыс. [6]. Опираясь на данные Росстата, можно сделать вывод, что население России с 1991 по 2002 год сократилось на 3,1 млн чел. – с 148,3 до 145,2 млн чел., – что явилось стимулом для немедленной выработки государственной стратегии в сфере демографии.

Например, в Свердловской области темпы сокращения численности городского населения – самые высокие среди других регионов Урала. Так, в 2010 году по сравнению с 2003 численность городского населения в Сверд-

ловской области сократилась на 7 %, что негативно отразилось на демографической ситуации Среднего Урала [7].

Рассматривая демографическую ситуацию в России с позиции национальной безопасности, установлено, что с 1991 года по 2019 год произошло снижение и сельского населения на 3,5 %, а численность русских уменьшилась на 4,20 % [8, с. 77]. Кроме того, наблюдается выраженная тенденция среди молодежи остаться в городе или мигрировать за рубеж [9, с. 97].

Так, по данным Росстата в России вплоть до 2009 года происходила депопуляция населения страны и составила 142,7 млн чел. (2009) [5]. Но именно в это время вместе с падением рождаемости и увеличением смертности с 1998 по 2010 год произошло увеличение зарегистрированных браков на 55 % [6]. Это обстоятельство благоприятно сказалось на рождаемости в последующие годы. После 2010-х годов в России наметилась положительная тенденция, и показатель рождаемости стал выше показателя смертности. В стране появилось такое новое социальное явление как поздние роды.

В настоящее время главная причина демографического кризиса в Российской Федерации – низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, перекрывающий рождаемость и дающий отрицательный естественный прирост населения, а также разрушение традиционной модели семьи и семейных ценностей. В то же время институт семьи приобретает важную социальную ценность в условиях демографического кризиса, и для оценки значимости этого явления следует остановиться на этой проблеме.

Семья является уникальным институтом общества, обусловленным историческим и культурным наследием. Во-первых, семья – это социальная группа, основанная на браке и кровном родстве, связанная общностью быта и взаимной ответственностью.

Во-вторых, семья – это социальный институт, деятельность которого направлена на удовлетворение ряда важнейших человеческих потребностей, включая репродуктивные и социальные функции. Именно наличие этих двух основных сущностей института семьи выделяют его как особый социаль-

но значимый элемент в системе общественных отношений.

Безусловно, социальные функции семьи помогают удовлетворить важнейшие потребности человека и общества в целом, одной из которых является репродуктивная функция, то есть воспроизведение рода. Выполняя репродуктивную функцию, семья реализует главную социально ценностную задачу – биологическое воспроизводство человеческого рода и удовлетворение собственного репродуктивного поведения, обусловленного потребностью в детях. Конечно, данную задачу можно осуществлять и вне семейной среды, но именно в ней будущему члену общества, то есть ребенку, прививаются социальные нормы, ценности, модели и образцы поведения. Таким образом, реализуя естественные и биологические потребности, тесно связанные с социальными стремлениями, семья формирует и реализует социально-биологическую функцию и развивает институт семьи в целом, являясь при этом носителем ценностей и структурой, определяющей культурное наследие общества.

Следует отметить, что социально-биологическая функция семьи как социального института имеет механизм воспроизводства. Ни один другой социальный институт не имеет такого внутреннего механизма воспроизводства. Осуществляя репродуктивную функцию, семья не только удовлетворяет воспроизведение рода, но и поддерживает биологическую непрерывность общества, обеспечивая воспроизводство населения.

В семье рождается не только индивид, но и будущей член общества. В этом отношении семья выполняет функцию социализации индивида и служит агентом первичной социализации, помогающим адаптироваться индивиду в обществе посредством передачи морально-нравственных ценностей и культурно-исторического наследия. Также, осуществляя социализацию ребенка, семья выполняет экзистенциальную функцию, реализуя духовно-нравственное воспитание, благодаря которому происходит развитие личности индивида и формирование его системы ценностей как будущего родителя, работника и гражданина страны.

Помимо вышеуказанных задач семья реализует еще социально-статусную функцию, предоставляющую определенный социальный статус всем членам семьи и определяющую положение и возможности детей в семье. Отдельно стоит отметить экономику семьи. Выполняя экономическую функцию, семья реализует следующие главные задачи:

- решение вопроса о рождаемости и поддержание соответственного спроса;
- сохранение детского здоровья;
- формирование человеческого капитала;
- осуществление заботы и социальной защиты ребенка.

Формирование семьи является важным процессом, где супруги распределяют права и обязанности, чтобы создать крепкую ячейку общества и интегрировать индивидов в его систему. Процессом, обеспечивающим создание семьи, служит брак. Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных Семейным Кодексом РФ. Семейный Кодекс РФ направлен на правовое обеспечение создания семьи и порождает для сторон взаимные права, обязанности и ответственность. Несомненно, в обществе исторически сложилось представление, что мужчина – глава семьи и большая часть обязанностей принадлежат ему. Однако, благодаря самому процессу брака, этот стереотип был разрушен, а права и обязанности мужчины и женщины в браке стали равны. Без сомнения можно утверждать, что мужчина и женщина, формируя семью, возлагают на себя большую ответственность за создание ячейки общества, воспитание ребенка, его социализацию и интеграцию в общество.

На наш взгляд, в целях решения этой проблемы – сохранения традиционной семьи – необходимо использовать медико-педагогический подход – интегрированный подход, включающий в себя совокупность медицинских и психолого-педагогических способов и приемов, базирующихся на интегративности мышления человека [10, с. 78]. В то же время необходимо активизировать процесс формирования инструментальных ценностей молодых людей в процессе получения общего и профессионального образования на основе здоровьесохраняющих технологий [11; 12].

Институт семьи, являясь социально значимым элементом общества, экономическим агентом и реализуя свои функции и задачи, приобретает социальную ценность на фоне демографического кризиса, разразившегося в стране в начале XXI столетия [13; 14]. Все это потребовало реализации в стране новой государственной политики в сфере демографии и определения репродуктивных установок россиян и отношения к государственным мерам поддержки рождаемости [15].

На данный момент реализуется Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [16]. Согласно данному указу, политика государства направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения.

Одной из ключевых задач, решение которой поставлено перед Правительством Российской Федерации, является усиление позиции института семьи в обществе посредством возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений. Помимо вышеупомянутого указа, Правительство РФ реализует распоряжение от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года». Согласно принятой концепции, политика государства направлена на укрепление, сохранение и поддержание стабильности института семьи как основы российского общества и развития человеческого потенциала [17].

Итак, государство определило приоритетные направления, определяющие его политику по поддержанию и защите института семьи. Одним из таких направлений является материальное и жилищное поддержание молодых и многодетных семей. Постоянно происходит экономическое стимулирование рождаемости, защита важнейших интересов молодых и многодетных семей при создании и реализации социальной политики государства. Приведем результаты расчетов этого явления на основе данных официальной статистики [18].

Исходя из данных, представленных на рисунке 1, следует, что государство занимается активной социальной поддержкой молодых семей, нуждающихся в жилье, и постепенно сокращает очередь из года в год.

Как видно из рисунка 2, наибольшая помощь государства была представлена в получении жилья и улучшения жилищных условий многодетным семьям в 2014 году – 6 751 многодетная семья улучшила жилищные условия.

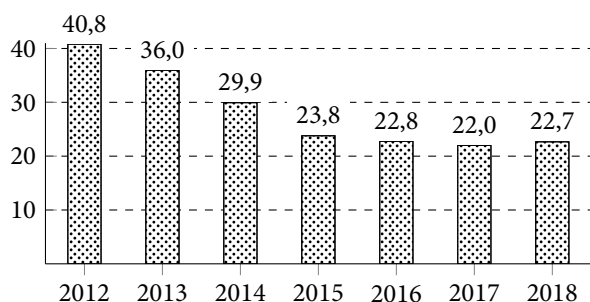

Рисунок 1 – Число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях с 2012 по 2018 гг. (в тыс.)

Figure 1 – The number of young families registered as needing housing from 2012 to 2018 (in thousands)

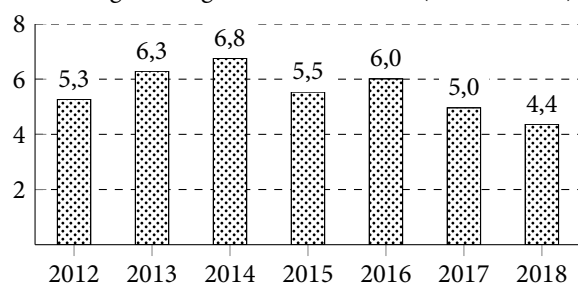

Рисунок 2 – Число многодетных семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия с 2012 по 2018 гг. (в тыс.)

Figure 2 – The number of large families that received housing and improved housing conditions from 2012 to 2018 (in thousands)

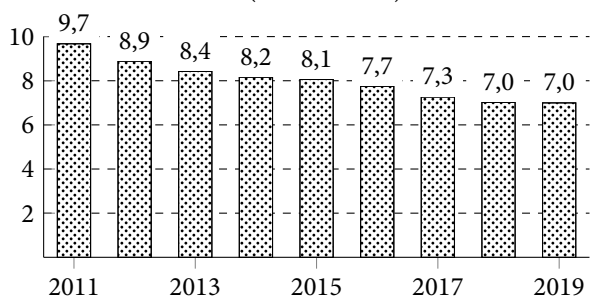

Рисунок 3 – Численность детей в возрасте до 16 (18) лет, получивших ежемесячное пособие с 2011 по 2019 гг. (в млн)

Figure 3 – The number of children under the age of 16 (18) who received monthly benefits from 2011 to 2019 (in millions)

Опираясь на данные, приведенные на рисунке 3, можно сказать, что государство на протяжении последних 9 лет активно занимается материальной поддержкой семей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, что положительно влияет на развитие института семьи.

В поле деятельности государства также входит проведение активной политики, направленной на укрепление состояния здоровья подростков и детей за счет совершенствования мероприятий по снижению уровня травм и отравлений, курения, наркомании и алкоголизма. Ориентированность государства на оздоровление, отдых и развитие физической культуры в молодежной среде также способствует сохранению репродуктивного здоровья населения.

Несмотря на вышеперечисленные мероприятия государственной поддержки института семьи, демографическая ситуация в стране остаётся неблагоприятной и население в России уменьшается, начиная с 2016 года. Все это требует выработки новой стратегии и эффективной государственной политики по улучшению демографической ситуации.

Согласно основным демографическим показателям, представленным в таблице 1, в России с 2016 по 2019 гг. наблюдается убыль населения, что подтверждает вывод о том, что в решении демографических проблем использованы не все механизмы и инструменты государственного воздействия в проводимой государственной политике в этой сфере.

На наш взгляд, было своевременным введение в Конституцию Российской Федерации в июле 2020 года нормы, устанавливающей, что семья в России – это союз мужчины и женщины, что подтвердило ориентацию семьи на традиционные ценности и реализацию стратегии развития института семьи в системе традиционных ценностей и обычаев.

С помощью исторического и сравнительного анализа института семьи как социальной ценности государства установлено, что в 1912 году только 9 % населения не состояло в браке. Высокий уровень брачной активности в России в начале XX века обеспечил самый большой показатель уровня рождаемости в мире. Последующие в течение XX века войны и произошедшая дважды смена социально-

Таблица 1 – Основные демографические показатели с 2015 по 2019 гг. [19]

Table 1 – Key demographic indicators from 2015 to 2019 [19]

Показатели	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Численность населения на конец года (млн чел.)	146,3	146,5	146,8	146,9	146,8
Число родившихся (тыс. чел.)	1 940 579	1 888 729	1 690 307	1 604 344	1 484 517
Суммарный коэффициент рождаемости	1,777	1,762	1,621	1,579	1,511
Число умерших (тыс. чел.)	1 908 541	1 891 015	1 826 125	1 828 910	1 800 677
Естественный прирост (убыль) населения (тыс. чел.)	32 038	– 2 286	– 135 818	– 224 566	– 316 160
Младенческая смертность (на 1 000 родившимися живыми)	12 664	11 428	9 577	8 244	7 337
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	71,39	71,87	72,70	72,91	71,39

экономического режима привели к изменению структуры института семьи.

Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося были исследованы и представлены в 2020 году учеными Уральского института управления – филиала РАНХиГС (г. Екатеринбург). Ими делается вывод, что семье не всегда удается адаптироваться к современным условиям, она иногда оказывается неспособной эффективно реализовать свою основную функцию – воспитание детей [20, с. 107]. Следовательно, воспитание будущего родителя для страны осложнено проблемами, которые существуют сегодня в обществе, поэтому требуется дальнейшее изучение и понимание того, каковы будут наиболее эффективные механизмы государственного управления институтом семьи как социаль-

ной ценностью государства в условиях демографического кризиса, начиная со школьного образования.

Для преодоления демографического кризиса в Российской Федерации семья должна стать общенациональной идеей в независимости от этнической и религиозной принадлежности. Основываясь на том, что семья – это социально-значимый институт российского общества, имеющий национальную и социальную ценность для страны, семья требует не только поддержки от государства, но и прямой готовности будущих супругов к семейным отношениям. Только в совокупности общих усилий государства и супругов в традиционной семье возможно преодоление демографического кризиса и повышение значимости института семьи в российском обществе как социальной ценности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нарутто С.В. (2017). Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. № 5 (78). С. 21–30. DOI: [doi]10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030[/doi].

2. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения: 11.08.2020).

3. Жиромская В.Б. Влияние Первой мировой войны на демографические процессы в России. Институт демографии Национального исследо-

вательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/analit02.php> (дата обращения: 11.08.2020).

4. Вишневский А.Г. Демография сталинской эпохи. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema02.php> (дата обращения: 07.08.2020).

5. Динамика изменения населения России с 1897 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://tass.ru/info/6036200> (дата обращения: 11.08.2020).

6. Щербакова Е.М. Предварительные демографические итоги 2019 года в России (часть I).

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0847/barom05.php#_ftn26 (дата обращения: 10.06.2020).

7. Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. (2014). Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов // Институты развития демографической системы общества : Сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием (Екатеринбург, 5–6 июня 2014 г.) / под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. С. 184–187.

8. Щелакова В.А. (2019). Оценка демографической ситуации для обеспечения национальной безопасности России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. № 3. С. 77–92. DOI: 10.17586/2310-1172-2019-12-3-77-92.

9. Abramova S.B., Antonova N.L. Pimenova O.I. (2019). Attractiveness of a city as a factor of territorial mobility in student estimates (on the example of Ekaterinburg), *The Education and Science Journal*, vol. 21, no. 1, pp. 97–123. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-с.

10. Резер Т.М. (2007). Теория и технология подготовки медико-педагогических кадров в среднем профессиональном образовании. М. : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС».

11. Резер Т.М. (2001). Профессиональное воспитание будущего специалиста // Врач. № 9. С. 45.

12. Резер Т.М. (2002). Здоровьесохраняющая технология в образовательном учреждении. Екатеринбург.

13. Осипова И. (2020). Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 97–120. URL: <https://demreview.hse.ru/> (дата обращения: 10.08.2020).

14. Ефанова О.А., Пискалова-Паркер М.П. (2020). Семья в условиях изменения гендерных отношений // Народонаселение. Т. 23. № 2. С. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3.

15. Рыбаковский О.Л. (2020). Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. Т. 23. № 1. С. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.

16. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 01.07.2014). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/262991> (дата обращения: 10.03.2020).

17. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).

18. Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения: 10.08.2020).

19. Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.08.2020).

20. Усова О.В., Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К. (2020). Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. Т. 22. № 6. С. 102–136. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Резер Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор; Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); tmrezer@mail.ru.

Григоренко Ярослав Александрович – Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); yaroslav-grigorenko@bk.ru.

THE INSTITUTION OF THE FAMILY AS A SOCIAL VALUE OF THE STATE WITHIN THE CONTEXT OF THE DEMOGRAPHIC CRISIS

T.M. Rezer^{2a}, Ya.A. Grigorenko^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Purpose. To analyze the situation with the family institution as a social value of the state within the context of the demographic crisis on the basis of the public policy and the study of historical experience.

Methods. The research methodology is based on the concept of sustainable development of socio-economic systems, as well as the theory of human development. The study used the method of historical and comparative analysis of the institution of the family as a social value of the state in different historical periods of state development and within the context of the demographic crisis. The authors systematize the factors that improve the demographic situation and contribute to the development of the institution of family and human potential.

Results. Based on statistical reports of Rosstat of Russia for a period of one hundred and twenty years, the dynamics of the main demographic indicators related to the institution of the family and the population, and other data confirming a decrease in natural growth are presented. The historical, social and economic reasons that influenced the change of the situation with the family and its significance for society are considered.

The causes and periods of demographic crises in Russia, due to historical events are the following: the First World War (1914–1918); the Civil War (1917–1922); the Great Patriotic War (1941–1945); a postwar period until the collapse of the USSR and the subsequent events it is 90-s of XX century; the modern period of the demographic situation in the country.

Scientific novelty. The authors substantiate the idea that fertility decline against a background of high mortality rates and population ageing are directly linked to the changing role of the family institution as the values of the state in the modern Russian society, as well as the consequences of this phenomenon – the change in the level and quality of life of the population decline of the historically-established moral foundations of our society.

KEYWORDS: the institution of the family, social values of the state, demographic crises, causes of demographic crises, public policy, the institution of the family development.

FOR CITATION: Rezer T.M., Grigorenko Ya.A. (2020). The institution of the family as a social value of the state within the context of the demographic crisis, *Management Issues*, no. 5, pp. 121–131.

REFERENCES

1. Narutto S.V. (2017). Family as a constitutional value, *Actual problems of Russian law*, no. 5 (78), pp. 21–30. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030.

2. Sifman R.I. Dynamics of the population of Russia in 1897–1914, *Population and Society*, Center for Demography and Human Ecology, Institute for Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (accessed 11.08.2020).

3. Zhiromskaya V.B. Influence of the First World War on the demographic processes in Russia. Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/analit02.php> (accessed 11.08.2020).

²RSCI AuthorID: 420086, ORCID: 0000-0002-4793-9918

4. Vishnevsky A.G. Demography of the Stalin era. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema02.php> (accessed 07.08.2020).
5. Dynamics of changes in the population of Russia since 1897. Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: <https://tass.ru/info/6036200> (accessed 11.08.2020).
6. Shcherbakova E.M. Preliminary demographic results of 2019 in Russia (part I). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0847/barom05.php#_ftn26 (accessed 10.06.2020).
7. Chevtaeva N.G., Egunov E.V. (2014). Pendulum migration in the life of the population of the suburbs. In: Tatarkina A.I., Kuzmina A.I. (ed.) Proceedings of the V Ural Demographic Forum with international participation "Institutes for the development of the demographic system of society" (Yekaterinburg, June 5–6, 2014), pp. 184–187.
8. Shchelakova V.A. (2019). Assessment of the demographic situation to ensure the national security of Russia, Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management", no. 3, pp. 77–92. DOI: 10.17586/2310-1172-2019-12-3-77-92.
9. Abramova S.B., Antonova N.L., Pimenova O.I. (2019). Attractiveness of a city as a factor of territorial mobility in student estimates (on the example of Ekaterinburg), *The Education and Science Journal*, vol. 21, no. 1, pp. 97–123. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-1-c.
10. Reser T.M. (2007). Theory and technology of training medical and pedagogical personnel in secondary vocational education. Moscow, VLADOS.
11. Reser T.M. (2001). Professional education of the future specialist, *Doctor*, no. 9, p. 45.
12. Reser T.M. (2002). Health-preserving technology in an educational institution. Ekaterinburg.
13. Osipova I. (2020). Reproductive attitudes of Russians and attitudes towards state measures to support the birth rate, *Demographic Review*, vol. 7, no. 2, pp. 97–120. URL: <https://demreview.hse.ru/> (accessed 10.08.2020).
14. Efanova O.A., Pisklakova-Parker M.P. (2020). Family in the context of changing gender relations, *Population*, vol. 23, no. 2, pp. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3.
15. Rybakovsky O.L. (2020). Reproduction of the population of Russia: tasks, trends, factors and possible results by 2024, *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.
16. Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 dated 09.10.2007 "On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025" (as revised on 01.07.2014). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/262991> (accessed 10.03.2020).
17. Order of the Government of the Russian Federation No. 1618-r dated August 25, 2014 "On Approval of the Concept of State Family Policy in Russia for the Period until 2025". URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (accessed 10.06.2020).
18. Family, motherhood and childhood. Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (accessed 10.08.2020).
19. Demography. Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (accessed 10.08.2020).
20. Usova O.V., Chevtaeva N.G., Nikitina A.S., Scavo K. (2020). Social representation of the image of "well-being/trouble" of the modern Russian family and student behavior: the perception of the phenomenon by teachers, *Education and Science*, vol. 22, no. 6, pp. 102–136. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136.

AUTHORS' INFORMATION:

Tatiana M. Rezer – Advanced Doctor in Pedagogic Sciences, Full Professor; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); tmrezer@mail.ru.

Yaroslav A. Grigorenko – Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); yaroslav-grigorenko@bk.ru.

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А.О. Акулов^{1а}, А.В. Мухачёва^{2а}, А.Ю. Нестеров^{3а}

^аКемеровский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Важнейшим аспектом стратегического управления развитием территорий и регионов является оценка результатов реализации стратегии. В настоящее время методические подходы к оценке реализации стратегии носят упрощенный характер. В связи с этим необходима разработка методических подходов, позволяющих более целостно определить результаты реализации стратегии с учетом сбалансированности регионального развития.

В исследовании использована система сбалансированных показателей Р. Каплана – Д. Нортон и статистические методы снижения размерности в ситуации информационной избыточности (корреляционный анализ, факторный анализ). Был разработан подход к оценке результатов реализации стратегии развития региона, при котором сначала выделяются перспективы стратегического развития, а затем по каждой из них проводится исключение наименее информативных показателей. В соответствии с целевыми значениями стратегических показателей в рамках разных сценариев стратегического развития, фактические значения могут быть отнесены к зеленой, желтой или красной зоне.

Применение данного подхода к Кемеровской области – Кузбассу позволило выделить четыре стратегические перспективы: «Инфраструктура» (создание исходных условий для роста), «Экономика», «Качество жизни» и «Экология». Перспективы «Экономика» и «Качество жизни» в документах стратегического планирования сильно перегружены (15–16 показателей), поэтому ряд стратегических индикаторов был исключен. Сопоставление фактических показателей стратегического развития Кемеровской области – Кузбасса за 2019 г. с целевыми в рамках инерционного, целевого и оптимистического сценариев дало возможность оценить результаты первого года реализации стратегии. Показатели перспективы «Инфраструктура» находятся в зеленой зоне и соответствуют целевому сценарию, что указывает на планомерное создание условий для экономического роста. Большинство показателей перспективы «Экономика» оказались в красной либо желтой зонах, преимущественно из-за неблагоприятной ситуации в угольной отрасли в 2019 г. Вследствие этого не удалось добиться полной реализации целей, связанных с качеством жизни, в особенности демографических и в сфере доходов населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы, финансируемой из средств ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему «Система показателей оценки социально-экономического состояния региона и реализации стратегии его развития (на примере Кемеровской области)».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия, регион, система сбалансированных показателей, методика оценки, корреляционный анализ, Кемеровская область – Кузбасс, сбалансированность стратегии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Акулов А.О., Мухачёва А.В., Нестеров А.Ю. (2020). Комплексная оценка реализации региональных стратегий на основе статистического анализа // Вопросы управления. № 5. С. 132–146.

¹ AuthorID РИНЦ: 614574, ORCID: 0000-0002-2301-7943

² AuthorID РИНЦ: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969

³ AuthorID РИНЦ: 394642, ORCID: 0000-0002-9854-4860

Введение и постановка проблемы

Наличие в России значительного числа документов стратегического планирования регионального уровня обуславливает управленческую проблему корректной оценки уровня их исполнения. Отсутствие практики периодической оценки реализации стратегических целей обесмысливает попытки стратегического управления социально-экономическим развитием, поскольку тем самым из системы управления исключается такой основополагающий элемент, как обратная связь и корректирующие воздействия. Разумеется, определение степени и уровня реализации стратегических целей субъектов РФ предполагает использование научно обоснованных методик, позволяющих агрегировать и анализировать разноплановую информацию. Недостаточное внимание к анализу и оценке реализации документов стратегического планирования после их принятия – одна из главных причин неисполнения стратегий и программ по социально-экономическому развитию регионов.

Безусловно, существует и ряд субъективных проблем – несоответствие сроков действия стратегий субфедеральному политическому циклу, неразвитость конституционно-правовой ответственности за неисполнение документов стратегического планирования, разрыв декларируемых в стратегии и реальных приоритетов лиц, принимающих решения. Однако значительно важнее, что разделы по оценке хода реализации стратегии и возможным корректирующим воздействиям в региональных документах стратегического планирования либо отсутствуют в принципе, либо являются самой лаконичной их частью.

Крайне скупо вопросы мониторинга реализации документов стратегического планирования оговаривает также федеральное и региональное законодательство. В частности, Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» устанавливает, что «высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации готовит ежегодный отчет о ходе исполнения плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития» [1, ст. 44]. Это

говорит об обязательности оценки процессов, а не достигнутых результатов.

Поскольку типичная региональная стратегия обычно содержит 30–50 показателей, как правило, выбранных из системы официального статистического учета, неявно предполагается, что с периодичностью, соответствующей установленному в этом документе горизонту планирования, может проводиться сопоставление индикативных (целевых) значений с достигнутыми. Однако такие действия фактически никогда не выполняются на практике органами власти, существуют лишь разрозненные оценки отдельных авторов в научной литературе [2].

Но самое главное – полезность подобного план-фактного анализа неочевидна. Ясно, что через 5–10 лет от момента принятия стратегии расхождения будут, причём весьма значительные, но при этом отсутствует четкое представление, как эти отклонения интерпретировать, считать ли их значимыми или незначимыми, каков диапазон допустимых значений в зависимости от вида показателя и т. д. Таким образом, существует научная и практическая потребность в модернизации подходов к оценке успешности реализации документов стратегического планирования на региональном уровне.

Обзор литературы

Основной корпус отечественных исследований 2010-х гг., в дескрипторах которых заявлена тема оценки (или мониторинга) реализации (или исполнения) стратегий социально-экономического развития регионов России, исходят из наиболее простой и очевидной методической предпосылки – непосредственного сопоставления целевых и фактических значений стратегических показателей. В частности, С. Р. Халтаевой, Е. Н. Ванчиковой путем план-фактного анализа мезоэкономических индикаторов было показано, что стратегия развития Республики Бурятия реализовывалась лишь на уровне инерционного сценария [3, с. 101]. Аналогичным образом Ю. Н. Буланов, Е. В. Иванова пришли к выводу о низкой степени исполнения стратегии развития Кемеровской области до 2025 года [2].

В работе И. В. Бочкаревой показана невысокая степень реалистичности целей стратеги-

ческого развития Забайкальского края на период до 2030 г. и их реализация также лишь на уровне наименее амбициозного инерционного сценария [4, с. 92]. Несколько иначе подошел к измерению исполнения стратегии Ульяновской области В. А. Шерин, который оперирует данными о месте региона в России по важнейшим стратегическим показателям и полагает, что эта область в 2008–2014 гг. вполне успешно реализовывала свою стратегию, поскольку улучшила рэнкинговые позиции по большинству индикаторов [5].

В исследовании Н. В. Морозовой, Н. В. Бондаренко идет речь о комбинации непосредственного сопоставления количественных показателей и качественных характеристик реализации стратегии, подлежащих специальному измерению, включая степень удовлетворенности населения, маркетинговые позиции региона в стране, качество управления [6, с. 182]. В то же время остается неясной возможность сопоставления результатов таких разнородных оценок между собой.

Существуют отдельные работы с более сложными методическими подходами к оценке реализации стратегии развития регионов [7; 8]. Т. В. Ускова и др. предлагают использовать метод динамических нормативов. Он сводится к тому, что при ранжировании ряда ключевых социально-экономических показателей по темпам роста можно получить характеристику эталонного режима функционирования управляемой системы [8, с. 36]. Поскольку этот режим задает стратегия, фактическая динамика выбранных показателей сравнивается с нормативными в соответствии с определенными «идеальными» соотношениями. Так, например, валовой региональный продукт (ВРП) должен расти быстрее численности населения, что отражает увеличение производительности труда; а ВРП должен увеличиваться быстрее инвестиций в основной капитал, поскольку это характеризует рост отдачи от инвестиций [8, с. 37].

Если данные соотношения соблюдались, в соответствующей матрице проставляется ранг «1», в противном случае «– 1». Далее используются коэффициент Спирмена и коэффициент Кендалла для определения фактического состояния динамического норматива.

Применение этих методических положений к оценке исполнения стратегии развития Вологодской области показало, что ранговый коэффициент корреляции Спирмена по показателям динамического норматива существенно возрос, что указывает на положительную динамику эффективности реализации стратегии [8, с. 38]. Н. Н. Погостинская и др. также опираются на методологию динамического норматива, разработанную И. М. Сыроежким еще в 1980-х гг., хотя выбор конкретных попарных соотношений показателей несколько отличается. Эти авторы считают динамический норматив мерой сбалансированности и системности в реализации стратегии и отмечают, что в большинстве арктических регионов он не соблюдается [7, с. 30].

Методология динамического норматива интересна возможностью сравнения разных регионов, формированием целостного показателя, учитывающего сбалансированность модели регионального развития. Вместе с тем, она игнорирует целевые соотношения показателей, заложенных в стратегию, которые могут существенно отличаться от эталонных при формально идеальных их сочетаниях. Кроме того, остается открытым вопрос о связи между соотношениями показателей и их абсолютными величинами.

А. Н. Соломатин, В. Р. Хачатуров предложили для мониторинга реализации региональной стратегии использовать аддитивную свертку отклонений фактических результатов от целевых показателей [9]. При этом отдельно рассчитываются отклонения, которые оказываются выше и ниже критических значений. В данном случае речь идет о простом суммировании отклонений, которое чревато эффектом субоптимизации. Представляется, что итоговый показатель суммы отклонений малоинформативен для управленческих целей.

Существуют разработки по индексам групп однородных показателей социально-экономического развития региона, которые агрегируют сходные стратегические цели и индикаторы их достижения. Например, А. И. Шишкин отмечает, что в Республике Карелия используются индекс качества жизни (агрегирует показатели душевых доходов, занятости, продолжительности жизни и т. д.), а также со-

циальный и производственный индексы. Их использование позволило понять, что социальный эффект в развитии региона достигается с определенным отставанием от производственного (на 1–2 года), а в последние годы развитие республики потеряло устойчивость [10, с. 20].

Подход, основанный на отборе наиболее информативных показателей для оценки промежуточных результатов реализации стратегии представлен в работе Н. А. Мамедовой, Ю. А. Сизановой. Они выбрали из нескольких десятков стратегических показателей наиболее важные: валовой региональный продукт (ВРП), производительность труда, децильный коэффициент, реальные доходы, безработица, численность населения, – которые позволили продемонстрировать определенное ухудшение положения дел в Мурманской области в 2012–2015 гг. [11, с. 199]. Мысль о выделении ключевых показателей видится интересной, однако никакого обоснования их выбора в статье не приводится.

К этому же направлению исследований может быть отнесена публикация Г. Ф. Балакиной, где выдвинута следующая методическая позиция. Оценка реализации стратегии должна охватывать как экономические, так и социальные результаты. Экономические результаты оцениваются по эффективности реализации инвестиционных проектов, в частности по достигнутому эффекту мультипликатора. Социальные результаты измеряются как «степень удовлетворения социальных потребностей населения региона в сравнении со стандартами развитых стран» [12, с. 1429]. С выделением социальной и экономической компонент оценки стратегии можно лишь согласиться, однако подобным представлениям явно недостает конкретики. Кроме того, их сложно применять в условиях крайней пестроты конкретных целевых стратегических показателей, которые встречаются в стратегиях различных субъектов Российской Федерации [13].

Что касается зарубежных разработок в исследуемой предметной области, то в академической литературе довольно ограниченно представлены конкретные методические подходы. В работе Н. Стефанович (*N. Stefanović*) и др. отмечается, что оценка реализации реги-

ональных стратегических планов является одним из самых слабых звеньев, поскольку недостаточно теоретически исследовано, методологически не обосновано и на практике осуществляется лишь частично [14, с. 55]. В то же время следует учитывать, что, в силу специфики институциональной организации науки в странах со зрелой рыночной экономикой, прикладные разработки в интересах публичной власти и местного самоуправления передаются заказчику и не предполагают широкого опубликования.

Как показывает проведенный обзор публикаций, в ряде случаев оценка результативности исполнения стратегии базируется на качественных данных и экспертных оценках [15], что видится неординарным для современных практик государственного управления, все чаще ориентирующихся на жесткие количественные индикаторы. Многие европейские территории готовят для оценки результатов реализации стратегии количественно-качественные обзоры или доклады. Например, в округе Глазго-Сити (Великобритания) такой доклад носит название «Региональная стратегическая оценка» (*The Regional Strategic Assessment*). Этот документ охватывает такие стратегические перспективы, как экономическое развитие, рынок труда и качество жизни, а также привлекательность Глазго среди других городов. Значительное внимание уделено показателям числа и качества рабочих мест, квалификации жителей, работе общественного транспорта, справедливому распределению выгод от экономического роста [16]. Интересно также, что все показатели рассматриваются в сравнении с 16 регионами-конкурентами.

В Британской Колумбии (Канада) для мониторинга успешности реализации стратегии выделено от 1 до 3 показателей по 10 стратегическим темам: земля, экономика, вода, здоровье, еда, жилье, климат, экосистема, транспорт, государственное управление. При этом показатели дифференцированы по срокам оценки. Например, по теме «Жилье» каждые 2–3 года определяются показатели «удельный вес современного жилья», «арендная плата по сравнению со средней по стране», каждые 5 лет – «удельный вес домохозяйств, которые тратят на жилье более 30 % дохода» [17]. Здесь импо-

нирует как довольно четко выраженная ориентация на качество жизни, так и высокое качество методической проработки специфических индикаторов.

Среди немногих обобщающих позитивных исследований можно выделить анализ подходов к оценке реализации стратегий по 16 областям Чили, проведенный И. Франчи-Арзола (*I. Franchi-Arzola*) и др. [18]. Ими, в частности, показано, что декларируемое всеми областями в качестве важнейшего стратегического приоритета устойчивое развитие в разной степени представлено в системах индикаторов исполнения стратегии. Например, в провинции Айсен (исп. *Aysén*) соответствующие показатели появились лишь после одного из крупнейших в истории Чили социально-экологических конфликтов вокруг мегапроекта «HidroAysén». При этом даже по заявленным индикаторам мониторинг ведется далеко не всегда. Эта работа подчеркивает существенное внимание к экологическому аспекту, как одному из стратегических приоритетов разработки и реализации стратегии.

Вообще, за рубежом в процессах мониторинга реализаций стратегий территорий аспекту сбалансированности уделяется серьезное внимание. В Нидерландах исходят из того, что стратегия будет успешной, если ведет к одновременному росту трех капиталов: экологического, социокультурного и экономического. В каждой из провинций по этим направлениям вырабатываются собственные индикаторы с учетом региональной специфики. Так, в четырех провинциях (Северный Брабант, Зеландия, Лимбург, Утрехт) в общей сложности существует 79 показателей, но лишь 23 из них приняты в каждой из них [19].

Как показывает проведенный анализ литературы, существующие подходы к оценке результатов реализации стратегии нуждаются в дальнейшем развитии. Они либо излишне громоздки и ограничивают возможность выделить главное (в случае план-фактного анализа по всему кругу показателей), либо предполагают сложный инструментарий, перспективность применения которого на практике сомнительна, либо же приводят к чрезмерной агрегации разноплановой информации в одном или нескольких показателях. Более инте-

ресны попытки выбрать максимально представительные показатели, но они редко имеют содержательное математическое или экономическое обоснование. В то же время отечественные подходы не учитывают идею сбалансированности стратегии с позиции качества жизни.

Таким образом, целью исследования является разработка и апробация методического инструментария оценки результатов реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на основе снижения размерности данных и учета сбалансированности регионального развития.

Материал и методы исследования

Предлагаемый методический инструментарий базируется на двух положениях. Во-первых, для оценки результатов реализации стратегии необходимо корректное разделение показателей по группам, так или иначе отражающим, по крайней мере, экономические, социальные и экологические результаты. Для этого предлагается использовать методологию сбалансированной системы показателей (ССП) Р. Каплана – Д. Нортон [20; 21], учитывая, разумеется, отличия региона как объекта управления от фирмы и необходимость наличия иных, по сравнению с классическими (финансы, рынок, процессы, обучение и рост), перспектив развития.

Принципиально возможно воспользоваться описанным выше опытом Нидерландов, выделив в соответствующие перспективы экономические показатели, экологическую ситуацию и качество жизни. Однако, в зависимости от принятого в регионе подхода к постановке стратегических целей, к подбору показателей могут быть добавлены такие перспективы, как инфраструктура, безопасность и др. На взгляд авторов, при «переформатировании» наборов стратегических показателей с учетом сбалансированности, следует учитывать конкретное содержание и логику региональных стратегий. Также необходимо принять во внимание, что показатели, связанные с уровнем и качеством жизни будут вышележащей перспективой по отношению к экономическому развитию, поскольку главной целью большинства стратегий обычно является повышение качества жизни [22; 23].

Во-вторых, для отбора наиболее представительных показателей из всей их совокупности предлагается использовать комбинацию традиционных инструментов снижения размерности – корреляционного и факторного анализа. В исследовании строилась матрица парных коэффициентов корреляции по каждой перспективе показателей, представленных в документах стратегического планирования. Среди показателей, имеющих корреляционную зависимость, часть может быть исключена. В том случае, если корреляция имеет экономический смысл, по содержательным соображениям исключаются менее информативные и ценные для системы управления показатели. Если же корреляционная связь не имеет экономического объяснения, проводится факторный анализ, с целью исключить показатели, более тесно связанные с ведущим фактором, т. е. близкими индикаторами. Такой подход, по мнению авторов, позволяет сократить информационную избыточность в разных группах (перспективах) показателей.

Материалом для исследования послужили документы стратегического планирования Кемеровской области – Кузбасса, где в 2018 г. была принята «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» [24], а также официальные статистические публикации Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области (Кемеровостата) [25].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализируя содержание и взаимосвязи стратегических показателей Кемеровской области – Кузбасса, авторы выявили, что заложенные в документы стратегического планирования приоритеты, цели, соответствующие им задачи, индикаторы достижения задач могут быть представлены в определенной логике, отвечающей методологии ССП. В частности, предлагается выделить четыре перспективы:

– «Инфраструктура», где идет речь о создании стартовых условий для привлечения инвестиций, экономического роста и улучшения качества жизни;

– «Экономика», характеризующая собственнo экономический рост и развитие региона;

– «Качество жизни», в которой раскрываются непосредственные положительные эффекты для жизни людей;

– «Экология», отражающая улучшение экологической обстановки в регионе.

В рамках данной логики изначально создаются инфраструктурные и институциональные условия для экономического и социального прогресса, затем ускоряется экономическое развитие, позволяющее, в свою очередь, повысить качество жизни и улучшить экологическую обстановку.

Приведём разделение показателей Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г. по перечисленным четырем перспективам.

Инфраструктура

Протяженность автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием (АДУП), доля автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям (АДСТ), доля новых направлений подготовки в среднем профессиональном и высшем образовании (ДННП), уровень газификации объектов гражданского и промышленного строительства (УГС).

Экономика

Валовой региональный продукт (ВРП), ВРП на душу населения (ВРПНД), индекс промышленного производства (ИПП), добыча угля (ДУ), переработка угля (ПУ), энергоёмкость ВРП (ЭВРП), объем сельскохозяйственного производства (ОСХП), доля организаций, осуществляющих технологические инновации (ОТИ), индекс производительности труда (ИПТ), доля несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ), инвестиции в основной капитал (ИОК), инвестиции в основной капитал на душу населения (ИОКДН), доля инвестиций в основной капитал в ВРП (ИВРП), численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (ЗМСП), доля малого и среднего предпринимательства в ВРП (МСПВРП).

Качество жизни

Численность населения (ЧН), рождаемость (Р), смертность (С), суммарный коэффициент рождаемости (СКР), ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (ГФС), среднедушевые денежные доходы (СДД), реальные располагаемые денежные доходы населения (РДД), среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работающего (ЗПН), уровень преступности (УП), обеспеченность жильем (ОЖ), превышение уровней потенциальных опасностей, обусловленных чрезвычайными ситуациями и пожарами, по сравнению с допустимым уровнем (ПУПП), безработица по методологии Международной организации труда (БМОТ), доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (НПМ), уровень удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры (УУК), расходы на культуру и искусство на душу населения (РКИ).

Экология

Количество вредных веществ, отходящих от всех стационарных источников выделения (ВВ), доля улавливаемых и обезвреживаемых вредных веществ (УОВВ), доля загрязненных сточных вод (ЗСВ).

Представленные данные показывают, что показатели реализации стратегии Кемеровской области – Кузбасса отражают все четы-

ре перспективы развития, но в неравной степени. Если по перспективам «Инфраструктура» и «Экология» представлено 3–4 показателя, то перспектива «Экономика» характеризуется 15 показателями, «Качество жизни» – 16. Это указывает на определенную информационную избыточность и несбалансированность индикаторов реализации стратегии в разрезе разных перспектив. Многие показатели явно имеют корреляцию и информационно избыточны для оценки реализации стратегии. Поэтому по перспективам «Экономика» и «Качество жизни» целесообразно провести снижение размерности.

С этой целью были получены матрицы парных коэффициентов корреляции соответствующих показателей (по данным за 2010–2018 гг.), представленные в таблицах 1 и 2.

Из анализа были исключены отдельные показатели, по которым нет ретроспективных данных (доля организаций, осуществляющих технологические инновации, доля МСП в ВРП, уровень удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры). Т. к. период наблюдений охватывает 9 лет, то число степеней свободы составляет 7, а критическое значение коэффициента корреляции при $\alpha = 0,05$ должно быть более 0,67 (данные значения в таблицах 1–2 выделены полужирным шрифтом). Учитывая значительную корреляцию ряда показателей, в ряде случаев можно говорить о целесообразности исключения части из них.

Таблица 1 – Матрица парных коэффициентов корреляции показателей стратегии Кемеровской области – Кузбасса по перспективе «Экономика»
Table 1 – Matrix of paired correlation coefficients of the strategy indicators of the Kemerovo Region - Kuzbass for the perspective "Economy"

	ВРП	ВРПНД	ИПП	ДУ	ПУ	ЭВРП	ОСХП	ИПТ	ННЭ	ИОК	ИОКДН	ИВРП	ЗМСП
ВРП	1	1,00	– 0,05	0,94	0,15	– 0,91	0,60	0,34	0,31	0,34	0,38	– 0,62	– 0,74
ВРПНД		1	– 0,05	0,95	0,14	– 0,91	0,61	0,35	0,32	0,34	0,38	– 0,62	– 0,74
ИПП			1	– 0,22	0,49	0,02	– 0,47	0,01	0,10	– 0,13	– 0,14	– 0,12	– 0,31
ДУ				1	– 0,04	– 0,87	0,77	0,38	0,37	0,30	0,35	– 0,59	– 0,68
ПУ					1	– 0,06	– 0,10	0,46	0,22	– 0,03	– 0,03	– 0,19	– 0,26
ЭВРП						1	– 0,67	– 0,26	– 0,09	0,00	– 0,05	0,82	0,81
ОСХП							1	0,34	0,30	– 0,10	– 0,06	– 0,61	– 0,51
ИПТ								1	0,45	– 0,17	– 0,15	– 0,44	– 0,43
ННЭ									1	0,16	0,18	– 0,16	– 0,48
ИОК										1	0,99	0,53	0,26
ИОКДН											1	0,49	0,22
ИВРП												1	0,89
ЗМСП													1

Таблица 2 – Матрица парных коэффициентов корреляции показателей стратегии Кемеровской области – Кузбасса по перспективе «Качество жизни»
 Table 2 – Matrix of paired correlation coefficients of the strategy indicators of the Kemerovo Region - Kuzbass for the perspective “Quality of life”

	ЧН	Р	С	СКР	ОПЖ	ГФС	СДД	РДД	ЗПН	УП	ОЖ	ПУПП	БМОТ	НПМ	РКИ
ЧН	1	0,80	0,89	-0,20	0,98	0,97	- 0,98	0,42	- 0,99	0,93	0,99	- 0,80	0,53	- 0,76	0,88
Р		1	0,51	0,38	0,72	- 0,90	0,69	0,04	- 0,82	0,84	- 0,83	- 0,86	0,17	-0,45	- 0,81
С			1	-0,50	- 0,96	- 0,77	- 0,92	0,61	- 0,85	0,75	- 0,88	-0,61	0,64	- 0,86	-0,64
СКР				1	0,31	0,05	0,36	- 0,76	0,12	0,02	0,17	-0,15	-0,23	0,58	-0,11
ОПЖ					1	0,92	0,98	-0,50	0,96	- 0,89	0,98	0,76	-0,56	0,83	0,79
ГФС						1	0,92	-0,32	0,96	- 0,94	0,97	0,86	-0,33	0,72	0,85
СДД							1	-0,48	0,96	- 0,86	0,96	0,69	-0,55	0,81	0,81
РДД								1	-0,34	0,22	-0,43	-0,25	0,16	- 0,80	-0,12
ЗПН									1	- 0,95	0,98	0,80	-0,57	0,69	0,93
УП										1	- 0,94	- 0,85	0,49	-0,63	- 0,88
ОЖ											1	0,85	-0,48	0,77	0,86
ПУПП												1	-0,15	0,52	0,69
БМОТ													1	-0,29	-0,62
НПМ														1	0,42
РКИ															1

Так, по перспективе «Экономика» очень высокий уровень коэффициентов корреляции (более 0,90, практически прямая функциональная связь) наблюдается, в частности, у таких пар показателей, как «ВРП на душу населения – ВРП», «добыча угля – ВРП», «ВРП на душу населения – добыча угля», «инвестиции в основной капитал – инвестиции в основной капитал на душу населения». Высокий уровень корреляции данных показателей легко объяснить. Поскольку численность населения в отличие от ВРП и объема инвестиций изменяется обычно монотонно и весьма медленно, динамика соответствующих валовых и удельных показателей имеет очень высокий уровень связи. Связь добычи угля и ВРП объясняется высокой степенью монопрофильной зависимости региона.

Исходя из этого, полагаем, что для оценки реализации показателей стратегической перспективы «Экономика» нецелесообразно использовать одновременно абсолютные и душевые показатели ВРП и инвестиций, рациональнее остановиться на душевых значениях ВРП и инвестициях в основной капитал (это также облегчит проведение межрегиональных сравнений).

Кроме того, из системы показателей для проведения оценки рекомендуем исключить добычу угля, что мотивируется следующими соображениями. Во-первых, даже при успешной диверсификации экономики (которой,

впрочем, не происходило в Кемеровской области – Кузбассе никогда) корреляция ВРП и добычи угля, по-видимому, сохранится. Во-вторых, в составе стратегических показателей находится также индикатор «Переработка угля», который более корректно отражает развитие угольной отрасли, где необходимо ориентироваться на обогащение всего добытого сырья.

Следует полагать избыточным показатель «численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства». Хотя в регионе отсутствуют ретроспективные данные о вкладе данного сектора в ВРП, представляется, что показатель «доля малого и среднего предпринимательства в ВРП» более адекватно отразит соответствующую стратегическую цель. Тем более что занятость в малом и среднем предпринимательстве имеет отрицательную корреляцию с ВРП, а это указывает на поглощение части безработных при спаде в базовых отраслях субъектами малого и среднего предпринимательства с низкой производительностью труда и заработной платой. Вряд ли это может считаться стратегической целью регионального развития.

Без потери информативности также может быть исключен показатель «доля инвестиций в основной капитал в ВРП». Хотя формально корреляция инвестиций и ВРП несколько ниже уровня статистической значимости, более важно то, что при достижении целевых значе-

ний ВРП и инвестиций в основной капитал соответствующие пропорции накопления и потребления сложатся автоматически. Комментируя положение в системе показателей энергоемкости ВРП, можно отметить, что, судя по данным таблицы 1, потребление энергоресурсов сокращается при увеличении номинального ВРП. Однако энергоемкость ВРП считаем целесообразным оставить в составе показателей оценки, поскольку сохранение стабильности такого соотношения не гарантировано.

Также является, на первый взгляд, парадоксальным отсутствие статистических связей между индексом промышленного производства и душевым ВРП ($-0,05$), а также индексом производительности труда и душевым ВРП ($0,35$). С точки зрения традиционных представлений, производительность труда является важнейшим фактором экономического роста (даже с учетом возможного временного лага между изменением выработки и макроэкономических показателей), а промышленное производство в Кемеровской области – Кузбассе является одной из главных компонент ВРП. Подобный парадокс имеет, на наш взгляд, методическую природу, поскольку показатель ВРП было предложено измерять в абсолютном номинальном выражении, тогда как индексы промышленного производства и производительности труда имеют относительный характер.

По показателям перспективы «Качество жизни» обнаруживается больше корреляционных связей и зависимостей. Наиболее очевидна в этой группе высокая корреляция демографических показателей – численности населения, рождаемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни (от $0,72$ до $0,98$). Содержательная взаимосвязь данных индикаторов также вполне логична. Поэтому вполне достаточно остановиться на численности населения и суммарном коэффициенте рождаемости, чтобы в полной мере оценить демографические аспекты качества жизни в регионе.

В группе показателей доходов и заработной платы обращает на себя внимание ожидаемая зависимость среднедушевых денежных доходов и заработной платы ($0,96$) при одновременном отсутствии связи располагаемых и реальных доходов, а также реальных до-

ходов и заработной платы. Причина таких взаимосвязей также заключается в одновременном использовании номинальных и дефлированных показателей. В данной ситуации показатель среднедушевых денежных доходов информационно избыточен. Также для общей оценки результатов реализации стратегии предлагается исключить показатель реальных располагаемых денежных доходов населения, т. к. он имеет сильную взаимосвязь с индикатором «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» ($-0,80$), а последний является более важной характеристикой достижения стратегических целей по борьбе с бедностью.

Еще один менее представительный показатель, создающий информационную избыточность – это, на взгляд авторов, расходы на культуру и искусство на душу населения. Они тесно связаны с численностью населения ($0,88$), и сокращение численности жителей региона обуславливает автоматическое увеличение душевого показателя. Кроме того, представляется более важным именно уровень удовлетворенности населения, а не затраченные ресурсы.

Остальные показатели перспективы «Качество жизни» целесообразно использовать для обобщенной оценки результатов реализации стратегии, поскольку многие корреляционные связи являются статистическими артефактами. Например, обратная связь ($-0,99$) между численностью населения и номинальной заработной платой объясняется монотонным сокращением первого показателя на фоне инфляционных процессов.

Непосредственно оценку результатов реализации стратегии региона предлагается проводить путем сопоставления фактических и целевых показателей, учитывая, что в Кемеровской области – Кузбассе, как и большинстве других регионов, определены три сценария: консервативный, целевой и оптимистичный. Исходя из этого, по каждому показателю выделим зоны по часто применяемому принципу светофора, где красная зона указывает на критическую ситуацию и необходимость принятия срочных мер, желтая зона – на серьезные проблемы, а зеленая зона свидетельствует о достижении необходимого результата:

Таблица 3 – Результаты оценки реализации стратегии Кемеровской области – Кузбасса в 2019 г.
Table 3 – Results of assessing the implementation of the strategy of the Kemerovo region – Kuzbass in 2019

	Консерватив- ный сценарий	Целевой сценарий	Оптимистич- ный сценарий	Фактическое значение	Зона оценки
<i>Перспектива «Инфраструктура»</i>					
АДУП	10,0	11,2	11,5	14,3	Зеленая
АДСТ	37,7	38,6	38,7	39,6	Зеленая
ДННП	22,5	25,0	30,0	25,0	Зеленая
УТС	2,3	3,0	3,1	2,3	Желтая
<i>Перспектива «Экономика»</i>					
ВРПНД	451,3	461,3	478,2	375,2 (оценка)	Красная
ИПП	108,5	112,4	116,4	102,4	Красная
ПУ	70,0	71,0	72,0	33,2	Красная
ЭВРП	370	360	350	н/д	—
ОСХП	100,4	101,3	102,5	98,1	Красная
ИПТ	103,5	104,8	105	н/д	—
ННЭ	23,0	25,0	25,3	31,0	Зеленая
ИОКДН	98,0	115,3	120,0	111,7	Желтая
МСПВРП	11,0	11,2	11,5	12,0 (оценка)	Зеленая
<i>Перспектива «Качество жизни»</i>					
ЧН	2670,6	2710,0	2715,0	2666,1	Красная
СКР	1,550	1,571	1,600	1,492	Красная
ГФС	45,0	47,0	50,0	43,0	Красная
ЗПН	38,6	43,6	43,8	41,7	Желтая
УП	1629	1474	1390	2017	Красная
ОЖ	25,1	25,2	25,5	25,0	Красная
ПУПП	3	2	2	3	Желтая
БМОТ	5,8	5,1	5,0	5,5	Желтая
НПМ	15,2	12,5	12,3	13,9	Желтая
УУК	88,7	89,0	89,3	н/д	—
<i>Перспектива «Экология»</i>					
ВВ	1410	1385	1380	1548	Красная
УОВВ	81,0	82,0	83,0	—	н/д
ЗСВ	31,0	30,0	25,0	19,7	Зеленая

– красная зона: фактическое значение показателя хуже, чем предполагается консервативным сценарием;

– желтая зона: фактическое значение показателя находится в интервале между консервативным и целевым сценариями;

– зеленая зона: фактическое значение показателя лучше, чем это предполагалось целевым сценарием.

Данные таблицы 3 позволяют оценить итоги первого года реализации стратегии социально-экономического развития региона. Хотя 10 показателей находятся в красной зоне, еще 6 – в желтой и только 6 – в зеленой, необходимо отметить, что по перспективе «Инфраструктура» большинство показателей успешно достигнуты. Это свидетельствует о том, что в регионе планомерно формируются усло-

вия для ускорения экономического развития и улучшения качества жизни людей. Прежде всего, это касается дорожного строительства и внедрения новых направлений подготовки в образовательных организациях.

Итоги экономического развития в 2019 г. оказались гораздо хуже ожидаемых, что обусловлено внешними факторами, зависимость региона от которых объективно не могла быть устранена в короткий срок. Как известно, в 2019 г. существенно снизились цены и спрос на уголь, что оказало самое негативное влияние на экономическое развитие Кемеровской области – Кузбасса. В силу этого в красную зону попали показатели душевого ВРП, промышленного производства, переработки угля. Вероятнее всего, негативную динамику покажет и индекс производительности труда. В то

же время несколько более благоприятная ситуация сложилась в сфере инвестиций, что внушает определенный оптимизм.

Примечательно, что в ситуации общего спада в зеленую зону попали показатели несырьевого неэнергетического экспорта и доли малого и среднего предпринимательства в ВРП. Это обусловлено не ускоренным развитием малого бизнеса как такового и созданием новых экспортных производств, а падением удельного веса базовых отраслей экономики (угольной и металлургической) в общей структуре выпуска и экспорта. Следовательно, с методической точки зрения, подтверждается представительность выбранных индикаторов для комплексной оценки результатов реализации стратегии в целом.

Что касается перспективы «Качество жизни», уровень реализации стратегических целей является довольно низким. В первую очередь это касается демографических показателей, свидетельствующих о продолжающемся снижении численности жителей региона. Негативные демографические тенденции переломить не удалось, судя по всему, поставленные на 2019 г. целевые значения показателей были необоснованно оптимистичными. Неблагоприятная ситуация в сфере занятости и доходов также не позволила выйти на целевые значения обеспеченности жильем. Не вполне обоснованными выглядят также целевые показатели по уровню преступности, поскольку за 2018–2019 гг. в регионе стабильно фиксировалось более 53 тыс. преступлений. Таким образом, неблагоприятные экономические тенденции не позволили существенно изменить к лучшему социальную обстановку.

Результаты реализации стратегии в рамках перспективы «Экология» оценивать на данном этапе достаточно сложно, поскольку формальное значительное увеличение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников вызвано изменением методологии учета и пересчетом соответствующих данных за 2017–2019 гг. При этом предпринятые в 2018–2019 гг. усилия уже привели к существенному снижению удельного веса сточных вод, сбрасываемых без очистки, что положительно повлияет

на экологическую обстановку в Кемеровской области – Кузбассе.

Заключение

В ситуации значительного разнообразия конкретных показателей достижения целей стратегического планирования в разных регионах страны, определенной информационной избыточности для оценки результатов реализации стратегии целесообразен отбор наиболее информативных показателей, исключение индикаторов, имеющих корреляционные связи с другими. Это позволит проводить достаточно полный план-фактный анализ, исключив информационную избыточность. Наряду с этим, целесообразно разделять показатели достижения стратегических целей на основе методологии системы сбалансированных показателей, выделяя такие перспективы, как «Экономика», «Качество жизни» и «Экология». В данном случае появляется возможность не только формального определения исполнения либо неисполнения конкретных показателей, но и исследования причинно-следственных связей между ними.

Реализация данного методического подхода на материалах Кемеровской области – Кузбасса привела к необходимости выделения четырех перспектив, находящихся в причинно-следственных связях. Так, перспектива «Инфраструктура» связана с созданием исходных условий для экономического и социального развития, перспектива «Экономика» характеризует сами темпы и качество экономического роста. Данная перспектива является основой для достижения целевых показателей перспектив «Качество жизни» и «Экология».

При оценке результатов реализации стратегии в 2019 г. (это первый год исполнения новой стратегии региона) авторы пришли к выводу, что стартовые условия для экономического и социального развития Кемеровской области – Кузбасса формируются достаточно активно, соответствующие показатели находятся в зеленой зоне. Одновременно кризис на угольном рынке вызвал невыполнение большинства показателей, связанных с перспективой «Экономика», а это в свою очередь сказалось и на недостаточном уровне реализации целей в сфере качества жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 18.07.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3378.
2. Буланов Ю.Н., Иванова Е.В. (2018). Оценка предварительных результатов реализации стратегии развития Кемеровской области до 2025 года // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3. Ст. 5512.
3. Халтаева С.Р., Ванчикова Е.Н. (2012). Оценка реализации стратегии социально-экономического развития региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. № 4. С. 99–101.
4. Бочкарева И.В. (2014). Оценка реализации стратегических направлений развития Забайкальского края на период до 2030 года // Вестник Забайкальского государственного университета. № 5. С. 86–93.
5. Шерин В.А. (2016). Оценка реализации региональной стратегии // Российский экономический интернет-журнал. № 1. С. 34.
6. Морозова Н.В., Бондаренко Н.В. (2014). Подходы к оценке эффективности реализации региональных стратегий социально-экономического развития // Вестник Чувашиского университета. № 3. С. 178–182.
7. Погостинская Н.Н., Погостинский Ю.А., Власова М.С. (2019). Измерение стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. № 1. С. 21–33.
8. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я. Оценка реализации стратегии развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1. С. 30–42.
9. Соломатин А.Н., Хачатуров В.Р. (2015). Методы контроля реализации стратегий регионального развития // Проблемы управления. Вып. 5. С. 53–61.
10. Шишкин А.И. (2015). Мониторинг развития Республики Карелия (период с 1992-го по 2013 год) // Экономика и управление. № 3. С. 18–21.
11. Мамедова Н.А., Сизанова Ю.А. (2017). Оценка реализации стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 г. и на период до 2025 г. // Вестник Томского университета. Экономика. № 37. С. 196–205.
12. Балакина Г.Ф. (2017). Проблемы определения эффективности реализации стратегии развития региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15, № 8. С. 1428–1441.
13. Маковкина С.А. (2018). Формирование института стратегического планирования в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы управления. № 6. С. 60–66.
14. Stefanović N., Josimović B., Hristić N. (2018). Models of implementation of spatial plans: Theoretical approach and case studies for spatial plans for the special purpose area. In: Y. Ergen (ed.) *An Overview of Urban and Regional Planning*. London: IntechOpen.
15. Grooten L., Fabbriotti I. N., Devroey D., Vrijhoef H. (2020). Assessment of the implementation fidelity of a strategy to scale up integrated care in five European regions: a multimethod study, *BMJ Open*, vol. 10, no. 3. DOI: 10.1136/bmjopen-2019-035002.
16. Regional Strategic Assessment. *Glasgow City Region*. URL: <http://www.glasgowcityregion.co.uk/RSA> (accessed 05.07.2020).
17. Regional growth strategy monitoring program. Our home. Our future. *Regional District of Central Okanagan*. URL: https://www.regionaldistrict.com/media/275808/RGS_Monitoring_Program.pdf (accessed 05.07.2020).
18. Franchi-Arzola I., Martin-Vide J., Henríquez C. (2018). Sustainability assessment in development planning in subnational territories: Regional development strategies in Chile, *Sustainability*, vol. 10, no. 5. pp. 1–30.
19. Hermans F., Haarmann W., Dagevos J. (2011). Evaluation of stakeholder participation in monitoring regional sustainable development, *Regional Environmental Change*, vol. 11, no. 3, pp. 805–815.
20. Каплан Р., Нортон Д. (2006). Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М. : Олимп-Бизнес.
21. Каплан Р., Нортон Д. (2012). Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М. : Олимп-Бизнес.
22. Косинский П.Д., Чупрякова А.Г. (2016). Экономический рост как функция качества жизни населения региона // Фундаментальные исследования. № 11-5. С. 1021–1025.

23. Морозова Е.А. (2018). Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 3. С. 35–41.

24. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социаль-

но-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Кузбасс. 2019. № 1.

25. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. URL: <http://kemerovostat.gks.ru/> (дата обращения: 05.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Акулов Анатолий Олегович – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); akuanatolij@yandex.ru.

Мухачёва Анна Валентиновна – кандидат экономических наук; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); oblakko@mail.ru.

Нестеров Алексей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); nesterov.rf@gmail.com.

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL STRATEGIES BASED ON STATISTICAL ANALYSIS

A.O. Akulov^{4a}, A.V. Mukhachyova^{5a}, A.Yu. Nesterov^{6a}

^aKemerovo State University

ABSTRACT:

The most important aspect of the strategic management of the development of territories and regions is the assessment of the results of the implementation of the strategy. Currently, methodological approaches to assessing the implementation of the strategy are simplified. In this regard, it is necessary to develop methodological approaches that would allow for a more holistic determination of the results of the implementation of the strategy, taking into account the balance of regional development.

The study used the balanced scorecard by R. Kaplan – D. Norton and statistical methods of dimensionality reduction in a situation of information redundancy (correlation analysis, factor analysis). An approach to assessing the results of the implementation of the regional development strategy was developed, in which the prospects for strategic development are first identified, and then the least informative indicators are excluded for each of them. In accordance with the target values of strategic indicators within the framework of different scenarios of strategic development, the real values can be assigned to the green, yellow or red zone.

The application of this approach to the Kemerovo region – Kuzbass made it possible to identify four strategic perspectives: “Infrastructure” (creation of initial conditions for growth), “Economy”, “Quality of life” and “Ecology”. The perspectives “Economics” and “Quality of Life” in strategic planning documents are heavily overloaded (15–16 indicators), so a number of strategic indicators were excluded. Comparison of the real indicators of the strategic development of the Kemerovo Region – Kuzbass for 2019 with the target indicators within the inertial, target and optimistic scenarios made it possible to assess the results of the first year of the strategy implementation. The Infrastructure outlook indicators are in the green zone and in line with the target scenario, which indicates the orderly creation of conditions for economic growth. Most

⁴RSCI AuthorID: 614574, ORCID: 0000-0002-2301-7943

⁵RSCI AuthorID: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969

⁶RSCI AuthorID: 394642, ORCID: 0000-0002-9854-4860

indicators of the outlook for “Economics” were in the red or yellow zones, mainly due to the unfavorable situation in the coal industry in 2019. As a result, it was not possible to achieve the full implementation of the goals related to the quality of life, especially demographic and income goals.

FUNDING: The article is based on the results of research funded by the Kemerovo State University on the subject “System of indicators for assessing the socio-economic situation in the region and the implementation of its development strategy (on the example of the Kemerovo region)”.

KEYWORDS: strategy, region, system of well balanced indices, evaluation methods, correlation analysis, Kemerovo region – Kuzbass, well balanced strategies.

FOR CITATION: Akulov A.O., Mukhachyova A.V., Nesterov A.Yu. (2020). Comprehensive assessment of the implementation of regional strategies based on statistical analysis, *Management Issues*, no. 5, pp. 132–146.

REFERENCES

1. Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation” (as amended on July 18, 2019). Collected Legislation of the Russian Federation. 2014, no. 26. Art. 3378.
2. Bulanov Yu.N., Ivanova E.V. (2018). Assessment of the preliminary results of the implementation of the development strategy of the Kemerovo region until 2025, *Regional economy and management: electronic scientific journal*, no. 3. Art. 5512.
3. Khaltayeva S.R., Vanchikova E.N. (2012). Assessment of the implementation of the strategy of socio-economic development of the region, *Economics, statistics and informatics. Bulletin of Educational Methodical Association*, no. 4, pp. 99–101.
4. Bochkareva I.V. (2014). Assessment of the implementation of strategic directions for the development of the Trans-Baikal Territory for the period up to 2030, *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, no. 5, pp. 86–93.
5. Sherin V.A. (2016). Assessment of the implementation of the regional strategy, *Russian Economic Internet Journal*, no. 1. P. 34.
6. Morozova N.V., Bondarenko N.V. (2014). Approaches to assessing the effectiveness of the implementation of regional strategies for socio-economic development, *Bulletin of the Chuvash University*, no. 3, pp. 178–182.
7. Pogostinskaya N.N., Pogostinsky Yu.A., Vlasova M.S. (2019). Measuring the strategy of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation, *Arctic: ecology and economics*, no. 1, pp. 21–33.
8. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Asanovich V.Ya. (2015.) Assessment of the implementation of the regional development strategy, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1, pp. 30–42.
9. Solomatin A.N., Khachaturov V.R. (2015). Methods for monitoring the implementation of regional development strategies, *Management problems*, no. 5, pp. 53–61.
10. Shishkin A.I. (2015). Monitoring the development of the Republic of Karelia (period from 1992 to 2013), *Economics and Management*, no. 3, pp. 18–21.
11. Mamedova N.A., Sizanov Yu.A. (2017). Assessment of the implementation of the strategy of socio-economic development of the Murmansk region until 2020 and for the period until 2025, *Bulletin of Tomsk University. Economy*, no. 37, pp. 196–205.
12. Balakina G.F. (2017). Problems of determining the effectiveness of the implementation of the regional development strategy, *Regional economy: theory and practice*, vol. 15, no. 8, pp. 1428–1441.
13. Makovkina S.A. (2018). Trends of formation of a strategic planning system in the Russian Federation: regional aspect, *Management Issues*, no. 6, pp. 60–66.
14. Stefanović N., Josimović B., Hristić N. (2018). Models of implementation of spatial plans: Theoretical approach and case studies for spatial plans for the special purpose area. In: Y. Ergen (ed.) *An Overview of Urban and Regional Planning*. London: IntechOpen.
15. Grooten L., Fabbriotti I. N., Devroey D., Vrijhoef H. (2020). Assessment of the implementation fidelity of a strategy to scale up integrated care in five European regions: a multimethod study, *BMJ Open*, vol. 10, no. 3. DOI: 10.1136/bmjopen-2019-035002.
16. Regional Strategic Assessment. *Glasgow City Region*. URL: <http://www.glasgowcityregion.co.uk/RSA> (accessed 05.07.2020).
17. Regional growth strategy monitoring program. Our home. Our future. *Regional District of Central Okanagan*. URL: https://www.regionaldistrict.com/media/275808/RGS_Monitoring_Program.pdf (accessed 05.07.2020).
18. Franchi-Arzola I., Martin-Vide J., Henrí-

quez C. (2018). Sustainability assessment in development planning in subnational territories: Regional development strategies in Chile, *Sustainability*, vol. 10, no. 5, pp. 1–30.

19. Hermans F., Haarmann W., Dagevos J. (2011). Evaluation of stakeholder participation in monitoring regional sustainable development, *Regional Environmental Change*, vol. 11, no. 3, pp. 805–815.

20. Kaplan R., Norton D. (2006). Balanced scorecard. From strategy to action. Moscow, Olymp-Business.

21. Kaplan R., Norton D. (2012). Strategic cards. Transformation of intangible assets into tangible results. Moscow, Olymp-Business.

22. Kosinskiy P.D., Chupryakova A.G. (2016).

Economic growth as a function of the quality of life of the population of the region, *Fundamental research*, no. 11-5, pp. 1021–1025.

23. Morozova E.A. (2018). Quality of life of the population as an indicator of socio-economic development of single-industry towns, *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3, pp. 35–41.

24. Law of the Kemerovo Region No. 122-OZ dated December 26, 2018 “On Approval of the Strategy for Socio-Economic Development of the Kemerovo Region until 2035”. Kuzbass, 2019, no. 1.

25. Official site of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kemerovo Region. URL: <https://kemerovostat.gks.ru/> (accessed 07.05.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Anatoliy O. Akulov – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); akuanatolij@yandex.ru.

Anna V. Mukhachyova – Ph.D. of Economic Sciences; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); oblakkko@mail.ru.

Aleksey Yu. Nesterov – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); nesterov.rf@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@gaopera.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет _____. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл.-печ. л. 16,85. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № ____.